

В. Б. КНЯЖИНСКИЙ

Трoвал планов

99 ОБЪЕДИНЕНИЯ

ЕВРОПЫ 66

В. Б. КНЯЖИНСКИЙ

ПРОВАЛ ПЛАНОВ
«ОБЪЕДИНЕНИЯ
ЕВРОПЫ»

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПОПЫТОК
АНТИСОВЕТСКОГО «ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ»
МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ
ВОЙНАМИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва . 1958

Княжинский Всеволод Борисович

ПРОВАЛ ПЛАНОВ
«ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ»

Очерк истории империалистических попыток антисоветского
«объединения Европы» между первой и второй мировыми войнами

Редактор *Г. Вербицкий*

Художник *Н. Липин*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *А. Тюнева*

Сдано в набор 6 декабря 1957 г. Подписано в печать 12 марта 1958 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 6⁵/₈. Условн. пэч. л. 10,865. Учетно-изд. л. 11,5.
Тираж 15 тыс. экз. А 03010. Заказ № 3095. Цена 4 руб.

Государственное издательство политической литературы,
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс разложения капиталистической системы, выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему, характеризующие современную эпоху, ярко проявляются и в Европе. После второй мировой войны от капиталистической системы отпал ряд европейских государств. Из 600-миллионного населения Европы почти 300 млн. проживают в странах, окончательно порвавших с капитализмом. Эти страны неуклонно укрепляют свое экономическое и политическое могущество. Успехи их социалистического развития привлекают к ним внимание миллионов людей в капиталистических государствах. Социалистическая внешняя политика, направленная на обеспечение мира и безопасности совместными усилиями всех европейских стран, пользуется большим авторитетом и поддержкой среди прогрессивной общественности капиталистических государств.

Укрепление социалистического лагеря и дальнейшее распространение идей социализма в Западной Европе вызывают страх и смятение среди империалистической буржуазии. Она отчаянно сопротивляется неотвратимому ходу истории, пытаясь удержать свои позиции, сохранить свое влияние на народные массы. Империалистическая пропаганда прибегает к всевозможным ухищрениям с целью опорочить идеи социализма и в целях обмана масс противопоставить им какие-нибудь другие идеи, которые могли бы способствовать сохранению капитализма.

В этих целях широко используется лозунг так называемого «объединения Европы» или «европейской интеграции», т. е. тесного сплочения некоторых западноевропейских государств в замкнутой военно-политической и экономической группировке.

За последнее десятилетие лозунг «объединения Европы» играет все более важную роль в европейской политике западных держав. Этот лозунг выдвигался при создании Североатлантического блока и Западноевропейского союза. Под флагом «объединения Европы» возникли такие организации, как Европейский совет или Европейский платежный союз, и предпринимались попытки осуществить проект «европейского оборонительного сообщества». Идея «европейской интеграции» положена в основу деятельности Европейского объединения угля и стали. Новым шагом на пути к «объединению Европы» провозглашается создание «Евратома» и «общего рынка».

Сплочение западноевропейских государств в военно-политическом и экономическом блоке под вывеской «Соединенных Штатов Европы» или «европейской федерации» выдается западными буржуазными идеологами за панацею от недугов европейского капитализма. Противопоставляя «европейскую интеграцию» социализму и провозглашая ее, как это сделал генеральный секретарь НАТО Поль Спаак, «единственным решением проблем нашего времени», они пытаются отвлечь европейские народы от борьбы против империалистической политики подготовки новой мировой войны.

Было бы неправильно полагать, что пропаганда «объединения Европы» на страницах реакционной печати, в многочисленных книгах и брошюрах, в заявлениях некоторых политических партий и даже правительств ряда западных держав отражает единую концепцию. Во взглядах различных идеологов «европейской интеграции» нередко встречаются противоречивые точки зрения. Тем не менее в общем хаосе патетических призывов, голословных утверждений и подтасованных фактов, которыми оперируют апологеты «европейской интеграции», можно выделить ряд основных положений, характерных для большинства пропагандистских выступлений такого рода и прежде всего для поборников создания «малой Европы».

Главный тезис идеологов «объединения Европы» заключается в том, что они объявляют анахронизмом существование самостоятельных, суверенных государств на европейском континенте. Руководитель «комитета действия за создание Соединенных Штатов Европы» Жан Моннэ в своей книге, ставшей программным документом сторонников «европейской интеграции», утверждает, что в настоящее время важнейшим препятствием для обеспечения мира и экономического процветания «Европы» (термин, которым произвольно обозначается группа западноевропейских стран) является ее «раздробленность». Национальные рамки, подчеркивает он, тормозят экономическое и социальное развитие стран Западной Европы, отсюда якобы и проистекают различные противоречия и конфликты¹. Эта мысль развивается и в преамбуле договора об «общем рынке». Необходимость создания «европейского экономического сообщества» мотивируется там стремлением его инициаторов «обеспечить совместными действиями экономический и социальный прогресс своих стран, ликвидировав барьеры, разделяющие Европу».

Идеологи «объединения Европы» постоянно ссылаются на пример «процветания» «объединенного рынка» 48 штатов Северной Америки. Но факты замедления за последние полвека темпов экономического развития стран Западной Европы по сравнению с Соединенными Штатами, которые приводятся апологетами «объединения Европы» для обоснования их «теорий», подтверждают только известный закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран.

Аргументируя необходимость «объединения Европы», апологеты империализма ссылаются на так называемую «теорию» «крупных экономических территорий». Согласно этой «теории» в нашу эпоху, когда техника достигла чрезвычайно высокой степени развития, а экономическая и политическая мощь сконцентрирована в руках небольшого числа держав, малые государства не в состоянии угнаться за современным уровнем науки и техники и неизбежно скатываются до положения слаборазвитых стран.

¹ *Jean Monnet, Les Etats-Unis d'Europe ont commencé, Paris 1955, p. 35—36.*

Ликвидация таможенных перегородок внутри «Европы» и создание «общего рынка», утверждают идеологи «европейской интеграции», якобы позволят европейским странам объединить свои людские и материальные ресурсы, покончить с кризисами, безработицей и классовыми конфликтами, обеспечить неуклонный рост производства и оживление торговли, повысить жизненный уровень населения. Это даст возможность, по словам Спаака, оказать «отпор коммунистическому вызову в экономической и социальной областях».

Итак, направление главного удара идеологов «европейской интеграции» не вызывает никаких сомнений. Изображая национальный суверенитет причиной всех трудностей и бедствий, которые испытывает население капиталистических стран Европы, они рассчитывают достигнуть сразу двух целей. Во-первых, выдать империалистическую политику за прогрессивный акт и облегчить тем самым ее осуществление. Во-вторых, изобразить противоречия и пороки капиталистической системы как временные явления, связанные с «вполне устранимым» «кризисом Европы», и вызвать у народов веру в возможность коренного улучшения их положения в условиях сохранения капиталистических порядков.

Предпосылки к устранению «кризиса Европы» «европеисты» усматривают в возникновении монополий, объединяющих некоторые отрасли промышленности нескольких западноевропейских стран. Они утверждают, что образование европейских «наднациональных» международных монополий (типа Европейского объединения угля и стали, «Евратома» и т. п.) ведет к ослаблению противоречий между государствами и открывает возможность постепенного уничтожения таможенных границ и, таким образом, создания экономической основы для полного «объединения Европы» в условиях капитализма. В дальнейшем, после построения экономической основы «объединения Европы», они замышляют создание «европейского политического сообщества» с единым «европейским правительством».

Теоретические выкладки апологетов «объединения Европы» отнюдь не оригинальны. Еще во время подготовки первой мировой войны некоторые социал-демократические лидеры, в особенности Каутский, пытались изобразить Соединенные Штаты Европы как средство мир-

ного разрешения военного конфликта между империалистическими державами. Ссылаясь на тенденцию, ведущую к международному переплетению клик финансового капитала, и оперируя пресловутой «теорией» «ультраимпериализма», они пытались доказать возможность планомерного развития мирового хозяйства в условиях раздела мира на сферы влияния крупнейших капиталистических государств и вытекающую отсюда возможность создания Соединенных Штатов Европы.

Лозунг создания Соединенных Штатов Европы был подвергнут всестороннему анализу В. И. Лениным. Критикуя идею образования Соединенных Штатов Европы, В. И. Ленин подчеркивал утопичность предположений о «мирном» соглашении монополий. «Империализм есть, экономически, монополистический капитализм,— писал Ленин.— Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира»¹.

Захват монополиями внутреннего рынка «своих» стран, их борьба за получение наивысших прибылей путем закабаления и систематического ограбления народов других стран неуклонно обостряют империалистические противоречия. Хотя и существует объективно действующая тенденция к интернационализации производства, к хозяйственному объединению стран и территорий, однако в условиях империализма эта прогрессивная в своей основе тенденция проявляется в самых уродливых формах. Поскольку инициаторами «европейского объединения» выступают крупнейшие монополии, международные картели, международно переплетенный финансовый капитал, развитие в этом направлении происходит при крайнем обострении всех противоречий империализма и ведет к величайшим экономическим, политическим и социальным потрясениям и конфликтам, чреватым крахом капитализма. К тому же этой тенденции противодействует одновременно существующая тенденция к сохранению национальной самостоятельности капиталистических стран, препятствующая осуществлению планов «объединения Европы».

Проанализировав лозунг Соединенных Штатов Европы с точки зрения экономических условий империа-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 31.

лизма, В. И. Ленин показал, что в этих условиях Соединенные Штаты Европы могут означать лишь временное соглашение европейских капиталистов о совместных действиях против революционного движения, против социализма в Европе, о дележе и охране колониальных владений¹.

Поэтому в период общего кризиса капитализма, в условиях обострения противоречий капиталистической системы и ее углубляющегося распада всякое «объединение Европы» будет означать прежде всего создание блока некоторых европейских капиталистических государств, противопоставленного социалистическим странам, международному демократическому, рабочему, национально-освободительному движению и враждебного интересам народных масс.

Подобного рода соглашение борющихся между собой капиталистических группировок и государств не имеет ничего общего с подлинным международным сотрудничеством и не может быть сколько-нибудь устойчивым и прочным. Конкуренция монополий, их ожесточенная борьба за монопольную прибыль делают невозможным раздел рынков, сфер влияния между ними иначе, как на основании учета общеэкономической, финансовой и военной силы участников дележа. Отсюда неизбежны попытки более сильных участников блока закабалить своих более слабых «союзников». Поскольку развитие трестов, отраслей промышленности и отдельных капиталистических стран происходит неравномерно, постольку неизбежны нарушения уже установившегося соотношения сил между империалистическими группами и странами. Отсюда также неизбежно и подрывающее блок обострение противоречий и борьбы между его участниками.

Никакие изменения экономических границ между капиталистическими государствами не могут устранить коренных пороков капиталистической системы и разрешить основное противоречие капитализма — противоречие между современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. Это противоречие ярко проявляется и в Соединенных Штатах, хотя апологеты «объединения Европы» объявляют их примером «гармонической» экономики.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 310, 311.

Таким образом, проповедываемая буржуазными идеологами «теория» излечения недугов европейского капитализма путем «объединения Европы» оказывается совершенно несостоятельной. В действительности же планы «европейской интеграции» не имеют ничего общего с обеспечением мира, экономического и социального прогресса в Европе, о которых много разглагольствуют инициаторы этих планов.

В самом деле, апологеты «европейской интеграции» утверждают, что причиной «экономического упадка» Европы является ее «раздробленность». Но в то же время они выступают за раскол Европы путем разделения ее на замкнутые военно-политические и экономические блоки, препятствуют развитию экономического и политического сотрудничества между всеми европейскими государствами. Одним из важнейших аргументов пропаганды «объединения Европы» является ссылка на необходимость обеспечить безопасность западноевропейских стран в отношении мифической угрозы с Востока. Однако вместе с тем поборники «европейской интеграции» категорически отвергают все советские предложения о создании системы общеевропейской безопасности, о сокращении вооружений и запрещении атомного и термоядерного оружия. На словах они проявляют заботу о «процветании» населения западноевропейских стран, а на деле оправдывают политику гонки вооружений, возлагающую на народы Западной Европы тяжелое бремя военных расходов.

С упразднением национальных экономических, а впоследствии и политических границ, провозглашают идеологи «объединения Европы», будут устранены экономическое соперничество, недоверие, вражда между нациями и войны между ними. После того как Франция, Западная Германия и другие государства сольются в единое «европейское сообщество», якобы произойдет «примирение» германского милитаризма с его бывшими жертвами.

Спекулируя на стремлении народов стран Западной Европы к миру, проповедники «европейской идеи» изображают отказ от национальной независимости и слияние в «европейскую федерацию» в качестве необходимого условия обеспечения мира. Между тем известно, что войны в Европе были порождены теми самыми империалистическими силами, которые ныне ратуют за «объеди-

нение Европы». Слияние Западной Германии, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в «европейскую федерацию» привело бы к тому, что господствующее положение в таком «объединении» неизбежно заняла бы милитаристская и реваншистская Западная Германия, экономически более мощная, чем другие предполагаемые его участники, и опирающаяся на поддержку Соединенных Штатов Америки. Уже сейчас планы «объединения Европы» используются в своих интересах влиятельными кругами Западной Германии, вынашивающими идею реванша и открыто выступающими с требованиями пересмотра существующих границ европейских государств.

Результатом деятельности первого европейского «наднационального» объединения монополий — Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), которое апологеты «европейской интеграции» рассматривают как краеугольный камень «объединения Европы», явилось укрепление позиций западногерманского монополистического капитала в отношении его партнеров. С помощью ЕОУС Западная Германия освободила свою промышленность от послевоенного контроля, создала условия для ее быстрого роста и теперь занимает доминирующее положение в объединении.

Осуществление соглашений о «Евратоме» и «общем рынке» сделало бы Западную Германию полной хозяйкой «малой Европы», превратив экономику всех шести стран в базу для германского милитаризма. Через «Евратом» западногерманский империализм может обеспечить господствующие позиции в Западной Европе в деле производства атомной энергии вообще и атомного оружия в первую очередь. Таким образом расчищается путь к скорейшему оснащению западногерманской армии атомным оружием и подготовке германским милитаризмом новых военных авантюр. Создание «общего рынка» приведет к установлению на нем господства наиболее сильных его участников — западногерманских монополий, которые используют его в своих выгодах, в ущерб интересам национальной промышленности Франции, Италии и других участвующих стран.

Монополистические круги Франции и других западноевропейских государств, ратующие во имя своих узкокорыстных расчетов за «объединение Европы», идут на пря-

мое предательство национальных интересов своих стран. Они вступили в союз с германскими монополиями в целях совместной борьбы против конкурентов на внешних рынках, против немонополистической буржуазии на внутреннем «общем» рынке, в целях совместного наступления на жизненный уровень трудящихся и борьбы против рабочего движения.

Однако, сколь бы ни было тесным переплетение ряда ведущих групп финансового капитала в Западной Европе, каждый из союзов монополистов подтачивается внутренними противоречиями, в основе которых лежат «глубочайшая неискоренимая разность экономических интересов между империалистскими странами...»¹ Эти противоречия раздирают и Европейское объединение угля и стали, «общий рынок» которого стал ареной усиливающейся борьбы между его участниками, между Францией и Западной Германией прежде всего. Ожесточенная борьба империалистических держав развертывается и в вопросах осуществления соглашений о «Евратоме» и «общем рынке».

Разглагольствуя о примирении империалистических противоречий путем объединения ряда капиталистических государств, «теоретики» «европейской интеграции» явно пытаются выдать желаемое за действительное. Даже каждое отдельное положение их «теории» призвано доказать возможность «мирного» разрешения какого-либо из империалистических противоречий. Так, тезис о «больших пространствах», положенный в основу «теории» «европейской интеграции», выдвинут в связи с неуклонным обострением проблемы рынков. Рост мирового социалистического рынка, создание собственной промышленности в освобождающихся от колониального гнета слаборазвитых странах, усиление конкурентной борьбы на территориально сужающемся капиталистическом рынке — вот причины, которые побуждают империалистическую пропаганду цепляться за этот тезис.

Подобные же причины обуславливают характерное для пропаганды «европеистов» отрицание принципа национального суверенитета. В их числе следует особо отметить усилившееся подчинение государственного аппарата монополиям и дальнейшее международное переплетение групп финансового капитала. Эти явления, отра-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 436.

жающие тенденцию развития капиталистической экономики, на которую указывал еще В. И. Ленин, ведут к тому, что правительства крупных империалистических государств все в меньшей степени выражают национальные интересы страны. Упомянутая тенденция проявилась, в частности, в том, что ныне некоторые правительства западноевропейских государств взяли на себя функции заключения международных союзов монополий (Европейское объединение угля и стали и т. д.) и передали руководящим органам этих союзов часть национального суверенитета представляемых ими государств.

Деятельность международных монополистических объединений вступает в противоречие с национальными интересами участвующих в них стран. В таких объединениях крупные монополии имеют возможность навязывать свои условия слабым государствам в ущерб их национальным интересам. В Европейском объединении угля и стали западногерманские монополистические концерны уже добились доминирующей роли за счет других участников объединения. Однако наличие национальных органов власти и парламентов, вынужденных в какой-то мере считаться с интересами населения своих стран, препятствует неограниченному произволу международных монополий. Поэтому идея создания Соединенных Штатов Европы с послушным монополистам «европейским парламентом», подобным ассамблее «европейского экономического сообщества», пользуется полной поддержкой империалистических кругов.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что с ослаблением империалистического лагеря в монополистических кругах начинает все сильнее проявляться тенденция к созданию единого антисоциалистического фронта. Эта тенденция пробивает себе дорогу, несмотря на глубокие противоречия, разделяющие империалистические государства. Страх за судьбы капиталистического строя, не выдерживающего мирного соревнования с системой социализма, толкает империалистов на путь подготовки войны против Советского Союза и стран народной демократии. При этом соображения военно-политического порядка часто берут верх над экономическими разногласиями, заставляя отдельные империалистические группы идти на «жертвы» во имя «общих интересов». Так, французская империалистическая буржуазия идет сейчас на

создание агрессивного блока под германо-американским руководством в надежде сохранить остатки своих прежних позиций во внешнем мире и свое господство внутри страны.

В качестве идеологической платформы такого агрессивного блока в Западной Европе и служит «теория» «объединения Европы», обосновывающая необходимость сглаживания противоречий между капиталистическими государствами во имя спасения «западной культуры», «христианской цивилизации» и т. д. «Объединение Европы» объявляется «средством защиты от советской угрозы», которое позволит организовать «борьбу против коммунизма». В этих целях лозунг «европейской интеграции» особенно активно используется американскими империалистами, стремящимися ослабить противоречия внутри НАТО.

Распад колониальной системы империализма, появление все новых стран, ставших на путь национальной независимости, бессилие отдельных империалистических держав подавить рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах также порождают среди империалистов тенденцию к объединению усилий в целях совместной охраны и эксплуатации колоний. Эта тенденция проявилась, в частности, в плане создания «Еврафрики». Рекламируя это объединение в качестве одной из гарантий обеспечения экономического процветания и политического могущества Европы и зависимых от нее стран и образования на международной арене «третьей силы», идеологи «европейской интеграции» пытаются изобрести рецепт ликвидации противоречий между империалистическими метрополиями и их колониями.

Серьезным препятствием к осуществлению агрессивных планов империалистов в отношении социалистических государств и национально-освободительного движения в слаборазвитых странах является политическая активность народных масс в западных государствах, чрезвычайно возросшая после второй мировой войны. В настоящее время народные массы оказывают все большее давление на политику европейских капиталистических государств.

В этой связи лозунг «объединения Европы» используется для того, чтобы сорвать борьбу народных масс

за мир и социальный прогресс в Европе, обмануть часть трудящихся и, используя социальную демагогию, вовлечь их в русло империалистической политики. Не случайно целый раздел договора об «общем рынке» посвящен вопросам социальной политики. Недаром «европейская интеграция» включена в качестве составной части в программу деятельности христианско-демократических партий Франции, Западной Германии и Италии. Недаром правые социалисты во Франции и Италии пытаются «оправдать» империалистические планы с помощью разговоров о том, будто границы между государствами изжили себя. Под флагом «объединения Европы» монополисты ряда западноевропейских государств пытаются вести наступление против единства рабочего класса, против демократических свобод трудящихся.

Немалую роль в распространении идеи «объединения Европы» играют две противоречивые тенденции, наблюдающиеся в империалистическом лагере.

Одна из них порождена стремлением правящих кругов США к установлению мирового господства, проявляющимся также и в попытках полностью подчинить своему диктату западноевропейских партнеров. С этой целью используется и пропаганда «наднационального» объединения западноевропейских государств в рамках НАТО, а затем — Атлантического сообщества. Вполне понятно, что господствующие позиции в таком «сообществе» занял бы наиболее сильный империализм — американский. В частности, план создания «европейского экономического сообщества», рассматриваемый в Вашингтоне как средство подведения экономического фундамента под НАТО, призван в то же время облегчить проникновение американских монополий в экономику западноевропейских стран.

Пропаганда политического «объединения Европы» используется Соединенными Штатами в целях дальнейшего подрыва национального суверенитета западноевропейских государств и превращения их в часть американского «всемирного государства». Некоторые американские идеологи империализма открыто заявляют, что «европейская федерация» будет лишь этапом на пути создания «всемирной федерации», а после возникновения последней сохранится в качестве одного из ее региональных образований.

С другой стороны, в правящих кругах некоторых западноевропейских государств, в частности в Англии и во Франции, наблюдается стремление покончить с таким положением, когда Атлантическое содружество выгодно лишь Соединенным Штатам. В этой связи некоторые английские и французские политики выдвинули идею «европейской интеграции» в целях создания «третьей силы». Укрепление экономической, политической и военной мощи западноевропейских государств путем их «объединения», утверждают политики такого рода, увеличит их международный престиж и обеспечит блоку западноевропейских стран практическое равенство в отношениях с Соединенными Штатами.

Подобные утверждения используют в своих интересах даже такие приверженцы Соединенных Штатов, как канцлер ФРГ Аденауэр, который также выдвигал лозунг создания «третьей силы». Принимая во внимание, что «объединение Европы» мыслится в рамках НАТО, где господствуют Соединенные Штаты, несостоятельность этих планов становится особенно очевидной. К тому же подобная трактовка интеграции не встречает поддержки правящих кругов других западноевропейских стран, например Италии.

Разумеется, все это порождает различные оттенки в планах «объединения Европы», однако обе тенденции способствуют распространению «европейской идеи».

Таким образом, пропаганда «объединения Европы» является идеологическим отражением попыток империалистов найти выход из противоречий современного капитализма. Вместе с тем она призвана маскировать подлинное содержание империалистической политики, проводимой под флагом «европейской интеграции». По мере того как происходит рост сил социализма во всем мире, все шире развивается национально-освободительное движение в колониальных и зависимых от европейских империалистов странах и уменьшается в силу действия закона неравномерности развития капитализма удельный вес империалистических стран Европы в системе капитализма в целом — по мере всего этого лозунг «объединения Европы» становится все более популярным в империалистических кругах Запада.

Видное место среди доказательств необходимости «объединения Европы», приводимых апологетами «евро-

пейской интеграции», занимают аргументы от истории. Создание Соединенных Штатов Европы объявляется ими своего рода «исторической закономерностью», а выдвижение такого рода планов в прошлом — проявлением этой закономерности. Особое внимание уделяется ими проектам «объединения Европы» в период между первой и второй мировыми войнами. По мнению некоторых буржуазных исследователей этих планов, их осуществление даже позволило бы предотвратить вторую мировую войну.

Действительно, идея создания Соединенных Штатов Европы, «европейской федерации», «срединной Европы» путем «объединения» капиталистических стран Европы была распространена в правящих кругах некоторых западных государств в период между первой и второй мировыми войнами. На субсидиях империалистических монополий возникло и развивалось так называемое «панъевропейское движение», в котором участвовали многие видные государственные деятели Германии, Франции, Италии, Бельгии и других европейских стран. В организации этого «движения» принимали участие и банкиры, промышленники и политические деятели Соединенных Штатов Америки. Планы «объединения Европы» не раз бывали предметом переговоров между европейскими правительствами и дискуссий в Лиге наций.

Теоретическая основа этих планов во многом напоминает современные «теории» Жана Монне или Спаака. В ходе их обсуждения также высказывались благие пожелания и принимались широковещательные решения обеспечить мир и экономическое процветание в Европе путем ее «объединения». На деле же все эти дискуссии были лишь средством маскировки экспансионистских замыслов империалистов в отношении ряда европейских стран и прежде всего Советского государства. Лозунг мирного «объединения Европы» не раз служил империалистическим кругам различных европейских государств и США в целях борьбы за рынки и сферы влияния в Европе. Но в конечном итоге от всего этого выиграли только германские милитаристы, прикрывавшие «панъевропейской» шумихой подготовку агрессивной войны против европейских народов.

Опыт истории, на который пробуют ссылаться идеологи «европейской интеграции», не подтверждает их вы-

мыслов о прогрессивном характере такого «объединения». Наоборот, он свидетельствует о том, что попытки империалистического «объединения Европы» противостоят жизненным интересам европейских народов. Разоблачение подлинного содержания империалистических планов «объединения Европы» в период между первой и второй мировыми войнами и является задачей настоящей работы.

Исследование истории выдвижения и провала этих планов представляет как научный, так и определенный политический интерес, принимая во внимание, что политика современных поборников «европейской интеграции» во многом напоминает политику их предшественников накануне второй мировой войны.

Данный исторический очерк не претендует на подробное освещение всех попыток «объединения Европы», предпринимавшихся империалистами в рассматриваемый период. Автор преследовал цель показать лишь характерные черты империалистических планов «объединения Европы» на первом этапе общего кризиса капитализма и в первую очередь их антисоветскую направленность и опасность, которую они представляют для дела мира.

Основное внимание в книге уделяется наиболее значительной из всех попыток «объединения Европы» между первой и второй мировыми войнами — плану «пан-Европы», который пытались осуществить в 1929—1931 гг. реакционные правящие круги Франции. Ознакомление с опубликованными официальными документами европейских государств и Соединенных Штатов, а также с архивными и иными материалами, относящимися к истории «пан-Европы», дает возможность уяснить происхождение, сущность и последствия выдвижения этого плана, имевшего много общего с современными планами «европейской интеграции».

ГЛАВА I

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ «ПАНЪЕВРОПЕЙСКОЙ» ПРОПАГАНДЫ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Выдвижение лозунга «объединения Европы» в послеверсальский период

Европа была основным полем битв первой мировой войны, начавшейся на европейском континенте и опустошавшей его на протяжении четырех лет. В итоге первой мировой войны потери убитыми составили 10 млн. человек, ранеными и искалеченными — свыше 20 млн. Подавляющая часть этих потерь пришлось на долю европейских народов. Непосредственными результатами войны для многих государств капиталистической Европы были экономическая разруха, хаос в международных экономических отношениях, резкое падение промышленного производства, массовая безработица, обнищание громадного большинства населения.

В ходе первой мировой войны в крупнейшей из стран Европы произошла социалистическая революция. Победа Великой Октябрьской революции в России не только освободила из-под ига капитализма одну шестую часть земного шара, но и открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества социализма. Уже самый факт появления в Европе государства рабочих и крестьян оказал глубокое революционизирующее воздействие на трудящихся других европейских стран. По всему континенту прокатилась волна революционного движения; в некоторых странах Центральной и Восточной Европы возникали Советы.

Первая мировая война не только не разрешила ни одного из империалистических противоречий, но лишь еще более их углубила. Окончание войны и заключение

мирных договоров привели к обострению борьбы в лагере победителей, развернувшейся параллельно с той борьбой и теми противоречиями, которые существовали между победителями и побежденными.

После войны и особенно в результате наступившего общего кризиса капитализма резко усилилась неравномерность развития капиталистических стран. Война, в частности, затормозила развитие стран Европы и в значительной мере способствовала развитию США — государства, которое обогатилось за время первой мировой войны. Война привела к упадку промышленного производства европейских государств. Их долги выросли: задолженность главных европейских стран увеличилась с 1914 по 1920 г. в 7 раз. В то же время США, которые до войны были страной-должником, превратились в крупнейшего в мире кредитора. Если до 1914 г. центром финансовой эксплуатации мира являлись Англия, Франция и Германия, то несколько лет спустя этот центр из Европы переместился в США. Страны Западной Европы попали в финансовую зависимость от Соединенных Штатов.

«Англия и Франция победили, но они в долгу, как в шелку, у Америки, которая решила, что сколько бы французы и англичане ни считали себя победителями, она будет снимать сливки и получать проценты с лихвой за свою помощь во время войны...»¹, — писал В. И. Ленин.

Усилившийся американский империализм стремился установить свое господство над ослабевшими европейскими странами. Пользуясь сокращением экспорта из разоренных войной сильнейших европейских стран, США начали активное наступление на рынки и сферы влияния этих стран, стремясь переделить мир «по силе», по капиталу. Американская экспансия вызывала сопротивление со стороны других держав — победительниц в первой мировой войне. Отсюда неизбежно проистекало обострение противоречий между Соединенными Штатами и их недавними союзниками в Европе.

Одновременно происходило обострение противоречий между главными европейскими державами-победительницами — Англией и Францией, каждая из которых стремилась установить свою европейскую гегемонию

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 135.

и преимущественное право английских или французских монополий эксплуатировать народы Европы.

Ожесточенная экономическая и политическая борьба держав-победительниц за господство на европейском континенте сопровождалась усиленной гонкой вооружений и создавала реальную угрозу возникновения войны.

Новым международным конфликтом были чреваты также отношения между державами-победительницами, с одной стороны, и побежденными странами, Германией прежде всего,— с другой. По Версальскому договору Германия, вторая по уровню экономического развития капиталистическая страна мира, была поставлена в зависимость от ее империалистических конкурентов, продиктовавших политическое неравноправие Германии и выкачивавших из нее репарации. Отняв у Германии многие рынки и источники сырья, державы-победительницы в то же время получили привилегированное положение на германском рынке. Но, закабалив Германию, Соединенные Штаты, Англия и Франция сохранили в целостности военно-промышленный потенциал германского империализма. Ограничив размер германских вооруженных сил, они сохранили ядро германской военной — германский генеральный штаб и основные офицерские кадры. Власть в Германии осталась в руках тех же сил, которые были инициаторами германской агрессии в 1914 г.

Хотя реакционные круги западных держав рассчитывали использовать все эти силы германского милитаризма в своих интересах, в первую очередь для борьбы против социалистического государства, они тем самым создали потенциальную угрозу безопасности своих стран. Временно ослабленные германские милитаристы мечтали освободиться от опеки победителей и разрабатывали втайне планы реваншистской войны.

Наиболее дальновидные представители правящих кругов буржуазной Европы понимали, что новый военный конфликт чреват серьезными опасностями для капиталистической системы. Народные массы ненавидели империалистическую войну. Пример трудящихся России, покончивших с войной путем социалистической революции, был весьма назидателен. «Тяга масс к советизму», так характеризовал настроения масс, например, бывший французский премьер Ж. Кайо в своих размышлениях о

судьбах Европы¹. Октябрьская революция дала мощный толчок рабочему движению на Западе и национально-освободительному движению в колониях.

Для каждого здравомыслящего человека было вполне очевидно, что послевоенная обстановка в Европе, освященная версальским мирным договором, была чревата серьезными международными осложнениями, что версальский мир не служил обеспечению мира и безопасности в Европе. Бывший итальянский премьер-министр Нитти писал тогда в своей книге «Европа над бездной»: «...с каждым днем Европа все быстрее и быстрее приближается к гибели... Европа в послевоенном периоде и после обезоружения побежденных держит под ружьем больше солдат, чем до войны...

Уже называют новые войны в Европе...» Нитти подчеркивал, что «единственной проблемой, от которой зависит мировая жизнь, является *мир*»².

В правящих кругах капиталистических государств Европы, занятых поисками путей выхода из кризиса и укрепления пошатнувшихся устоев капиталистической системы, царил разброд.

Некоторые политические группировки в странах-победительницах, особенно во Франции, предлагали разрешить все затруднения путем дальнейшего ограбления побежденной Германии и установления французской гегемонии в Европе. Но попытка осуществить этот план в 1923 г. посредством военной оккупации Рура способствовала революционному взрыву в Германии, привела к обострению англо-французской и франко-американской борьбы и увенчалась поражением Франции.

Другие группировки европейской буржуазии обращали свои взоры к США в надежде на помощь американского империализма. «Америка, особенно если она пойдет рука об руку с Англией, обладает всеми средствами, чтобы диктовать мир. Европа перестанет загромождаться развалинами, угроза новых войн исчезнет, и будет избегнута опасность окончательной гибели Европы, что явилось бы смертью для цивилизации»³, — писал Нитти, отражая подобные настроения. Но «помощь» богатого

¹ См. Ж. Кайо, Куда идет Франция? Куда идет Европа?, М.—П. 1923, стр. 193.

² Ф. Нитти, Европа над бездной, Петроград. 1923, стр. 10, 11.

³ Там же, стр. 300.

дядюшки Сэма, к которой зывали разоренные европейские родственники, оказывалась отнюдь не во имя бескорыстного «спасения цивилизации». Она означала закабаление европейских стран Соединенными Штатами. Вторжение американских монополий на европейские рынки еще более углубило межимпериалистические противоречия.

Наконец, правящие круги европейских капиталистических государств при активной поддержке США пытались сгладить обострившиеся империалистические противоречия, раздувая вражду к первой в мире социалистической стране. Они стремились поставить молодое Советское государство в положение политической и экономической изоляции и сплотить против него коалицию европейских капиталистических государств. В этих целях в качестве идеологического оружия использовался лозунг «объединения Европы», уже применявшийся в прошлом агрессивными кругами, в частности милитаристами в кайзеровской Германии, для маскировки их экспансии на европейском континенте.

Еще осенью 1919 г. германский промышленник и правый политический деятель Арнольд Рехберг выдвинул нашумевший тогда план создания англо-германо-французского консорциума с участием американских монополий в целях совместной «эксплуатации природных ресурсов России». Несколько позднее, в 1920—1922 гг., эта идея была развита Рехбергом и германским генералом Гофманом в проекте создания антисоветского военного блока западных держав. Они предлагали западным державам «открыть русский рынок» путем вторжения в Россию «европейской армии», «составленной из солдат всех армий». В своей книге, вышедшей в 1922 г., Рехберг выражал надежду на то, что осознание «большевистской угрозы» «должно само собой привести к борьбе более или менее большой коалиции европейских держав с конечной целью насильственно устранить Советское правительство»¹. Однако этот план, за которым скрывались расчеты германских милитаристов использовать слепую ненависть западных империалистов к социалистическому государству для возрождения военной мощи Германии, тогда не был принят державами-победительницами.

¹ *Arnold Rechberg, Was kostet der Friedensvertrag die Entente?, München 1922, S. 70, 131, 135.*

После провала антисоветской интервенции попытки противопоставить «единую Европу» Советскому государству предпринимались правительствами некоторых западных держав, в частности на Генуэзской конференции 1922 г., для оказания политического и экономического давления на Советское правительство.

Однако эти посягательства на независимость Советского государства потерпели полный провал в результате объединенных усилий советского народа, вставшего на защиту своей родины, и трудящихся западных стран, выступавших против интервенции под лозунгом «Руки прочь от Советской России!»

Народы Западной Европы выступили против политики агрессии и реакции. А инициаторы этой политики типа Керзона и Пуанкаре, разоблаченные в глазах общественности как зачинщики новой войны, в 1923—1924 гг. были отстранены от власти. Широкие народные массы требовали мира. В этой связи непрерывно возрастала популярность Советского Союза — единственной страны в мире, которая честно и открыто, решительно и последовательно проводила политику мира.

Советская внешняя политика мира и сотрудничества между народами, провозглашенная первым декретом Советской власти в октябре 1917 г., с самого начала была направлена на обеспечение европейского мира путем коллективных усилий всех стран и народов. В декрете о мире содержался призыв к правительствам и народам всех воюющих стран начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире и излагались основы установления такого мира.

Обращение Советского государства к капиталистическим государствам с призывом к установлению нормальных отношений фактически провозглашало важнейший принцип мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Предложение об отказе от аннексий и признании права на самоопределение любой нации независимо от того, является ли она слабой или малой, а также от уровня ее экономического и политического развития, подчеркивало уважение Советского правительства к суверенным правам всех народов и признание их равноправия в международных отношениях. Наконец, в декрете осуждались захваты и насилия и тем самым осуждалась агрессия. Более того, в нем содер-

жался призыв к объединению усилий народов всех стран в деле установления мира.

Великие принципы обеспечения мира, провозглашенные в первом документе Советского правительства, неуклонно проводились в жизнь во всех последующих внешнеполитических актах Советского государства. Они получили горячее одобрение и поддержку широких народных масс в Европе и на всем земном шаре.

После разгрома интервентов и установления договорных отношений с европейскими капиталистическими странами Советское правительство предприняло ряд важных шагов, направленных на дальнейшую нормализацию отношений и развитие экономического и политического сотрудничества в интересах укрепления мира между народами Европы.

Уже в 1921 г. Советское государство заключило с европейскими капиталистическими странами ряд торговых соглашений, которые сыграли важную роль в преодолении послевоенного экономического хаоса в Европе и восстановлении подорванного войной народного хозяйства участников этих соглашений. В то же время соглашения Советской России с Англией, Германией, Австрией и другими странами открывали путь к дальнейшим шагам в области мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественным строем.

В 1922 г. на I Всеевропейской экономической конференции в Генуе советская делегация выдвинула широкую программу экономического сотрудничества. При этом советская делегация исходила из того, что стоявшие перед участниками конференции грандиозные задачи восстановления хозяйственных отношений Европы, нарушенных войной, и повышения жизненного уровня населения европейских стран могут быть разрешены лишь при их искреннем желании координировать свои действия. Однако план, предложенный советской делегацией, не был осуществлен, и конференция не выполнила своей задачи, поскольку представители западных держав стремились не к равноправному сотрудничеству, а к закабалению Советской России. На последовавшей вскоре за Генуэзской конференцией Гаагской конференции Советское правительство, продолжая свою политику мира, вновь выдвинуло предложение об экономическом восстановлении Европы. Этот план организации равноправного со-

трудничества в деле восстановления европейской экономики опять не был принят западными державами.

Позиция Советского государства на Генуэзской и Гаагской конференциях показала всему миру его искреннее стремление к всемерному развитию деловых связей со всеми заинтересованными государствами и в значительной степени способствовала расширению этих связей на основе двусторонних соглашений в последующий период. Ярким примером такого мирного сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды было советско-германское соглашение, подписанное в апреле 1922 г. в Рапалло.

Следуя политике укрепления мира, Советское правительство предприняло ряд практических мер, направленных на создание материальных предпосылок обеспечения безопасности в Европе и во всем мире.

Уже в июле 1921 г., протестуя против устранения РСФСР от участия в Вашингтонской конференции, Советское правительство подчеркнуло, что оно с радостью приветствовало бы «всякое разоружение или сокращение военных расходов...» А на первом же пленарном заседании Генуэзской конференции советская делегация заявила о своей готовности «предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма...»¹

Советское правительство прилагало энергичные усилия для того, чтобы перенести проблему разоружения из плоскости общего обсуждения в плоскость конкретных решений. По его инициативе в декабре 1922 г. в Москве была созвана конференция по сокращению вооружений, на которой присутствовали представители ряда европейских государств. Борьба Советского Союза за разоружение была впоследствии продолжена на сессиях подготовительной комиссии конференции по разоружению.

Несмотря на то что выдвигавшиеся Советским Союзом предложения отвергались большинством подготовительной комиссии, сам факт их внесения имел большое международное значение. Советское государство впервые в истории международных отношений выдвинуло и добилося обсуждения по существу на международной арене идеи полного и всеобщего разоружения. Обсуждение

¹ «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. II, М. 1944, стр. 146, 291.

советских предложений сыграло важную роль в деле разоблачения подлинных планов империалистических кругов западных держав.

Советский Союз был единственным государством в мире, которое решительно выступило против рурской авантюры французской реакции в 1923 г. как действия, попиравшего суверенные права немецкого народа и создававшего угрозу для мира в Европе. В связи с оккупацией Францией Рурской области ВЦИК СССР обратился 13 января 1923 г. к народам всего мира с призывом бороться против нависшей над Европой военной угрозы. В эти решающие дни рабоче-крестьянская Россия не может молчать, говорилось в обращении. «Снова и с особой энергией она протестует против подавления права германского народа на самоопределение. Снова и с особой энергией предостерегает она народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролитий.

Народы Европы!

Делу мира угрожает смертельная опасность.

Судьба мира в ваших руках»¹.

Советский Союз в то же время решительно выступал против любой опасности агрессии в Европе. Так, в 1927 г., когда панская Польша заняла угрожающую позицию в отношении Литвы, советское правительство направило правительству Польши ноту, в которой указывало на «неизмеримые опасности эвентуального покушения Польши на независимость Литвы в какой бы то ни было форме...»²

В борьбе за укрепление мира Советский Союз предложил новую форму предотвращения агрессии — пакты о ненападении и нейтралитете. Заключая такие пакты, участники соглашений должны были обязаться не присоединяться к каким-либо комбинациям политического, военного или экономического характера, которые направлялись против одной из договаривающихся сторон. Каждая сторона обязывалась сохранить нейтралитет в том случае, если другая сторона оказывалась втянутой в военный конфликт. Отличительная черта этих договоров о ненападении заключалась в том, что в них речь шла не

¹ «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. II, стр. 707.

² «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, М. 1945, стр. 161.

только о ненападении друг на друга, но и о сохранении мира между другими государствами. Так, в большинстве договоров предусматривалось, что в случае нападения третьего государства на одну из договаривающихся сторон другая сторона обязывалась не оказывать ни прямой, ни косвенной помощи агрессору. Согласно условиям ряда таких договоров в случае нападения одной из договаривающихся сторон на третье государство другая договаривающаяся сторона могла без предупреждения денонсировать договор. Эти особенности договоров о ненападении, заключавшихся Советским Союзом, свидетельствовали о его стремлении укреплять мир между всеми народами и бороться против всякой агрессии. Уже в 1926 г. в Европе было заключено два таких договора — советско-германский и советско-литовский.

Укреплению мира в Европе Советский Союз способствовал также, выступая за развитие экономических связей между всеми государствами Европы. Так, на международной экономической конференции в Женеве в мае 1927 г. Советский Союз добился значительных успехов в развитии мирного сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами. В своих выступлениях на конференции в Женеве советская делегация разоблачила экспансионистский характер планов «оздоровления» европейской экономики путем создания европейского таможенного союза и увеличения числа международных картелей, выдвигавшихся французским представителем Лушером. Советская делегация показала, что от осуществления этих планов выиграли бы только крупные капиталистические монополии, стремящиеся поработить малые страны Европы. В противовес этим планам советская делегация выдвинула ряд предложений, направленных на дальнейшее развитие международной торговли. Советская делегация добилась принятия конференцией резолюции, в которой капиталистические государства признавали социалистическую систему хозяйства и отказывались от нападения на нее. В этой же резолюции конференция признала необходимым развитие экономических отношений с Советским Союзом.

Неуклонно следуя своей политике укрепления мира, Советский Союз не оставлял в тени ни одного акта, свидетельствующего об агрессивных замыслах капитали-

стических государств. Советская дипломатия предавала гласности все становившиеся ей известными агрессивные намерения империалистов, осложняя, таким образом, осуществление их планов. Советская печать систематически разоблачала подлинное содержание империалистической политики гонки вооружений и создания экономических и политических блоков.

Мирная политика Советского Союза была серьезным препятствием на пути инициаторов любой агрессии в Европе. Она пользовалась горячей поддержкой трудящихся всех стран мира. На состоявшемся в ноябре 1927 г. в Москве конгрессе друзей СССР около тысячи делегатов от 43 стран приняли резолюцию, которая отмечала, что «только благодаря твердой воле к миру, проявленной советским правительством, война до сих пор не вспыхнула»¹. Советская внешняя политика встречала положительный отклик тех слоев европейской буржуазии, которые были заинтересованы в мирном развитии экономики и торговли своих стран. Международный авторитет Советского Союза неуклонно возрастал.

В условиях международной обстановки, сложившейся в послеверсальской Европе, правящие круги капиталистических государств не могли не считаться со стремлением народов к миру. Выступления народных масс против подготовки и пропаганды войны, наличие крепнущего социалистического государства, которое активно боролось за обеспечение мира и завоевывало тем самым все большие симпатии населения капиталистических стран Европы, вынуждали империалистов прибегать к различным маневрам в целях маскировки своей политики реакции и агрессии. Кроме того, европейская буржуазия, напуганная начавшимся кризисом капиталистической системы, а также резким ослаблением позиций западноевропейских держав в отношении их заокеанских империалистических конкурентов, искала панацею для излечения недугов европейского капитализма. В этой связи в кругах европейской буржуазии получил распространение лозунг «объединения Европы».

Идея «объединения Европы» нашла отражение во всякого рода проектах создания экономических и политических блоков европейских капиталистических стран под вывеской «пан-Европы», «европейской федерации», «ев-

¹ «Правда», 15 ноября 1927 г.

роспейского союза», Соединенных Штатов Европы и т. п. Характерно, что во всех этих проектах термин «Европа» употреблялся совершенно произвольно и не соответствовал установленному на протяжении многих веков географическому понятию. «Европа — это не естественный континент; это произвольное образование... На Востоке границей Европы является граница европейского сообщества», — писал один из идеологов «объединения Европы» — Рихард Куденгове-Калерги. А поскольку специфической чертой принадлежности каждой страны к этому «сообществу» считалось наличие в ней «европейского духа» и «христианской цивилизации», противопоставлявшихся «большевистскому варварству», то Советский Союз исключался из Европы. Следовательно, на практике «объединение Европы» означало противопоставление одной части Европы — другой, т. е. раскол Европы.

Ссылаясь на факты замедления экономического развития Европы по сравнению с Соединенными Штатами, некоторые буржуазные идеологи объясняли эти факты «узостью» рынков, ростом числа таможенных барьеров между европейскими странами. «Вместо 26 таможенных территорий и 13 денежных систем, существовавших в 1914 г., в теперешней Европе имеется 35 таможенных территорий, 27 денежных систем, а война создала 6 тыс. км новых таможенных границ», — писал один из них — Раймон Леонар. Постепенное упразднение этих таможенных барьеров и создание большого «общеевропейского рынка», равного по размерам рынку Соединенных Штатов, разрешило бы проблему рынков, привело бы к бурному подъему экономики стран — участниц такого «объединения» и повышению жизненного уровня их населения. Экономическое «объединение Европы» позволило бы также государствам, участвующим в нем, укрепить их положение на мировом рынке, увеличить заработную плату рабочим, доходы крестьян, ликвидировать аграрный кризис и безработицу и таким образом обеспечить «социальный мир»¹.

Усматривая причины кризисов и безработицы в наличии таможенных границ между европейскими государствами, идеологи экономического «объединения Европы»

¹ F. Delaisi, *Les deux Europes*, Paris 1919, p. 8, 9 etc.; P. Hutchinson, *The United States of Europe*, N. Y. 1919, p. 24, 25, 135 etc.

отвлекали внимание народов от истинных виновников их страданий — капиталистического строя с присущими ему закономерностями и империалистических монополий, грабивших трудящихся и готовивших новые войны. Более того, апологеты «объединения Европы» изображали деятельность монополистических кругов по созданию международных картелей как шаги на пути образования экономической «пан-Европы»¹.

Обеспечение мира и безопасности «панъевропейские» идеологи предлагали искать в создании политического союза капиталистических государств Европы, в их слиянии в некую «европейскую федерацию». В рамках такого «объединения» было бы легко, по их словам, разрешить вопрос о границах между европейскими странами, проблему национальных меньшинств, прекратить гонку вооружений и устранить опасность новой войны между участниками «объединения». Запугивая обывателей мифической «угрозой» «европейской цивилизации» со стороны СССР, проповедники «объединения Европы» объявляли его необходимым, для того чтобы избежать «порабощения русскими»².

Такова в общих чертах программа «объединения Европы», проповедовавшаяся в различных вариантах рядом лиц и пропагандистских организаций, известных под названием «панъевропейского движения».

Среди имен первых апостолов «панъевропейского движения» обычно называют имя Рихарда Куденгове-Калерги, австрийского графа по происхождению, чехословацкого гражданина по государственной принадлежности, который еще летом 1922 г. опубликовал в немецкой и австрийской газетах свой план «европейской федерации» и призывал читателей поддержать его проект. Он и поныне является одним из видных идеологов «европейского движения». Свое выступление Куденгове-Калерги объяснял впоследствии в мемуарах желанием избавить Европу от угрожающих ей опасностей. Этими опасностями, по его словам, были «опасность новой европейской войны, опасность полного экономического краха и опасность большевизма»³. Развернутая программа «спасения Ев-

¹ P. Hutchinson, *The United States of Europe*, N. Y. 1929, p. 64.

² Ibid., p. 157, 189.

³ R. Coudenhove-Kalergi, *Crusade for Pan Europe*, New York 1943, p. 69.

ропы» путем ее экономического и политического «объединения» была изложена в опубликованной им в 1923 г. и впоследствии неоднократно переиздававшейся книге «Пан-Европа». С апреля 1924 г. ее стал систематически пропагандировать журнал «Пан-Европа», основанный в Вене Куденгове-Калерги.

Согласно этому проекту первым этапом «объединения» должны были быть взаимная гарантия границ европейскими государствами и создание «оборонительного» союза против СССР и, далее, образование единого европейского рынка путем заключения таможенного союза между государствами Европы. В качестве участников соглашений предполагались все капиталистические страны Европы, за исключением Англии, связанной с доминионами. Последующим этапом «объединения Европы» должны были стать слияние европейских государств в единое государство и совместная эксплуатация колоний европейскими капиталистами. Таким образом, Куденгове-Калерги предлагал обеспечить мир и безопасность в Европе на вечные времена, ликвидировать экономические кризисы и гарантировать «европейскую цивилизацию» от якобы угрожавшей ей опасности со стороны Советского Союза¹. Следует отметить большое сходство с этим проектом современных планов «объединения Европы», в составлении которых деятельное участие принимает все тот же Куденгове-Калерги.

План Куденгове-Калерги встретил сочувственный отклик в некоторых кругах европейской буржуазии, в частности пацифистская фразеология Куденгове-Калерги привлекла многих представителей левобуржуазных и социал-демократических партий. С самого начала Куденгове-Калерги получил поддержку лидеров крупнейших австрийских правящих партий — канцлера католика Зайпеля и бывшего министра иностранных дел социал-демократа Карла Реннера. Оба упомянутых политических деятеля, а также чехословацкий министр иностранных дел Бенеш, написавший хвалебное предисловие к чешскому изданию «Пан-Европы», активно способствовали созданию пропагандистской организации — «Панъевропейского союза» и распространению призывов Куденгове-Калерги за пределами Австрии и Чехословакии. В 1924—

¹ R. Coudenhove-Kalergi, Kampf um Pan Europa, Wien 1925.

1925 г., получив от Бенеша дипломатический паспорт, Куденгове-Калерги совершил турне по Европе в целях вербовки сторонников.

Странствования Куденгове-Калерги по другим европейским столицам и посещение им в 1925—1926 гг. США привели к учреждению в странах, где он побывал, «национальных комитетов» «Панъевропейского союза». В октябре 1926 г. в Вене был созван I конгресс «панъевропейского движения», на котором присутствовало свыше 2 тыс. делегатов из 24 государств. Францию в нем представлял близкий французскому министру иностранных дел Бриану радикальный депутат и журналист Дельбос, Германию — председатель рейхстага социал-демократ Лебе, Англию — сотрудник Королевского института международных отношений А. Уаттс, от США в качестве наблюдателя присутствовал Ф. Х. Аллен, американский дипломат и директор «Ферст нейшнл бэнк энд траст К^о оф Панама». Характерно, что в качестве представителя «русской демократии» на конгрессе присутствовал Керенский, призывавший к «крестовому походу» против СССР. На конгрессе была принята программа «Панъевропейского союза», составленная в духе писаний Куденгове-Калерги, и образован центральный совет из представителей «национальных комитетов».

После конгресса возникли и росли, как грибы после дождя, новые «панъевропейские» организации.

В 1926—1927 гг. был создан так называемый «Европейский экономический и таможенный союз», учредивший свои «национальные комитеты» первоначально в Германии, во Франции и в Венгрии, а затем и в 15 других странах Европы. Возглавлял его французский социалист Ив ле Трокер. Программа союза заключалась в пропаганде постепенного снижения таможенных тарифов между европейскими странами; занимался он преимущественно технической разработкой соответствующих проектов.

В 1927 г. во Франции и в Англии возникли «комитеты европейского сотрудничества», объединившиеся позднее в «Федеральный комитет европейского сотрудничества». Во главе комитета стоял французский профессор Эмиль Борель. Программа этой организации предусматривала развитие европейского сотрудничества «в рамках и в духе Лиги наций». Смысл ее обособленного существования заключался для французских «панъевропейцев» в

привлечении Англии к «панъевропейской» деятельности, для английских правящих кругов, которые настороженно относились к идее создания блока континентальных держав,— в предотвращении антианглийской направленности этой деятельности.

Однако основной организацией «панъевропейского движения» оставался «Панъевропейский союз», а его члены, участвуя в других организациях, играли в них руководящую роль.

Буржуазная и правосоциалистическая пресса подняла вокруг идеи «объединения Европы» шумиху, возвещая начало «новой эры» мира и экономического процветания. Появились и другие «панъевропейские» проекты, изменявшие или дополнявшие программу Куденгове-Калерги, вокруг которых «пацифистствующие» политиканы разных оттенков поднимали ажиотаж. Со страниц книг публицистов и резолюций «панъевропейских» собраний идея политического и экономического «объединения Европы» проникала постепенно в правительственные декларации государственных деятелей и официальные заявления представителей крупнейших монополистических объединений. В этих выступлениях речь шла уже о конкретных шагах по осуществлению планов Соединенных Штатов Европы.

2. Империалистические монополии — организаторы и вдохновители «панъевропейского движения»

История возникновения «панъевропейского движения» занимает одно из важных мест в писаниях современных идеологов «объединения Европы», стремящихся выдать деятельность сторонников «европейской интеграции» за выражение воли народов. Распространение в 20-х годах идеи «объединения Европы» было вызвано, по их словам, тем, что общественность европейских стран узрела вдруг благодаря усилиям нескольких пророков этой идеи истинный путь к обеспечению мира и экономического процветания в Европе. Таким образом была, дескать, открыта новая эпоха в развитии Европы, когда эта идея перестала быть утопией и обозначились перспективы ее воплощения в жизнь¹.

¹ *Olivier Philip, Le problème de l'Union Européenne, Paris 1950, p. 143.*

Однако активность «панъевропейской» пропаганды объясняется в действительности совершенно иными причинами. Большое значение для разоблачения подлинного характера всякого рода деятельности по «объединению Еврспы» имеют архивы основной организации «панъевропейского движения» — «Панъевропейского союза». Деловая переписка руководителей «панъевропейского движения» позволяет вскрыть его происхождение, движущие силы и подлинные цели. Она проливает также свет и на причины заинтересованности правящих кругов некоторых западных держав в поддержании мифов «панъевропейской» пропаганды.

Исторические факты свидетельствуют о том, что организаторами и вдохновителями «панъевропейского движения» в 20-х годах были империалистические монополии, прежде всего германские и американские.

Странствования Куденгове-Калерги по городам Западной Европы и Соединенных Штатов и вербовка сторонников стали возможны только после получения им в 1923—1924 гг. значительной финансовой помощи от германо-американских банкиров братьев Варбургов, которые рекомендовали его своим германским и американским партнерам. В числе германских монополистов, финансировавших «панъевропейское движение» с момента его возникновения, были руководитель «ИГ Фарбениндустри» К. Дуисберг, глава «Дармштадгер банк» Якоб Гольшмидт, Артур Гвиннер из «Дейче банк», Фриш из «Дрезднер банк», магнат металлургической промышленности Стиннес, банкир Е. Ротшильд и др. Эти империалистические круги оказывали большое влияние на характер деятельности «Панъевропейского союза», в частности на подбор его руководителей.

В 1925—1926 гг. Куденгове-Калерги установил связи с рядом крупных американских монополистов, в том числе с представителем финансовой группы Морганов Томасом Ламонтом, с известными миллионерами Ф. Вандерлипом и В. Астором, с банкирами Ф. Алленом, Ю. Розенвальдом, К. Оуэнсом, с будущим президентом Г. Гувером и многими другими. Он получал от них большие денежные средства на организацию «панъевропейской» пропаганды и отчитывался перед ними в своей деятельности. В письмах к Фредерику Аллену Куденгове-Калерги постоянно указывал, что «панъевропейское дви-

жение» существует только благодаря американской финансовой поддержке. На деньги американских банкиров был проведен, в частности, I «панъевропейский» конгресс в октябре 1926 г. Сообщая об успехе конгресса, Куденгове-Калерги писал 15 октября 1926 г. Аллену, что будущее движения зависит от американской финансовой помощи¹. По мере увеличения американских субсидий росло и влияние монополистов США на деятельность «Панъевропейского союза».

Монополистические круги Германии, США, а также некоторых других государств, финансируя «панъевропейскую» пропаганду, меньше всего руководствовались интересами обеспечения мира и безопасности в Европе. Каждая из империалистических группировок преследовала собственные цели и вкладывала в лозунг «объединения Европы» выгодное ей конкретное содержание. Так, поддержка, которую оказывали «Панъевропейскому союзу» монополии США, была связана с их планами закабаления Европы и создания там агрессивного антисоветского блока.

Американский империализм, резко усилившийся после первой мировой войны и стремившийся к мировому господству, развернул свою экспансию и в Европе. В этой части земного шара американские монополии в середине 20-х годов выступали совместно с английскими монополиями, своими злейшими конкурентами в борьбе за рынки в других частях света, против общего конкурента — французского империализма, активно стремившегося к установлению своей гегемонии на европейском континенте. Главным объектом борьбы США и Англии с Францией была побежденная Германия, которую французские империалисты тщетно пытались подчинить своему господству, оккупировав в 1923 г. сердце ее промышленности — Рур. Соединенные Штаты и Англия, нанося удары в самое слабое тогда место Франции — французские финансы, добились на Лондонской конференции в августе 1924 г. капитуляции французского правительства и принятия плана Дауэса, при помощи которого они рассчитывали поставить германскую промышленность в зависимость от американских и британских монополий.

¹ Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. 1, д. 2, л. 73, 93—94.

План Дауэса расчистил путь для усиленного притока и внедрения в германскую промышленность иностранного, преимущественно американского, капитала. С октября 1924 г. и до начала мирового экономического кризиса в 1929 г. частные американские займы шли в Германию нескончаемым потоком, составляя в среднем 250 млн. долл. в год, т. е. свыше миллиарда марок. За шесть лет (с 1924 по 1929 г.) прилив иностранного капитала в Германию составил более 10—15 млрд. марок долгосрочных вложений и свыше 6 млрд. марок краткосрочных вложений¹. В долгосрочных займах важнейшая роль принадлежала американским капиталовложениям, на долю которых приходилось не менее 70%. По некоторым источникам, объем иностранных капиталовложений был значительно больше. Так, например, бывший германский посол в Москве Дирксен в своем письме от 22 июля 1931 г. писал, что Германия получила иностранных займов на 25 млрд. марок².

Восстанавливая военно-экономический потенциал побежденной Германии, вкладывая миллиарды в германскую экономику, американские монополисты, игнорируя опасные последствия укрепления своих германских конкурентов, надеялись по-прежнему держать Германию в подчиненном положении, эксплуатировать германский народ, превратить Германию в опорный пункт своего господства в Европе в борьбе против французских и прочих империалистических конкурентов. Американский капитал делал ставку на германский империализм также в целях борьбы с революционным движением в Европе, в том числе и в самой Германии, в целях борьбы против первого социалистического государства. Способствуя возрождению экономической и военной мощи германского империализма, американские империалисты намеревались создать предпосылки для организации антисоветского агрессивного блока в Западной Европе с участием Германии и поддержкой Соединенных Штатов, наживать прибыли на агрессивной войне германского милитаризма и душить его руками Советское государство. Они рассчитывали, что им удастся с помощью герман-

¹ См. «Фальсификаторы истории». (Историческая справка), Госполитиздат, 1952, стр. 9.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, архив Дирксена (1938—1939 гг.), М. 1948, стр. 239.

ских солдат добиться реставрации в Советском Союзе капиталистического строя и превратить его в зависимую колониальную страну, а также установить господство американских монополий в Европе. Так, например, еще в 1922 г. командующий американскими войсками в Германии генерал Генри Аллен заявил: «Западная Европа должна разрешить расширение Германии на Восток в предвидении, что это приведет к конфликту с русскими, а в результате этого к значительному ослаблению германского давления на Запад».

Американские империалисты рассчитывали, что путем установления тесных связей с германскими монополиями они смогут укрепить свои позиции в Германии, способствовать усилению германского капитализма и стабилизации европейского капитализма в целом, обеспечив за американским капиталом роль всемирного кредитора. К 1929 г. прямые капиталовложения Соединенных Штатов в Европе достигли уже 2 500 млн. долл. Руководители правившей в тот период в США республиканской партии обещали наступление эры «процветания» Соединенных Штатов в результате стабилизации европейского капитализма с помощью американских капиталов¹.

В этой связи пропаганда «обеспечения мира» в Европе и ее экономического «процветания», а также «борьбы против большевизма» путем «объединения Европы» получила благоприятный отклик в правящих кругах США. Так, нью-йоркский банкир Рамли в письме от 10 июня 1925 г. к Куденгове-Калерги подчеркивал заинтересованность деловых кругов США в «панъевропейском движении». «Я сознаю, конечно,— писал Рамли,— что пан-Европа с ее таможенными тарифами повысит конкурентоспособность европейских стран в отношении нас, американцев. Однако объединение Европы будет способствовать росту ее богатства и сделает ее хорошим рынком. Оно даст нашим промышленникам, имеющим дочерние предприятия в Европе, возможность развернуть свою деятельность сразу на всем континенте»².

Американские правящие круги не считали опасной угрозу конкуренции между объединенными в таможенный союз европейскими капиталистическими странами

¹ Подробнее об этом см. *В. В. Постников, США и дауэсизация Германии (1924—1929 гг.)*, М. 1957, стр. 83—139.

² Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. 1, д. 1, л. 165.

и Соединенными Штатами. «Наши таможенные законы могут предусмотреть такие протекционистские меры для нашей промышленности, которые позволят ликвидировать разницу в стоимости продукции, проистекающую от низкой зарплаты в Европе»¹, — писал по этому поводу президент вашингтонского института экономики Роберт Брукингс. Поэтому деятельность «панъевропейского движения» и пользовалась столь сильной поддержкой правящих кругов Соединенных Штатов, закрывавших глаза на неизбежное противоречие между курсом США на укрепление позиций европейского капитализма и ростом конкурентоспособности последнего в отношении США.

Наблюдение за деятельностью «панъевропейского движения» осуществлялось через Американский комитет сотрудничества с «Панъевропейским союзом», в который входили такие лица, как генерал Г. Аллен, посол США в Лондоне Дж. У. Дэвис, президент «Дженерал электрик» Дж. Свон, банкиры Феликс Варбург и Фредерик Аллен. Комитет регулярно информировал правящие круги США о деятельности «движения». Так, например, документы I «панъевропейского» конгресса в Вене были распространены среди всех членов сената, палаты представителей, руководителей республиканской и демократической партий, а также среди журналистов.

Непосредственный контакт с Куденгове-Калерги постоянно поддерживал Фредерик Аллен, сообщавший ему предписания монополистических кругов США и снабжавший его деньгами. О характере отношений лидера «панъевропейского движения» и американского банкира свидетельствует следующее письмо Куденгове-Калерги к Фредерику Аллену от 28 октября 1926 г. Сообщая Аллену о своих переговорах с Гувером, Куденгове-Калерги просил заручиться поддержкой других влиятельных в Соединенных Штатах лиц в вопросе создания «пан-Европы». «Несколько дней назад, — писал Куденгове-Калерги, — я прочел заявление министра г. Меллона в пользу экономической пан-Европы. Я думаю, что после всего этого будет гораздо легче получить американские деньги для дальнейшего развития панъевропейского движения... Поговорите, пожалуйста, с г. Томасом Ламонтом, который очень

¹ Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. 1, д. 2, л. 188.

интересовался панъевропейскими делами, когда я виделся с ним в Нью-Йорке...»¹

На I «панъевропейском» конгрессе в 1926 г. Ф. Аллен обратился к его участникам с призывом скорее устранить таможенные барьеры в Европе и создать «Европейский экономический союз». Именно в этом, разъяснял несколько позднее Аллен в письме к Куденгове-Калерги от 21 октября 1926 г., и состоит основная задача «панъевропейского движения». Ссылаясь на известный «манифест банкиров» с призывом к «свободе торговли», опубликованный в октябре 1926 г. по инициативе Томаса Ламонта, Мак Гарра и других американских монополистов, Аллен продолжал: «Я только что написал нескольким из моих друзей в Нью-Йорке и в Париже, подписавшим манифест, что им следовало бы немедленно установить контакт с «Панъевропейским союзом», так как одни банкиры не могут оказывать большого влияния на политику. Между тем «Панъевропейский союз», в который входит столько людей, пользующихся большим политическим влиянием, может сыграть большую роль в достижении намеченной ими цели». И далее Аллен обещал от имени этих банкиров новые денежные субсидии «Панъевропейскому союзу»².

Это предписание Куденгове-Калерги обязался неуклонно выполнять, о чем свидетельствует его письмо к Томасу Ламонту от 1 ноября 1926 г. Калерги всячески подчеркивал свою готовность сотрудничать с американским финансовым капиталом в целях «реконструкции Европы»³. Действительно и в дальнейшем мероприятия «Панъевропейского союза» согласовывались с «Панъевропейским экономическим бюро» во главе с американским монополистом Д. Хайнеманом.

Поддержка «панъевропейского движения» германскими и французскими монополистическими кругами, которая ярко стала проявляться после 1926 г., а также капиталистами некоторых других европейских стран, тесно связана с деятельностью так называемых европейских картелей.

В середине 20-х годов был заключен целый ряд международных картельных соглашений, которыми был уста-

¹ Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. 1, д. 2, л. 63.

² Там же, л. 67.

³ Там же, д. 1, л. 79.

новлен раздел рынков и которые предусматривали совместное выступление против общих противников. В эти картели входили главным образом европейские страны; ведущую роль в них играли Франция и Германия. Особо следует отметить образование Международного стального картеля, в котором участвовали металлургические монополии Франции, Германии, Люксембурга и ряда других европейских государств. При подписании этого соглашения 30 сентября 1926 г. учредители картеля опубликовали совместное заявление, в котором говорилось, что ими сделан первый шаг на пути к созданию экономических Соединенных Штатов Европы. Сам картель рассматривался французскими и германскими империалистами как прообраз будущего «объединения Европы». Французская сторона была представлена в нем «Комитэ де форж», германская сторона — концерном «Ферейнигте штальверке», одной из могущественнейших германских монополий, предприятия которой были реконструированы и модернизированы с помощью иностранного, главным образом американского, капитала. Европейские картели образовались и в других отраслях промышленности, например в производстве калия, химических продуктов, аммония, меди, проволоки, цинка, цемента и т. д.

Эти международные монополии объединяли по преимуществу промышленников европейского континента, хотя членами картелей по производству меди и рельсов состояли некоторые американские и английские промышленники. Основными конкурентами европейских картелей были американские и английские монополии. Например, европейский алюминиевый картель, основанный в 1926 г., в котором главными участниками были Франция и Германия (гораздо меньшую роль играли в нем Австрия, Швейцария, Норвегия, Англия), боролся на мировых рынках против «Алюминий К^о оф Америка» (трест Меллона), контролировавшего все производство алюминия в США, часть производства в Канаде и Норвегии, и примыкавшего к нему канадского консорциума «Алюминий лимитед». Европейский картель давал 40% мировой продукции алюминия, американско-канадская группа — 53%. В 1928 г. в связи с наступлением американского капитала конкуренция между этими двумя группами обостряется, перерастая в 1929 г. в ожесточенную схватку.

Стремлением многих участников европейских картелей было противопоставить американской экспансии в Европе систему общих таможенных ограничений европейских государств, разделить между собой рынок, огражденный таким образом от американской конкуренции. С этой целью они выдвигали лозунг экономического «объединения Европы», рассчитывая, с одной стороны, помешать импорту товаров из США, с другой стороны, совместными усилиями противостоять проникновению американского капитала в европейскую экономику. Орган объединения французских монополий «Комитэ де форж» журнал «Юзин» писал в номере от 24 января 1930 г. по поводу обострения борьбы между европейским и американским алюминиевыми картелями: «Вот уже в течение некоторого времени чувствуется проникновение американцев в Европу: захваты залежей боксита, алюминия, заводов, его обрабатывающих. Европейские производители, хотя они имеют возможность снизить цены, чтобы выдержать борьбу, беспокоены угрозой и принимают превентивные меры обороны». Сделав намек на необходимость «объединения европейских производителей», журнал подчеркивал: «В настоящее время над политикой европейских промышленников довлеет именно скрытая угроза американского наступления». А в декларации собрания акционеров «международной федерации шелка» отмечалось, что в связи с ростом протекционизма в США «Европа становится все более и более своим лучшим клиентом». В ней выражались пожелания упразднить 28 внутриевропейских таможенных барьеров и «увеличить таким образом емкость рынка». «Союз европейских государств полностью соответствует интересам нашей промышленности», — заявил докладчик — швейцарец Стели.

Пропаганда «объединения Европы» была направлена в известной мере и против Англии. Этому способствовала усилившаяся в Англии тенденция оградиться от иностранной конкуренции барьером протекционистских таможенных тарифов вокруг Британской империи. Участники европейских картелей противопоставляли лозунг экономического «объединения Европы» экономическому «объединению» стран Британской империи. Так, например, в одной из резолюций французской «Национальной ассоциации экономической экспансии» указывалось: «Учиты-

вая определенную угрозу нашему экспорту не только на американском рынке, но и на различных рынках британской империи вследствие усиления имперской политики Англии, считаем необходимым благоприятствовать ориентации нашего экспорта на рынки Центральной Европы».

Программа экономического «объединения Европы», в качестве важного шага по пути к которому рассматривалось создание новых европейских картелей, была разработана в созданном в 1927 г. «панъевропейском экономическом комитете», в который входил ряд крупнейших промышленников Франции и Германии. Наиболее видными фигурами в нем были: от Франции — де Пейеримхоф (руководитель «Комитэ де уйер»), Ламбер Рибо (представитель «Комитэ де форж»), Эрнест Мерсье (глава банка «Унион Паризьен» и крупнейший электропромышленник), Ренэ Дюшемен (глава химического концерна «Кюльман»), Луи Марлио (представитель алюминиевого концерна), Робер Хеккер (представитель электропромышленности) и др; от Германии — Карл Дуисберг и Карл Бош («ИГ Фарбениндустри»), Эрнест Пенсген («Ферейнигте штальверке»), Роберт Бош (машиностроение) и др. Планы создания новых европейских картелей были одобрены германскими и французскими монополистами на «панъевропейском» экономическом конгрессе, созванном в ноябре 1928 г. в Париже. Число франко-германских монополистических объединений быстро росло. Только в конце 1929 г. было создано свыше 40 франко-германских картелей.

Организатором и идеологом «панъевропейского экономического комитета» был Лушер, французский крупный промышленник и политический деятель, один из ближайших соратников министра иностранных дел Франции Бриана. Лушер и прочие представители французского финансового капитала, подвизавшиеся на «панъевропейском» поприще, предлагали использовать «экономический комитет» для облегчения организации целой сети европейских картелей типа «Международного стального картеля» и таким путем произвести «мирный» раздел Европы с германскими монополиями.

Создание сети европейских картелей во всех отраслях промышленности должно было, по мнению французских монополистов, обеспечить французской промышленности

внутренний рынок и возможность успешной борьбы на внешних рынках. Они также рассчитывали противопоставить соглашение между французскими и германскими монополиями американской экспансии в Европу и английскому влиянию в Европе. В статье, напечатанной в конце 1925 г. в одном из парижских журналов, Бриан писал: «Происходит взаимопроникновение крупной промышленности Франции и Германии. Кто не видит отзвука за океаном? Америка до сих пор спекулировала на европейской разобщенности, на нашем соперничестве и наших конфликтах». Создание Соединенных Штатов Европы, указывал далее Бриан, положит конец американскому влиянию в Европе. А в одной из своих бесед с Штреземаном в 1926 г. Бриан предложил организовать блок французских и германских монополистов, направленный против американского капитала¹.

Надежды французских реакционных кругов на создание через европейские картели устойчивой «общности интересов» французских и германских монополий оказались совершенно несостоятельными. Хотя германским монополистам было также в известной мере присуще стремление оградить свои рынки от американской конкуренции, участие в международных европейских картелях использовалось ими прежде всего для усиления своих позиций в отношении французских партнеров.

Конкуренция монополий, ожесточенная борьба империалистов за максимальные прибыли делали невозможным раздел рынков, сфер влияния между ними иначе, как на основании учета силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д., а сила германских участников европейских картелей непрерывно возрастала. Германские апостолы франко-германского «панъевропейского» сближения, как, например, председатель германского имперского союза промышленников Дуйсберг, руководитель «ИГ Фарбен» Карл Бош и другие находились в тесном контакте с представителями американских монополий, получая от них щедрые займы, которые укрепляли положение немецких промышленников в отношении их французских партнеров по европейским картелям.

¹ *Fritz Klein, Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932, Berlin 1952, S. 153.*

Характерным примером в этом отношении может служить история европейского стального картеля, т. е. такого картеля, который прожектеры «пан-Европы» брали в качестве экономического «обоснования» своих планов.

Германия была представлена в этом картеле трестом «Ферейнигте штальверке» и получила первоначальную квоту производства стали в 40%. Трест «Ферейнигте штальверке», тесно связанный с американскими банками и монополиями, непрерывно получал американские займы и развивал свою производственную мощность: в 1926—1930 гг. он получил свыше 100 млн. долл. и увеличил производство стали только за 1927 г. более чем на 30%. Старые квоты уже были недостаточными: в 1928 г., на высшей точке подъема, сталелитейная промышленность Германии использовала лишь немногим больше двух третей своей общей мощности. Германская квота была повышена до 43%, но аппетиты германских монополистов не уменьшались: они предпочитали платить штрафы и превышать квоты. В результате этого в 1929 г. картель выплавил 34,7 млн. т стали вместо намеченных по программе 31,7 млн. т; большая часть излишка приходилась на долю Германии. По мере обострения проблемы рынков борьба участников картеля за максимальные прибыли усиливалась. Германская пресса требовала увеличения квоты Германии, снижения штрафов.

С наступлением экономического кризиса 1929 г. участники картеля были вынуждены под давлением германских требований отказаться от фиксирования минимальных цен и квот на ряд сортов стали. Нарушения картельного соглашения со стороны «Ферейнигте штальверке» приняли вопиющий характер. В течение всего 1930 г. происходили переговоры участников картеля об условиях его сохранения, в ходе которых обнаружилось непримиримые разногласия между германской и французской сторонами. Борьба империалистов за максимальные прибыли привела летом 1931 г. к разрушению этого краеугольного камня в экономической «основе» «панъевропейских» планов. Подобная же судьба постигла ряд других европейских картелей.

Борьба германских монополий за господство в международных картелях нередко проводилась под знаменем экономического «объединения Европы» на началах «равноправия». «Панъевропейские» лозунги уничтожения та-

моженных границ использовались германскими монополистами в целях проникновения на рынки и в сферы влияния своих французских и прочих партнеров. Этим в значительной мере и объясняется популярность идеи «объединения Европы» среди германских промышленников.

3. «Локарнская» политика подготовки агрессии и ее «панъевропейская» маскировка

Борьба империалистических монополий за европейские рынки и выдвижение в ходе этой борьбы участниками европейских картелей лозунга «объединения Европы» были только одной из причин развития «панъевропейского движения». Другой важной причиной активности «панъевропейской» пропаганды было использование ее некоторыми западноевропейскими государственными деятелями в интересах проведения политики, известной под названием «локарнской». Существо «локарнской» политики состояло в стремлении наиболее реакционных кругов западных держав разрешить обострившиеся противоречия версальской системы за счет Советского Союза. Эти круги рассчитывали сколотить единый блок европейских капиталистических государств с участием Германии и направить реваншистские поползновения усиливавшегося германского империализма на Восток, против СССР.

Локарнские соглашения, заключенные 16 октября 1925 г. правительствами Англии, Франции, Германии, Италии и рядом других европейских государств и содержавшие формальные «гарантии» границы Германии с Францией и Бельгией, фактически узаконивали претензии германских империалистов на Востоке. Тем самым инициаторы Локарно поощряли развязывание германскими милитаристами войны против СССР. Именно о такой войне и шла речь на тайных совещаниях дипломатов западных держав в Локарно. Но со свойственным буржуазной дипломатии лицемерием они объявляли итоги своих заседаний великим вкладом в «дело мира». Так, например, в заключительном протоколе Локарнской конференции говорилось, что вступление локарнских договоров в силу будет громадным вкладом в дело разрядки напряженных отношений между нациями, будет содейст-

воватъ разрешенію различныхъ проблемъ, стоящихъ передъ народами, укрепитъ миръ и безопасность Европы и т. д.¹

Пацифистская демагогия об «укреплении мира» в Европе и о «примирении» между державами-победительницами и побежденной Германией и включении ее в Лигу наций служила дымовой завесой подготовки новой войны. В этой связи идея «объединения Европы» «во имя мира» быстро завоевала успех среди определенной части апологетов «локарнской» политики. Наибольшее распространение она получила во французских и в германских реакционных правящих кругах.

Близорукий расчет французских реакционных политиков заключался в том, чтобы, используя преимущества Франции как державы-победительницы, создать франко-германский блок под главенством Франции и разрешить франко-германские противоречия за счет Советского Союза. Апологеты этой политики, как, например, Поль Рейно, который и сейчас является одним из самых ярких сборщиков «франко-германского сближения», утверждали, что нет иных путей для обеспечения безопасности Франции. Иначе, по словам Рейно, неизбежно мог вспыхнуть франко-германский конфликт, в котором Франция оказалась бы более слабой стороной, несмотря на наличие военных союзов с Польшей и странами Малой Антанты. Подчеркивая отказ других держав-победительниц — Соединенных Штатов и Англии гарантировать Францию от реванша со стороны германских милитаристов, Рейно призывал к союзу со злейшими врагами Франции против ее естественного союзника — СССР. Рекламируя «преимущества» «франко-германского сближения», Рейно утверждал, что в «объединенной Европе» на основе франко-германского сговора не будет ни войн, ни революций².

Бриан, французский министр иностранных дел в 1925—1932 гг., с именем которого связана «локарнская» политика, прямо указывал в 1925 г., что цель ее состоит в создании «европейского союза». Путем такого союза,

¹ Более подробно о локарнских соглашениях см. монографию В. М. Турок «Локарно», М.—Л. 1949.

² «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés, 1929, p. 4640—4645.

по мнению Бриана, была бы обеспечена «солидарность» Германии с «европейским сообществом», а это исключало бы ее «сообщничество с Советами»¹.

Попытки создания антисоветского блока предпринимались неоднократно в послелокарнский период в ходе переговоров между французскими и германскими политическими деятелями. В этих переговорах, затрагивавших экономический, политический и военный аспекты антисоветского сговора, участвовали с обеих сторон промышленники, политические деятели, дипломаты и генералы.

О характере обсуждавшихся во время переговоров вопросов можно судить по программе франко-германского соглашения, составленной одним из наиболее активных участников этих попыток антисоветского сговора — Рехбергом, изложенной им в 1928 г. в газете «Фоссише цейтунг».

«Германии и Франции следует взаимно гарантировать их европейские границы «против всякого нападения третьей стороны», — писал Рехберг... — Между французской и немецкой армиями нужно установить соотношение 5 : 3, т. е. если французская армия располагает силой в 500 тыс. человек, то германская армия должна располагать силой в 300 тыс. человек, с той же системой набора, с тем же снаряжением, с тем же вооружением; следовало бы создать верховный штаб, включающий немецких и французских генералов, которому были бы подчинены обе армии, французская и германская. Этот верховный штаб располагал бы правом инспекции всех французских и германских войск и выработал бы план будущей совместной защиты французских и германских границ. Бельгийская армия была бы присоединена к франко-германскому военному союзу. Наконец, французская промышленность участвовала бы в снаряжении новой Германии в пропорции от одной трети до одной четверти» — речь шла о первоначальном вооружении или о постоянных поставках новой германской армии в дальнейшем. Рехберг прямо указывал, что этот военный союз должен быть направлен против СССР.

¹ G. Suarcz, Briand, L'Artisan de la paix (1913—1932), v. VI, Paris 1952, p. 136.

Во время встречи Бриана с германским министром иностранных дел Штреземаном в Туари в сентябре 1926 г. также шла речь о сговоре против Советского Союза. Бриан, высказав убеждение в скором падении Советской власти вследствие контрреволюционного переворота, прямо предложил своему собеседнику совместную, франко-германскую эксплуатацию России¹. Бриан и другие французские реакционные политики полагали, что ненависть германских империалистов к социалистическому государству и их стремление поживиться за его счет окажутся сильнее, чем их стремление к реваншистской войне против Франции. Они надеялись, что некоторые уступки германским милитаристам со стороны западных держав окончательно склонят Германию к участию в антисоветском блоке. Характерным примером таких рассуждений может служить заявление французского сенатора, известного «панъевропейского» деятеля Анри де Жувенеля, сделанное им корреспонденту одной из германских газет. «Непростительно, что западные державы еще не поняли необходимости единой политики в отношении России,— говорил Жувенель.— Рано или поздно Советское правительство должно исчезнуть, и Россия станет неразрывной частью европейской капиталистической экономики. Тогда нужно будет предоставить ей займы. Ни одно государство не располагает в одиночку необходимыми фондами. Нужно создать коалицию. Отсюда вытекает необходимость выступить единым, прочным фронтом против большевизма».

Хотя каждая уступка германским милитаристам, сделанная в ходе франко-германских переговоров, рекламировалась реакционной печатью Франции как новый вклад в «дело мира» в Европе и обеспечения безопасности Франции, французские правящие круги не могли игнорировать обратную сторону политики «Локарно». Они видели непрерывный рост appetitов германского милитаризма, усиливавшегося с помощью англо-американских капиталов, и его стремление сбросить с себя оковы версальского мира. Многие из французских реакционных политических деятелей понимали, что с «локарнской» политикой неизбежно связано ослабление позиций Франции в отношении Германии. Это признавал

¹ G. Stresemann, *Vermächtnis*, Berlin 19-9, Dritter Band, S. 23.

даже Бриан, говоря, что «конечно, во всех переговорах было невозможно избежать некоторого сокращения влияния Франции»¹. Но он полагал, что некоторые уступки Германии неизбежны. Бриан и его единомышленники тешили себя тем, что внешний эффект французских «уступок» Германии, например принятие репарационного «плана Юнга» в 1929 г.² создаст благоприятную почву для сколачивания франко-германского антисоветского блока. Одновременное усиление германского милитаризма они считали оправданным риском.

Пацифистский туман «панъевропейской» фразеологии был нужен французским реакционерам для того, чтобы окутать им свою политику сговора с германским милитаризмом, враждебную национальным интересам Франции. Бриан в одной из бесед с журналисткой Женевиевой Табуи о плане создания «пан-Европы» сделал циничное заявление, характеризующее подлинную цель «панъевропейской» пропаганды. «При демократическом строе,— сказал Бриан, имея в виду, разумеется, буржуазно-демократический режим,— нужно всегда давать

¹ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés, 1929, p. 305б, 4681.

² Этот план, разработанный в соответствии с требованиями и под давлением американского империализма, выступавшего в качестве союзника германских монополий, был направлен по замыслу его инициаторов на снижение ежегодных платежей германских репараций, освобождение прибылей промышленников от обложения и переложение всей тяжести репарационных платежей на плечи трудящихся масс страны, отмену всех форм контроля Франции и Англии над финансами и экономикой Германии. Он усиливал позиции германского финансового капитала, но ухудшал положение широких масс налогоплательщиков и крайне обострял классовую борьбу в Германии. Отсюда следовало усиление фашистских и антисоветских настроений среди германской буржуазии, с одной стороны, но укрепление ее позиций в отношениях с Францией и Англией — с другой.

Американские инициаторы этого плана рассчитывали усилить позиции американских монополий в германских делах, во-первых, и вообще в Европе, во-вторых, поскольку созданный в соответствии с «планом Юнга» Базельский банк международных расчетов, официальной функцией которого было регулирование репарационных платежей и посредничество между Германией, ее кредиторами и США, представлял собой механизм, при помощи которого американский империализм стремился расширить свою экспансию в Европе (это признавал глава концерна Моргана Томас Ламонт). Банк находился под влиянием моргановского дома, представленного в банке Джексоном Рейнольдсом — президентом «Ферст нейшл банк».

основание для фантазии людей. Нужно давать пищу их воображению»¹. Пропаганда «объединения Европы» во имя мира и экономического процветания, по мнению Бриана и его единомышленников, создавала благоприятную почву для возникновения у французской общественности иллюзий, которые препятствовали пониманию реального содержания политики «Локарно».

В 1926 г. состоялась первая встреча Бриана с Куденгове-Калерги, положившая начало тесному сотрудничеству французской дипломатии с «панъевропейским движением». В мае 1927 г. Бриан был избран почетным председателем «Панъевропейского союза», а несколько позднее — почетным председателем «Европейского экономического и таможенного союза». Французская буржуазная печать провозглашала «эру франко-германского примирения» в лоне «пан-Европы». Однако вопреки надеждам французской реакции на создание антисоветского франко-германского блока германские империалистические круги, разыгрывая локарнский фарс «франко-германского примирения», преследовали совершенно иные цели.

В то время Германия находилась под бременем Версальского договора. Советский Союз был единственной страной в мире, которая всегда выступала за установление равноправных политических и экономических отношений с Германией. Экономическая и политическая зависимость от держав-победительниц, стеснявших германский экспорт на рынках капиталистических стран, делала Германию особенно заинтересованной в советском рынке. Как указывалось в резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1927 г. о международном положении, «в центре Европы Германия прямо заинтересована в оттяжке событий, ибо динамика развития ведет к несомненному абсолютному и относительному росту экономического и политического веса Германии. В то же время Германия больше других стран заинтересована в развитии экономических связей с СССР»². Поэтому в самый разгар Локарнской конференции — 12 октября 1925 г. — германское правительство

¹ *Geneviève Tabouis, Ils l'ont appelée Cassandre*, N. Y. 1942, p. 83.

² «КПСС в резолюциях», ч. II, Госполитиздат, М. 1954, стр. 363.

пошло на подписание с Советским Союзом торгового договора и на соглашение о предоставлении ему кредитов. Заинтересованность Германии в нормальных экономических отношениях с СССР и ее противоречия с западными державами были использованы советской дипломатией, которая настояла на заключении договора, подтверждавшего рапальское соглашение и значительно ограничивающего участие Германии в антисоветских происках западных держав.

Восстанавливая с помощью американских и английских займов и капиталовложений военно-промышленный потенциал страны, германские правящие круги использовали антисоветский торг с западными державами для того, чтобы скорее порвать версальские путы и покончить с зависимостью от держав-победительниц. В сентябре 1925 г., незадолго до подписания локарнских соглашений, германский министр иностранных дел Штреземан писал в письме кронпринцу: «...Внешняя политика Германии на ближайшее будущее имеет три великие цели. Во-первых, решение рейнского вопроса в благоприятном для Германии смысле... без чего Германия не сможет восстановить свои силы. Во-вторых, защита десяти или двенадцати миллионов немцев, которые живут сейчас под иностранным игом. В-третьих, исправление наших восточных границ, возвращение Данцига, Польского коридора и исправление очертаний границы в Верхней Силезии. Некоторое время спустя — воссоединение Австрии с Германией...»¹

Идея «объединения Европы во имя мира» служила германским империалистам как орудие борьбы против Версальского договора. Сам же «панъевропейский союз» с его пацифистской фразеологией являлся лишь ширмой для сокрытия их агрессивных замыслов. Следует отметить, что в сооружении этой ширмы активное участие принимал обер-бургомистр Кельна Конрад Аденауэр, нынешний канцлер Западной Германии и один из наиболее ярых сторонников «европейской интеграции».

Для германских империалистов антисоветское «объединение Европы» означало прежде всего завоевание германской гегемонии в Европе. Германское понимание

¹G. Stresemann, *Vermächtnis*, Zweiter Band, S. 553.

«объединения Европы» весьма ярко выражено в заявлении крупного промышленника Рехлинга: «Подлинное европейское единство... может быть достигнуто парой военных ударов, нанесенных ведущей нацией, или же оно никогда не станет реальностью. В таких случаях неизбежна сила. А какая нация, кроме германской, может это сделать?»¹. Это было возможно только при условии восстановления военной мощи Германии, к чему и стремились германские милитаристы. О настроениях германских «панъевропейцев» можно судить по высказыванию одного из самых рьяных из них — Арнольда Рехберга. «Я не сомневаюсь, — заявил он однажды, — что Франции, если только франко-германские отношения не подвергнутся коренному изменению, придется воевать в тот самый день, когда Германия сможет вести войну, имея шансы на успех».

Однако до тех пор пока сохранялись ограничения германских вооружений и французская армия оставалась сильнейшей армией в капиталистической Европе, германские империалисты были лишены возможности взять в свои руки инициативу политической «организации Европы». Отсюда стремление германских правящих кругов использовать «панъевропейские» планы французских реакционеров в целях собственного усиления: добиваясь «равноправия» участников проектировавшегося блока, они стремились снять ограничения с вооружений Германии, прекратить выплату репараций и т. д.

Характерные черты этой политики проявились, например, во время франко-германских переговоров 20 и 21 декабря 1929 г. в Берлине, происходивших под официальным предлогом «культурного» сближения немецких и французских католиков. В действительности же речь шла о совместной деятельности Германии и Франции, направленной против мифической «угрозы христианской цивилизации» со стороны Советского Союза. Один из участников переговоров — германский дипломат Обендорф в своей речи даже нарисовал «заманчивую картину объединения католиков Германии и Франции в две христианские армии во имя защиты их церкви»². Цель «совместной деятельности» не вызывала сомнений

¹ *Hermann Rauschnig, Men of Chaos, N. Y. 1942, p. 229.*

² «*Europe Nouvelle*», 8. III. 1930, p. 420—426.

у участников переговоров. Более того, обе стороны выразили полное согласие, что существуют и экономические предпосылки «совместной деятельности» в виде многочисленных франко-германских картелей. Однако условием такого «объединения» немецкая делегация выдвинула возвращение Германии Польского коридора, Верхней Силезии и Саара, присоединение к ней Австрии, отмену военных статей Версальского договора, ограничивавших ремилитаризацию Германии.

Притязания германских империалистов идеологически обосновывались их представителями и агентами в «панъевропейском движении». Удовлетворение германских требований объявлялось необходимым условием «объединения Европы» во имя мира и экономического процветания европейских народов. В этом отношении характерна программа «урегулирования франко-германских разногласий», сформулированная в то время Куденгове-Калерги явно под влиянием его американских и германских покровителей.

Репарационные претензии держав-победительниц Куденгове-Калерги предлагал удовлетворить за счет продажи колоний Англии и Франции в Тихом океане и Гвианы Соединенным Штатам, отменив или максимально сократив выплату репараций Германией.

Далее председатель «Панъевропейского союза» рекомендовал урегулировать вопрос о восточных границах Германии путем передачи ей Польского коридора и Данцига; что касается Польши, то следовало бы компенсировать ей утрату путем присоединения к ней Литвы. Кроме того, Куденгове-Калерги высказывался в пользу аншлюсса Австрии к Германии.

Наконец, что особенно существенно, Куденгове-Калерги выступал за «равноправие» Германии в области вооружений, т. е. за предоставление германским милитаристам свободы рук для подготовки реваншистской войны. В своей книге «Борьба за пан-Европу», переизданной в 1928 г. в Вене, Куденгове-Калерги писал: «Германия должна быть «завоевана» для Запада. Но обязательным условием этого является признание Францией требований Германии на равноправие и справедливость и выполнение этих требований французами»¹.

¹ R. Coudenhove-Kalergi, Kampf um Panuropa, Wien 1928, S. 17.

Отсюда понятно, почему многие представители германских правящих кругов принимали самое активное участие в деятельности «Панъевропейского союза». Так, в германский «панъевропейский комитет» входили такие лица, как председатель рейхстага Пауль Лебе, президент рейхсбанка Шахт, бывший рейхсканцлер Маркс, лидер католической партии Каас, председатель демократической партии Эрих Кох. В тесном контакте с комитетом находился поддерживавший его министр иностранных дел Штреземан. Как отмечал впоследствии в своих мемуарах Куденгове-Калерги, некоторые из этих лиц (Штреземан, Шахт) открыто высказывали намерение превратить «Панъевропейский союз» в орудие борьбы против Версальского договора¹.

Таким образом, политика франко-германского антисоветского сговора, проводившаяся французскими реакционерами под лозунгом «объединения Европы» и «франко-германского примирения», вела к усилению смертельного врага Франции — германского милитаризма, к созданию угрозы ее безопасности.

Ослепленные классовой ненавистью к социалистическому государству, реакционные правящие круги Франции рассчитывали разрешить непрерывно обострившиеся франко-германские империалистические противоречия за счет Советского Союза. Они недооценивали растущей экономической, политической и оборонной мощи Советского Союза, они пытались игнорировать силу международного движения трудящихся в поддержку миролюбивой внешней политики Советского Союза и против империалистической войны. Эти близорукие политики забывали также и о том, что агрессор всегда предпочитает совершить нападение в ту сторону, где он чувствует меньшее сопротивление. Поэтому каждое новое усилие французской реакции добиться «франко-германского примирения» путем «объединения Европы» вело к росту угрозы германского милитаризма на границах Франции.

¹ *Richard N. Coudenhove-Kalergi*, *Crusade for Pan Europe*, N. Y. 1943, p. 94, 95.

Современные «панъевропейские» идеологи, пытаясь фальсифицировать историю, утверждают, что распространение в 20-х годах идеи «объединения Европы» было вызвано стремлением европейских народов к обеспечению мира и безопасности посредством создания «европейской федерации». «Панъевропейские» организации изображаются ими как представители общественного мнения, а политики и монополисты, предпринимавшие различные шаги по пути «объединения Европы» (создание стального картеля, подписание локарнских соглашений и т. д.), — как выразители чаяний народов, жаждавших мира. Так фальсифицируется история для поддержания мифа об «объединенной Европе» как средстве обеспечения мира.

Однако исторические факты свидетельствуют о том, что «панъевропейское движение» и его деятельность в 20-х годах были организованы империалистическими кругами западных держав, стремившихся их использовать в целях маскировки своей политики порабощения народов Европы и подготовки агрессивной войны.

За планами экономического «объединения Европы» скрывались экспансионистские замыслы американских, германских, французских монополий, боровшихся за установление своего господства на рынках европейских стран.

Планы политического «объединения Европы» прикрывали попытки создания агрессивного блока капиталистических государств Европы с участием возрождавшегося германского милитаризма и борьбу империалистов Франции и Германии за главенство в этом блоке.

Острые империалистические планы «объединения Европы» было направлено против Советского Союза, являвшегося главным препятствием на пути империалистической политики порабощения народов Европы и развязывания новой войны. Империалистические планы «объединения Европы» были глубоко враждебны интересам европейской безопасности, интересам всех народов Европы.

ГЛАВА II

**ПЛАН «ПАН-ЕВРОПЫ» —
ОРУДИЕ АГРЕССИВНОЙ
ПОЛИТИКИ**

**1. Подготовка антисоветской интервенции
под флагом «объединения Европы»
в 1929—1930 гг.**

Особое место в истории деятельности сторонников «объединения Европы» между первой и второй мировыми войнами занимают 1929—1930 гг. В этот период произошли события, которые современные идеологи «европейской интеграции» обычно приводят как классическое проявление вымышленной ими исторической закономерности «объединения Европы».

Начало этим событиям положило выступление французского министра иностранных дел Бриана на десятой ассамблее Лиги наций 5 сентября 1929 г. с официальным предложением создать «между народами, географически так сгруппированными, как народы Европы», «нечто вроде федеральных уз».

Поводом к официальному выдвижению Брианом подобного предложения послужило обсуждение десятой ассамблеей вопроса о таможенном режиме стран — участниц Лиги. Вспышки таможенной войны в ходе борьбы за рынки вызвали в кругах Лиги наций своеобразную реакцию «экономического пацифизма». Каждый из представленных в Женеве дипломатов стремился прикрыть декларациями о таможенных реформах и «свободной торговле» протекционистские мероприятия своего правительства и продемонстрировать «стремление к экономическому сотрудничеству» своего государства. Именно во время одной из подобных демонстраций Бриан и выдвинул в своей речи предложение о создании некоего «европейского сообщества». Учитывая ха-

ракетер обсуждавшейся проблемы, Бриан указывал, что «это сообщество будет действовать главным образом в области экономики». Однако он также подчеркивал, что «с точки зрения политической, с точки зрения социальной федеральные узы... могут оказаться благотворными». Таким образом, речь шла о создании экономического и политического блока капиталистических государств Европы.

9 сентября 1929 г. Бриан вновь выступил с предложением «организации Европы», на этот раз на банкете в присутствии 27 министров иностранных дел европейских стран — членов Лиги наций. На банкете была достигнута договоренность о том, что французский министр иностранных дел подготовит развернутый проект предлагавшегося им «объединения» и представит его правительствам европейских государств.

Причины и обстоятельства выдвижения проекта Бриана и его содержание уже неоднократно подвергались обсуждению буржуазными историками. Большинство из них расценивает инициативу Бриана как благородное устремление обеспечить мир и безопасность в Европе¹. Бывший английский министр Эмери, который участвовал в «панъевропейской» деятельности в течение 30 лет, рассматривал проект Бриана как естественное развитие локарнской «системы взаимной безопасности против всякой агрессии в Европе». Эмери писал в своих мемуарах, что «если бы локарнские соглашения были дополнены и укреплены созданием на основе союза народов общей политической и экономической системы, какую предлагал Бриан, они могли бы обеспечить прочный и длительный мир в Европе»². При этом характерно, что буржуазные ученые рассматривают попытки Бриана вне связи с некоторыми важными особенностями международной обстановки того времени. Как правило, они обходят молчанием вопрос об отношениях между Советским Союзом и другими европейскими странами. Это не случайно, ибо при сопоставлении фактов, приводимых буржуазными историками плана Бриана, с событиями, о которых они предпочитают не упоминать,

¹ См., например, *Suarez G., Briand, L'artisan de la Paix*, v. VI (1923—1932), Paris 1952, p. 325, 334.

² *L. S. Amery, My Political Life*, v. III, London 1955, p. 379.

становится очевидным, что этот план не имел ничего общего с интересами обеспечения мира.

Уже самый момент выдвижения проекта «европейской федерации» объясняется отнюдь не случайными причинами, не субъективным желанием французского министра иностранных дел, как это утверждают буржуазные исследователи¹. Разработка плана «пан-Европы» французскими реакционными кругами началась задолго до его выдвижения. Как свидетельствует в своих мемуарах Куденгове-Калерги, он неоднократно обращался к Бриану в 1926—1928 гг. с предложениями вынести план «объединения Европы» на обсуждение европейских правительств². Однако, несмотря на призывы Куденгове-Калерги, Бриан до 1929 г. считал это выступление преждевременным.

Предложение Бриана было выдвинуто тогда, когда капиталистический мир вступал в полосу небывалого по силе мирового экономического кризиса. Развитие кризиса вызвало чрезвычайное обострение противоречий империализма. Обострились противоречия между важнейшими империалистическими государствами, между странами-победительницами и странами-побежденными, между империалистическими метрополиями и колониальными и зависимыми странами, и, наконец, обострились социальные противоречия внутри каждой капиталистической страны. В связи с обострением империалистических противоречий в правящих кругах капиталистических стран вновь усилилась тенденция к разрешению этих противоречий за счет страны социализма, активизировались антисоветские происки международной реакции. Только через призму всех этих противоречий можно увидеть подлинные мотивы и содержание предложения Бриана.

Важную роль в обострении империалистических противоречий в Европе в 1929 г. сыграло наступление американского империализма на рынки своих конкурентов, в том числе на европейские рынки. Американская экспансия в Европе и во всем мире крайне обострила противоречия между США и европейскими капиталисти-

¹ *André Philip*, *L'Europe Unie et sa place dans l'économie internationale*, Paris 1953, p. 302.

² *R. Coudenhove-Kalergi*, *Kampf um Europa*, Zurich 1949, S. 142—147.

ческими странами, прежде всего между США и Англией. Противоречие между Англией и США становится главным межимпериалистическим противоречием. Если в 1924—1925 гг. Великобритания и США выступали единым фронтом в вопросах европейской политики, то теперь этот блок раскалывается. Англия, являвшаяся сильным соперником империалистической Франции на европейском континенте, оказалась втянутой в ожесточенную борьбу, перевес в которой был явно на стороне США. Хотя главной ареной англо-американской борьбы были Южная Америка, Китай, колонии и доминионы, она не могла не ослабить позиций Англии и в Европе. Это ослабление английского империализма способствовало усилению позиций его французского конкурента в борьбе с Англией за влияние в Европе.

Ослабление позиций британского империализма в Европе и возросшее стремление в Англии замкнуться от иностранной конкуренции за барьером протекционистских таможенных тарифов вокруг Британской империи, а также неучастие Англии в большинстве европейских картелей обуславливали использование французскими империалистами лозунга экономического «объединения Европы», противопоставленного экономическому «объединению» стран Британской империи. Французские монополии стремились не упустить благоприятный момент для вытеснения с помощью европейских картелей английских конкурентов с европейских рынков. Этот аспект «объединения Европы» использовался французскими империалистами также в целях устранения английского влияния на попытки франко-германской сделки под вывеской «пан-Европы».

Усиление американской конкуренции на европейских рынках вызвало ответное стремление капиталистических государств Европы противопоставить ей таможенные барьеры, ограждающие их от этой конкуренции. В 1929 г. дефицит коммерческого баланса стран капиталистической Европы в торговле с США составлял 850 млн. долл. После повышения в 1929 г. протекционистского барьера вокруг американского рынка он должен был неизбежно увеличиться. В этой связи среди буржуазных экономистов и промышленников получила широкое распространение «теория» о том, что упразднение таможенных перегородок между европейскими госу-

дарствами, создание «европейского таможенного союза», объединяющего рынки индустриальных и аграрных стран, может явиться панацеей от экономических недугов капиталистической Европы, поскольку эти объединенные рынки будут взаимно «дополнять» друг друга. Отсюда стремление французских империалистов, выдвигая лозунг экономического «объединения Европы», использовать противоречия между США и европейскими странами для заключения франко-германского соглашения. «В настоящий момент создалась довольно хорошая конъюнктура для европейского экономического союза; она является таковой благодаря своеобразной реакции против... политики Соединенных Штатов»¹, — заявил в своем выступлении в парламенте один из видных представителей правительственной партии Франции «Альянс демократик» — депутат Жинью.

Франко-американская борьба за европейские рынки в этот момент была крайне напряженной. Американский империализм, продолжая наступление на европейские рынки, наносил французскому империализму удар за ударом: «Дженерал моторс» устанавливает контроль над заводами «Ситроен», «Дженерал электрик» проникает в сферы влияния «Компани Женераль д'электрисите», «Паблик ютилитив холдинг корпорейшн» приобретает треть акций электрокомпании «Юнион электрик рюель» и т. д. Борьба ведется как на французском рынке, так и в сферах влияния французского империализма: в Польше, Румынии, Югославии и др.

Французский империализм оказывал ожесточенное сопротивление американскому конкуренту. Ответное повышение таможенных пошлин на американские товары, наложение эмбарго на некоторые из них (автомобили, кинофильмы), усиленное обложение налогами американских фирм во Франции — таковы были средства, которыми французский империализм пытался отразить наступление американских монополий.

Франко-американская конкурентная борьба была предметом весьма напряженных переговоров между правительствами этих стран, в ходе которых американский посол Эдж настойчиво домогался снижения нало-

¹ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés, 1929, p. 2871.

гов на американские фирмы во Франции и снижения французских тарифов на предметы американского экспорта во Францию. После принятия в июне 1930 г. конгрессом США таможенного закона Смут-Хаули положение настолько обострилось, что эти переговоры были временно прерваны. Отсюда активизация деятельности французских политиков, направленной на использование лозунга «пан-Европы» в антиамериканских целях.

Приближение и развитие мирового экономического кризиса привело к серьезному осложнению франко-германских отношений.

Франко-германские противоречия непрерывно обострялись еще до наступления кризиса в связи с усиливающимся распадом версальской системы, с изменением того соотношения сил между Францией и Германией, которое было установлено Версальским мирным договором. С 1924 г., с момента, когда золотой дождь американских долларов полился на германскую экономику, объем промышленной продукции Германии увеличился к 1929 г. на 46,4%. Объем промышленной продукции Франции за этот период увеличился только на 27%. С 1922 по 1930 г. Германия увеличила экспорт промышленных товаров на 65%, Франция — только на 4%. Уже в 1927 г. германский экспорт превысил довоенный уровень. Германский империализм все настойчивей стал открыто предъявлять притязания на новые рынки и колонии.

Превосходство общеэкономической силы Германии в отношении Франции все более сказывалось и в области политики. Чувствуя окрепшую почву под ногами, германская дипломатия с возрастающим упорством требовала пересмотра ряда статей версальского договора. Под давлением со стороны Германии, поддержанной Соединенными Штатами и Англией, а также в расчете на франко-германский сговор против СССР Франция пошла в 1929—1930 гг. на ряд важных уступок. В 1929 г. был принят «план Юнга», в мае 1930 г. — досрочно прекращена оккупация Рейнской области. Французское правительство попустительствовало тайному вооружению Германии, сообщения о котором непрерывно поступали от агентов французской разведки.

Изменение соотношения сил в пользу Германии и распад версальской системы вызвали тревогу во

французских правящих кругах. Некоторые группировки французских правящих кругов требовали прекращения уступок и проведения твердой политики в отношении Германии. Подобные настроения ярко выражены в резолюции съезда одной из правительственных партий — «Республиканской федерации», принятой в мае 1930 г. «Республиканская федерация... полагает,— говорилось в резолюции,— что план Юнга означает последнюю стадию национальных уступок, что установленный договорами территориальный статут Европы останется неизменным, что, пока Лига наций не будет располагать средствами наводить порядок в Европе и в мире, безопасность Франции на суше, на море и в воздухе должна быть обеспечена укрепленной границей, армией, флотом и системой союзов в масштабе ее потребностей»¹.

Другие группы французской буржуазии, наоборот, выступали за активизацию попыток «франко-германского сближения». Эту точку зрения разделял, в частности, и сам Бриан. Ее поддерживали правые лидеры французских социалистов. Свою позицию Бриан и его единомышленники аргументировали ссылками на существование в Германии двух течений — правых националистов во главе с Гугенбергом и «левых» сторонников «сближения» с Францией во главе с Штреземаном. По мнению Бриана, лидера социалистов Грумбаха и их последователей, продолжение политики уступок Германии способствовало бы усилению позиции германских сторонников «сближения» с Францией и обеспечило бы полное «франко-германское примирение»².

За призывами к «франко-германскому сближению» скрывались расчеты французских реакционеров на заинтересованность части германской буржуазии, связанной с европейскими картелями (стальным, калийным, рельсовым и т. п.), в соглашении с французским финансовым капиталом, на ненависть германских империалистов к Советскому Союзу, на вдохновляемое Ватиканом объединение французских и германских католических организаций в «крестовом походе» на Восток, на страх всей немецкой буржуазии перед усилением революционной борьбы германского рабочего класса и ростом числа

¹ «Temps», 19. V. 1930.

² «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés. 1929, p. 3055, 3056, 2642.

голосов, поданных за коммунистов. Об этих расчетах откровенно сообщил с трибуны палаты депутатов один из лидеров католической «народно-демократической партии» — Пезе. Утверждая, что для Европы самая большая «опасность, которую надо ликвидировать любой ценой и как можно скорее», — это коммунизм, он выразил уверенность, что «Германия нас поймет и выступит в крестовый поход мира»¹. Таковы были козыри Бриана и его единомышленников в их антинациональной игре с возрождавшимся германским милитаризмом, оскаленную пасть которого прикрывала маска миролюбия Штреземана. Поскольку «франко-германское примирение» мыслилось инициаторами этой политики в рамках «объединения Европы», активизация попыток создания франко-германского антисоветского блока сопровождалась усилением кампании «панъевропейской» пропаганды.

Выдвижению империалистических планов «объединения Европы» в 1929—1930 гг. способствовало в это время усиление в капиталистическом мире, переживавшем экономический кризис, интервенционистской тенденции в отношении Советского государства, успешно строившего социализм.

Укрепление Советского Союза и ранее вызывало тревогу в империалистических кругах. Так, Куденгове-Калерги еще в ноябре 1928 г., рисуя «опасность» дальнейшего укрепления Советского государства, в одной из статей призывал Европу «понять опасность, грозящую с Востока, и сплотиться».

В 1929 г. советский народ, руководимый Коммунистической партией, одержал крупные успехи в выполнении первого пятилетнего плана. Пророчества буржуазной печати насчет краха пятилетки оказались несостоятельными. В этом же году произошел скачок в темпах коллективизации сельского хозяйства. Успехи социалистического строительства в Советском Союзе, имевшие место одновременно с развитием экономического кризиса и обострением противоречий в капиталистическом мире, усиливали ненависть империалистов всех стран к СССР, разжигали их стремление разрешить свои противоречия за счет Советского Союза.

¹ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés. 1930, p. 3315—3320.

Усиление вражды к Советскому государству в капиталистическом мире выразилось, в частности, в том, что антисоветские клеветнические кампании, сопровождавшиеся призывами к агрессии против СССР, приняли огромный размах.

Свое выступление клеветники начали с басни о «преследовании религии» в СССР. 2 февраля 1930 г. папа Пий XI обратился к кардиналу Базилио Помпильи с письмом, где говорилось, что он потрясен «ужасными и святотатственными злодеяниями против бога и души», якобы происходившими в СССР. Папа призвал капиталистические государства к разрыву дипломатических отношений с СССР и назначил на 19 марта специальные антисоветские молебствия во всех католических церквях. Хотя интервью главы православной церкви представителям иностранных газет 18 февраля показало всю бессмысленность и необоснованность этих вымыслов, клевету о «преследованиях религии в России» подхватила реакционная печать.

Проведение коллективизации в СССР нашло отражение в клеветнической кампании по поводу «угнетения» и «бегства крестьян из России». Предлогом буржуазным пропагандистам послужил тот факт, что из Советского Союза уехало несколько сот немецких и шведских кулаков, которым оказалась не по душе коллективизация. Вокруг этих кулаков реакционная пресса подняла шумиху, направленную против Советского Союза.

Новой разновидностью антисоветской пропаганды явилась кампания против советского экспорта. Клеветники объявили «причиной» усиливающегося экономического кризиса вымышленный ими советский «демпинг» товаров, якобы изготовленных в результате применения «принудительного труда». На VI съезде Советов, в марте 1931 г., говорилось о нелепости подобных утверждений. Там подчеркивался тот факт, что в мировом экспорте Россия в 1913 г. составляла около 3,5%, в то время как в 1930 г. удельный вес Советского Союза в мировом экспорте составлял 1,9%.

В антисоветской кампании за яростными воплями реакционной печати следовали провокационные и дискриминационные действия официальных представителей капиталистических государств. За оправданием

со ссылкой на «политические мотивы преступления» белогвардейцев, занимавшихся изготовлением фальшивых советских денег в Берлине в январе — феврале 1930 г., следует удовлетворение судом ряда необоснованных претензий разных темных личностей во Франции; за разрывом в январе 1930 г. правительством Мексики, подстрекаемым Соединенными Штатами, дипломатических отношений с СССР в апреле 1930 г. последовала попытка взорвать здание советского посольства в Варшаве при благосклонном попустительстве польских властей.

Участились правительственные дискриминационные меры в отношении советского экспорта: ограничение ввоза советских спичек в США, Германию, советской нефти — в Польшу, льна — в Бельгию и т. д.

Осенью 1929 г. империалисты США, Англии и Франции сделали попытку выявить степень прочности Советского государства, проверить боеспособность Советской Армии, отношение широких кругов населения к возможности войны. С этой целью на Дальнем Востоке был спровоцирован вооруженный конфликт между Советским Союзом и белокитайскими милитаристами, захватившими КВЖД. Вооруженные силы Советского Союза дали сокрушительный отпор агрессивному вторжению на советскую территорию зарвавшихся белокитайских авантюристов, а советская дипломатия решительно отвергла попытки западных держав помешать окончательному урегулированию конфликта на КВЖД.

После маньчжурского конфликта в реакционной буржуазной печати получили широкое распространение клеветнические вымыслы о наличии «угрозы» вооруженного нападения СССР на его соседей и необходимости солидарности капиталистических государств в целях защиты их «цивилизации». В этой связи раздавались и призывы к объединению в «европейскую федерацию». Так, французский журнал «Ревю де дё монд», разглашая об «опасности большевизма», призывал: «В момент, когда г-н Бриан ищет разумную основу федеративной организации Европы, вот объект, достойный его размышления, так как федерация народов европейской цивилизации образуется только перед лицом опасности, которую нужно устранить, или врага, которого

надо победить»¹. Осенью 1929 г. и в феврале 1930 г. Куденгове-Калерги совершил турне по Европе, проповедуя это объединение.

Подлинный смысл «панъевропейской» инициативы Бриана в значительной мере определялся также особенностями международного и внутреннего положения Франции в 1929—1930 гг.

Из всех крупных капиталистических стран Франция дольше всего оставалась незатронутой мировым экономическим кризисом, развертывавшимся неравномерно, несмотря на его всеобщий характер. Во Франции продолжался рост промышленного производства даже в середине 1930 г., когда кризис уже охватил главную страну капитализма — США и отбросил ее к уровню промышленного производства 1927 г., когда Англия и Германия уже вступили в начальную фазу кризиса, когда кризис свирепствовал в Италии и Японии.

Более позднее вступление Франции в полосу экономического кризиса объясняется некоторыми особенностями развития ее экономики после первой мировой войны. Важнейшей из них был процесс восстановления на новой технической базе экономики промышленных районов, разрушенных во время войны. До 1931 г. это создавало относительно обеспеченный внутренний рынок для французской промышленности, особенно для металлургии, машиностроения и строительной промышленности. Крупные масштабы строительства стимулировались государственными субсидиями промышленникам, часть этих субсидий покрывалась германскими репарационными платежами. Благодаря особенностям развития французской экономики в этот период Франция имела определенные преимущества в отношении ее империалистических конкурентов, быстрее ослабевавших в ходе экономического кризиса. Эти преимущества сказывались, например, в области финансов. В 1929—1931 гг. французские краткосрочные капиталовложения и займы за границей составляли от 40 до 45 млрд. франков; 65% этих сумм находилось в Соединенных Штатах, 25% — в Англии, 10% — в других странах, особенно в Германии. Это обстоятельство имело для Франции большое политическое значение. Предоставляя или обещая

¹ «Revue des deux mondes», 1. V. 1930, p. 238—239.

кредиты различным капиталистическим странам, которые испытывали гораздо большие экономические и финансовые затруднения, чем Франция, изымая или сохраняя краткосрочные капиталовложения в Америке или в Англии, французский империализм мог оказывать на эти страны давление и в политических вопросах. Финансовое давление Франция оказывала чаще всего на Великобританию, которая в связи с кризисом испытывала весьма серьезные финансовые затруднения.

Относительное усиление международных позиций Франции в конце 1929—1930 гг., временно создавая возможность активизации ее внешней политики, способствовало росту агрессивности французского империализма. Французские империалисты рассчитывали использовать особенности экономического положения Франции в конце 1929—1930 гг. в целях усиления экспансии в Европе. Об этом свидетельствуют заявления многих видных представителей французских правящих кругов. Так, идеолог реакционнейших групп французской буржуазии премьер-министр Тардьё в одной из своих речей в палате депутатов заявил, что, «если Франция, сильная своим финансовым и экономическим положением, не возглавит реорганизацию и модернизацию Европы, она не выполнит своей миссии»¹.

Однако отсутствие во Франции экономического кризиса в конце 1929 — первой половине 1930 г. не исключало одновременного обострения проблемы рынков для французского империализма, обострения всех его противоречий.

Послевоенная индустриализация Франции и строительные работы, производившиеся за счет ограбления и разорения трудящихся Франции, не создавали действительно устойчивого внутреннего рынка для французской промышленности. Более высокие цены во Франции — а по мере развития экономического кризиса в 1930 г. разница между ценами на внутреннем французском рынке и мировыми ценами все увеличивалась — неблагоприятно влияли на конкурентоспособность французских товаров. Большинство отраслей французской промышленности отставало от промышленности стран —

¹ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés. 1930, p. 3389, 3390.

конкурентов Франции (прежде всего США и Германии) по степени концентрации и по своему техническому уровню. Воздвижение новых и новых таможенных барьеров, демпинг и тому подобные меры, к которым прибегал французский империализм, разумеется, не могли разрешить проблемы рынков сбыта. Таможенная война, которую вели между собой Франция и США, причинила огромные убытки прежде всего экспортным отраслям французской промышленности (текстильной, предметов роскоши, автомобильной и т. д.). Американские монополии, штурмуя европейские рынки, пользовались услугами «троянского коня» в виде американских и контролируемых американцами фирм в европейских странах, в частности во Франции. С другим крупным своим конкурентом — Германией Франция была связана торговым договором 1927 г., препятствовавшим применению чрезвычайных мер в отношении германского экспорта. Отказ от этого договора шел бы вразрез со всей «локарнской» политикой Франции. Ограничение иностранного экспорта во Францию вело к дальнейшему обострению империалистических противоречий, применению ответных мер конкурентами Франции, к вытеснению французских товаров с внешних рынков.

Усиление иностранной конкуренции и постепенное снижение темпов развития промышленности вызывали возрастающую тревогу французских промышленников за свои прибыли. В погоне за наивысшими прибылями финансовый капитал Франции все настойчивее стремился открыть «новые» рынки сбыта и источники сырья.

В связи с мировым экономическим кризисом крайне обострялась и другая жизненно важная для французского ростовщического империализма проблема — проблема вывоза капитала.

Стремление французских монополий обеспечить свои максимальные прибыли путем наступления на жизненный уровень трудящихся Франции и колоний вело к дальнейшему обострению классовых противоречий во Франции и росту революционного движения в колониях. Количество стачечников во Франции в 1929 г. увеличилось вдвое по сравнению с 1928 г., в начале 1930 г. отмечается дальнейшее нарастание стачечного движения. Спротивление трудящихся колоний грабежу французского империализма получило грандиозный размах.

В Индо-Китае вспыхнуло восстание, которое переросло в партизанскую войну и привело к возникновению Советов на севере страны.

Пытаясь сломить растущую революционную активность рабочего класса, французская реакция обрушила град репрессий против его передового отряда — Коммунистической партии Франции. «Крестовый поход» против рабочего движения во Франции сопровождался яростной антисоветской клеветнической кампанией, воплями о том, что коммунисты являются «агентами иностранных организаций», о чем Тардьё официально заявил в палате депутатов. Правительственные партии — «Альянс демократик» и «Республиканская федерация» — провозгласили необходимость выдвижения на первый план борьбы против социализма. Правительство Тардьё всячески поощряло антисоветскую вакханалию, декларируя устами министра колоний Франсуа Пьетри «объединение цивилизованных народов против большевистской угрозы».

Ненависть французских империалистов к Советскому Союзу — оплоту революционного движения во всем мире — еще больше разжигалась страхом за свои прибыли в колониях, особенно в Индо-Китае, куда только за 1925—1930 гг. было вложено 2335,5 млн. франков французских инвестиций. Передовая журнала «Ревю де дё Монд» наиболее ярко выразила сущность этих опасений: «Мы уже владеем в СССР некоторым числом миллиардов, некогда одолженных царскому правительству. Как следует подумав, может быть, надо считать несвоевременным присоединить к ним суммы, которые мы вкладывали в течение полувека в наш Индо-Китай». Далее журнал утверждал, что, поскольку «забота о нашем национальном существовании запрещает нам допустить, чтобы Азия полностью большевизировалась», необходимо пойти на «любые жертвы» во имя борьбы против СССР¹.

Во французском парламенте многие буржуазные депутаты требовали от правительства активных выступлений против Советского Союза. Характерно в этом отношении выступление депутата Утрэ, который говорил: «Тардьё нам обещал бороться с коммунизмом, но декла-

¹ «Revue des deux mondes», 15. V. 1930, p. 263,

раций недостаточно... Если сегодня вы решили защищать нашу прекрасную колонию, вы должны принять в отношении Москвы соответствующие меры»¹.

Антисоветский пыл французских реакционеров подогревался также обострением социальных противоречий в тех странах Европы, которые находились в экономической и политической зависимости от Франции. Капиталистические Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия были связаны военными союзами с Францией и опутаны паутиной кабальных займов. Французские монополии занимали господствующее положение в ряде важнейших отраслей промышленности стран Восточной Европы. Они, например, контролировали военную промышленность Румынии, Польши, Чехословакии, извлекая колоссальные прибыли из гонки вооружений в государствах Восточной Европы. Трудящиеся этих стран страдали от двойного гнета — иностранных и местных эксплуататоров, усугубляемого феодальными пережитками и хроническим аграрным кризисом. Бесправие и нищета народных масс порождали рост революционного движения в Польше, в Румынии и в других странах Восточной Европы.

Французская реакционная печать все чаще и чаще испытывала страх перед перспективой новой революции на востоке Европы и призывала «не допустить» там «экономических и социальных беспорядков»². В этом же духе открыто высказывался ряд государственных деятелей Франции, в частности французский министр торговли Фланден. Говоря о «печальном экономическом и социальном положении» и «материальном и моральном унижении» стран Восточной Европы, Фланден отмечал возможность их «подлинной большевизации»³.

Активизация антисоветских происков французского империализма стимулировалась также его стремлением захватить советские рынки. Так, заместитель министра по делам национальной экономики, ставленник «Комитэ де форж» Франсуа — Понсэ усматривал причину экономического кризиса в том, что «необъятные рынки, некогда открытые — Китай, Россия, закрыты». Французские

¹ «Temps», 8. VI. 1930.

² «Europe Nouvelle», 14. VI. 1930, p. 884.

³ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés, 1930, p. 3319.

реакционные круги объявили «захват рынков эффективным средством» возрождения страдающей от кризиса Европы. «Европа 1930 г. является лишь остатком Европы 1914 г... Русская революция отрезала от нашего континентального сообщества почти половину его пространства и уменьшила таким образом его способность к возрождению»¹, — заявил 18 мая 1930 г. премьер Франции Тардье.

Французские реакционеры стремились занять ведущее место в империалистических кругах Европы. Для этого они принимали все более активное участие во всех антисоветских вылазках международного империализма и использовали в своих экспансионистских целях тенденцию в капиталистическом мире к интервенции против СССР.

Еще в 1928 г. французский генеральный штаб разработал план военного нападения на Советский Союз. Эту антисоветскую агрессию предполагалось начать силами восточноевропейских союзников Франции — буржуазно-помещичьих Польши и Румынии при участии белогвардейских отрядов под командованием генерала Лукомского и при поддержке английского флота. На следующем этапе антисоветской интервенции планировалось ввести в действие французскую и германскую армии.

Готовя нападение на СССР, французская реакция стремилась использовать в своих целях остатки контрреволюции внутри Советского Союза: буржуазных специалистов, объединенных в «промпартию», меньшевистскую заговорщицкую организацию «Союзное бюро», эсеровско-кулацкую группу Кондратьева — Чайнова. Учитывалась также подрывная антисоветская деятельность замаскировавшихся троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов. Крупнейшая из этих антисоветских группировок — «промышленная партия» была непосредственно связана с французской разведкой, а также с английскими монополистическими кругами и получала от них помощь и инструкции.

Начало интервенции планировалось на лето 1930 г. Однако после «пробы сил» в Маньчжурии французские реакционные круги убедились в опасности антисовет-

¹ «Temps», 19. V. 1930.

ских военных авантюр и в необходимости тщательной подготовки к нападению на Советский Союз. Представители французской разведки в Москве, фигурировавшие впоследствии на процессе «промпартии» под инициалами Р. и К., сообщили в конце 1929 г. руководителям контрреволюционеров-заговорщиков, что в связи с событиями на КВЖД срок интервенции может быть перенесен даже на 1931 г.

После маньчжурских событий агрессивные круги Франции усилили военную подготовку антисоветского выступления, особенно в пограничных с Советским Союзом странах Восточной Европы. Бурным темпом строились стратегические железнодорожные линии, военные гавани, новые ряды укреплений, военные мосты. Координировались планы антисоветских операций вооруженных сил восточноевропейских государств. Остатки контрреволюционных белогвардейских армий Колчака, Деникина, Врангеля, постоянно финансирувавшихся французскими монополистами, сохранялись в боевой готовности, чтобы использовать их в качестве составной части интервенционистских армий против СССР. Франция оказывала самое активное содействие вооружению пограничных с СССР государств, предоставляя им займы, снаряжение и т. д.

Активная подготовка интервенции происходила в Польше. Польская милитаристская правящая клика Пилсудского видела выход из экономического кризиса, перераставшего в Польше в кризис политический, в дальнейшей милитаризации и фашизации страны и в войне против СССР. Разгон сейма и упразднение даже видимости демократических свобод, кровавые расправы с украинскими и белорусскими повстанцами, сопровождавшиеся истреблением целых деревень, преследования коммунистов — такова была обстановка фашистского террора в Польше в 1930 г. Делая ставку на антисоветскую войну, клика Пилсудского с помощью французских займов и под руководством французского генерала Лозанна усиленно вооружалась. Орган польского военного министерства «Польска збройна» и другие газеты вели разнузданную кампанию за захват Советской Украины и Советской Белоруссии.

Подготовка к войне велась и в Румынии. В марте 1930 г. началась частичная мобилизация румынской

армии. Командующий бессарабским корпусом румынской армии генерал Драгу в это время заявил о возможности начала военных действий против СССР. В июне 1930 г. руководивший реорганизацией румынской армии французский генерал Гуро сообщил представителям печати, что румынская армия должна быть готова к наступательным действиям. Одновременно французская реакционная пресса подняла шумиху о «советской угрозе» Румынии.

Активную деятельность французские империалисты развили и в Прибалтике. За посещениями французскими офицерами прибалтийских портов последовали бесконечные паломничества латвийских, финляндских и эстонских генералов в Варшаву, антисоветские демонстрации в этих странах, обсуждение печатью этих стран проблемы «обороны» Балтийского моря.

В мае 1930 г. французские реакционные круги приняли дальнейшие шаги к форсированию военной подготовки и расширению круга участников интервенции. На секретном заседании, состоявшемся 10 мая 1930 г. во французском военном министерстве под председательством генерала Гуро и в присутствии представителей Польши, Румынии и белогвардейцев, был подвергнут самому тщательному обсуждению вопрос о возможности и своевременности антисоветской интервенции. К плану антисоветской войны, существовавшему ранее, была добавлена еще одна деталь: Франция изъявила готовность перебросить на польско-румынский военный театр три французских корпуса¹.

В тот же самый период, когда французский генеральный штаб подготавливал агрессию против Советского Союза, в канцелярии французского министерства иностранных дел разрабатывался проект «объединения Европы», который Бриан должен был представить правительствам европейских государств в соответствии с решением представителей этих государств в сентябре 1929 г. В конце апреля 1930 г. этот проект был уже готов; Бриан ожидал лишь благоприятного момента для его опубликования.

В мае 1930 г. французские реакционные круги предприняли новую попытку сговора с германскими

¹ См. «Правда», 7 декабря 1930 г.

империалистами. Ареной переговоров был избран II конгресс «Панъевропейского союза», собравшийся 17 мая 1930 г. в Берлине. Францию там представляли Лушер, уполномоченный министерства торговли Серриус и профессор Бартеlemi, Англию — Эмери, Германию — министр иностранных дел Курциус. В переговорах с Лушером участвовал и рейхсканцлер Брюнинг.

Лушер настойчиво призывал к «объединению Европы». Франция и Германия, сказал Лушер, должны совместно возглавить это объединительное движение, продолжив попытки «организации экономики Европы» путем создания новых картелей. Говоря об углублении экономического кризиса и росте безработицы в Европе, он указывал, как на одну из причин этого, на «закрытие» русского рынка. По утверждению самого Лушера, Брюнинг и Курциус благоприятно отнеслись к излагавшимся им планам.

Пытаясь купить участие Германии в «панъевропейском» блоке, французское правительство Тардые 17 мая, после вступления в действие «плана Юнга», отдало приказ о досрочной эвакуации третьей зоны Рейнской области. Французская реакционная печать всех оттенков хором провозглашала окончательное урегулирование всех спорных вопросов между Францией и Германией.

В середине мая, когда велись франко-германские переговоры, антисоветская кампания во всем мире достигла степени крайнего ожесточения. Этот момент обострения вражды к Советскому Союзу во всем капиталистическом мире показался французским империалистам подходящим для выступления с проектом «пан-Европы». 17 мая 1930 г. французское правительство разослало правительствам капиталистических стран Европы меморандум об организации «Европейского федерального союза».

2. Реакционная сущность проекта «Европейского федерального союза»

Меморандум об организации режима «Европейского федерального союза», разосланный французским правительством европейским государствам 17 мая 1930 г., является важнейшим документом в истории попыток «объединения Европы» между первой и второй миро-

выми войнами. Этот документ фактически подводит итог деятельности идеологов «панъевропейского движения» за предыдущее десятилетие. В нем отражены наиболее характерные черты «панъевропейских» проектов того периода. Сам Бриан в одном из выступлений в парламенте подчеркивал, что над проектом «европейской федерации» он совместно с группой государственных деятелей работал более двух лет¹. Не случайно некоторые современные «теоретики» «европейской интеграции», обращаясь в поисках аргументации к истории, приводят проект Бриана как классический план обеспечения безопасности и экономического процветания Европы².

Буржуазные ученые и публицисты, дающие такую оценку содержания меморандума, не бросают и тени сомнения на искренность миротворческих призывов Бриана, игнорируя по вполне понятным причинам подлинный смысл пацифистских фраз, в которые были облечены его предложения. Между тем сущность проекта «Европейского федерального союза» оказывается совершенно иной, если при его рассмотрении принимать во внимание международные события, о которых речь шла выше.

Меморандум об организации «Европейского федерального союза» был опубликован в печати, так как правительство Тардые — Бриана рассчитывало привлечь симпатии общественного мнения капиталистических стран к своему предложению³. Он представлял собой документ, состоявший из преамбулы, четырех разделов и заключения.

В преамбуле Бриан обосновывал свое предложение ссылками на «опасность, угрожающую европейскому миру как с точки зрения политической, так и с точки зрения экономической и социальной ввиду того состояния несогласованности, в котором продолжает находиться общая экономика Европы». Применяя обычную аргументацию идеологов «объединения Европы», он объяснял создавшееся положение «отсутствием связанности, которое имеется в области группировки материальных и моральных сил Европы». «Раздробленность»

¹ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Sénat, 1929, p. 972.

² *Olivier Philip*, Le problème de l'Union Européenne, Paris 1950, p. 149.

³ «Temps», 19. V. 1930.

Европы, говорилось в меморандуме, является наиболее серьезным препятствием на пути обеспечения мира и безопасности; она «не менее тяжело отзывается в Европе на возможности расширения хозяйственных рынков, на попытках интенсификации и улучшения промышленного производства и тем самым на всех гарантиях против кризисов на рынке труда, являющихся источником отсутствия как политического, так и социального равновесия».

Таким образом, проект Бриана выдавался за средство обеспечения мира, борьбы с экономическим кризисом и безработицей, сглаживания социальных противоречий и предотвращения революций.

«Время никогда не было более благоприятным для создания в Европе коллективной организации и более настойчиво требующим этого создания,— утверждалось в меморандуме.— Разрешение главных проблем, материально и морально вытекающих из последней войны, скоро освободит новую Европу от того, что наиболее тяжело отягощало ее психологию, равно как и ее экономику. Она, по-видимому, отныне уже готова для продолжительного усилия, отвечающего новому порядку. Это решающий час, когда внимательно прислушивающаяся Европа может сама распорядиться своей собственной судьбой. Объединиться для того, чтобы жить и процветать,— такова суровая необходимость, перед которой отныне находятся нации Европы». Обращаясь с этим призывом к европейским капиталистическим правительствам и к буржуазному общественному мнению, Бриан, предвосхищая методы современных апологетов «европейской интеграции», рекламировал «объединение Европы» как гарантию от недугов европейского капитализма. Однако никакие перемещения географических границ не могли устранить коренных пороков капиталистического способа производства. Декларировавшиеся Брианом цели были неосуществимы.

В отличие от современных планов «наднационального» «объединения Европы», проект Бриана отрицал открытое посягательство на суверенитет европейских государств. Уже в преамбуле проекта «Европейского федерального союза» подчеркивалось, что «ни в коем случае и ни в коей мере создание предполагаемых федеральных уз между европейскими правительствами

не может затронуть в чем бы то ни было ни одного из суверенных прав государств, являющихся членами подобной фактической организации». Разумеется, декларирование «абсолютной суверенности» предполагаемых участников «объединения» отнюдь не гарантировало подлинного уважения их суверенитета.

Проекты создания «интернационального правительства, независимого от национальных правительств», пропагандировались и в то время. В роли усердных поборников этих планов выступали некоторые правые лидеры социалистов, например Блюм. Но в период между первой и второй мировыми войнами европейские империалисты еще не настолько ослабели, чтобы отказаться выступать в защиту своих интересов под национальным флагом. Общий кризис капитализма тогда еще не достиг той стадии, когда европейская буржуазия стала искать спасения капиталистических порядков в помощи более сильного империализма. Предложение о «наднациональном» «объединении Европы» было бы наверняка отвергнуто европейскими правительствами. Этим и объясняется указанная особенность плана Бриана по сравнению с современными проектами такого рода.

Замкнутый региональный характер проектируемого «федерального союза» мотивировался в меморандуме тем, что «некоторые вопросы интересуют только одну Европу». В отношении этих вопросов, говорилось в меморандуме, «европейские государства могут ощущать необходимость надлежащей акции... поскольку в отношении их они обладают исключительной компетенцией, вытекающей из их этнических связей и общности уровня их цивилизации». Однако на самом деле под Европой в меморандуме подразумевались только капиталистические государства Европы, которые противопоставлялись, таким образом, крупнейшей европейской стране — Советскому Союзу. Следовательно, речь шла о создании замкнутой группировки части европейских государств.

Недвусмысленно намекая на неспособность Лиги наций разрешить стоявшие перед европейскими странами проблемы, составители проекта указывали на необходимость самостоятельной, отличной от Лиги европейской организации. Эта мысль пронизывает весь документ, хотя в нем и содержатся многочисленные завере-

ния в том, что «Европейский федеральный союз» не может быть противопоставлен Лиге и должен действовать в ее рамках и под ее контролем.

Заверения французских инициаторов «объединения Европы» в лояльности в отношении Лиги наций вызваны той настороженностью, с которой отнеслись в секретариате Лиги к «панъевропейскому движению» с момента его возникновения. В Лиге наций преобладало английское влияние. Генеральный секретарь Лиги сэр Эрик Друммонд, выражая интересы английского империализма, опасался, что «европейская федерация» может быть противопоставлена ее организаторами Англии. Поэтому французское правительство стремилось ослабить оппозицию проекту «федерального союза» со стороны английских правящих кругов и предотвратить обвинения в намерениях ослабить авторитет Лиги наций.

Подобные же цели преследовало содержащееся в преамбуле заявление о том, что «европейская организация, которая имеется в виду, не может быть противопоставлена ни одной этнической группировке на других материках или в самой Европе вне Лиги наций». С одной стороны, оно было данью пацифистской фразеологии, весьма распространенной в буржуазной дипломатии и рассчитанной на обман общественного мнения. С другой стороны, оно предназначалось для усыпления бдительности правящих кругов Соединенных Штатов, а также тех европейских правительств, которые не пожелали бы участвовать в любой антиамериканской группировке. Еще ранее, осенью 1929 г., Бриан декларировал «готовность работать над созданием «европейской федерации» при условии, что она не будет направлена против Америки и что Англия не останется в стороне». Однако в меморандуме неоднократно подчеркивалось в то же время, что «федеральный союз» должен быть организацией «европейских государств — членов Лиги наций», объединенных «общностью цивилизации», и действовать в духе «локарнских соглашений, открывших путь к истинной политике европейского сотрудничества». Этого было вполне достаточно, чтобы дать понять европейским правительствам, что упомянутое заявление не могло иметь в виду Советский Союз.

Об антисоветской направленности проектируемого объединения говорили, в частности, положения первого

раздела меморандума. Определяя в весьма расплывчатых выражениях общие контуры «европейского союза» как «сообщества европейских народов», «связанных некоторой единообразной политикой», и подчеркивая, что «расширение этого принципиального пакта до пределов более разработанной хартии» является делом будущего, составители меморандума указывали, что участие в европейском пакте должно быть ограничено европейскими государствами — членами Лиги наций. Следовательно, «европейское сообщество» проектировалось без участия крупнейшей европейской страны — СССР, а в условиях международной обстановки того времени оно определенно означало создание враждебного Советскому Союзу блока, противопоставление одной части Европы другой.

Исключение страны социализма из состава предполагаемых участников «объединения Европы» мотивировалось в меморандуме стремлением «лучше подчеркнуть подчинение европейской ассоциации Лиге наций». Однако уже в следующем, втором разделе документа, в котором говорится о создании «надлежащего механизма для обеспечения за европейским союзом органов, необходимых для выполнения его задачи», раскрывается лицемерие этой мотивировки. Органы «Европейского федерального союза» — «европейская конференция», «политическая комиссия» и секретариат — по своей структуре и задачам фактически дублировали органы Лиги наций — ассамблею, совет и секретариат, т. е. речь шла о создании независимой от Лиги организации.

Таким образом, французские составители проекта стремились противопоставить организации государств, в которой преобладало английское влияние, более узкую группировку европейских стран, с помощью которой французские империалисты могли бы успешнее противостоять своим английским конкурентам.

Согласно проекту, «европейская конференция» в составе представителей всех европейских правительств — членов Лиги наций должна была стать «представительным» и «главным направляющим органом европейского союза». Полномочия этой конференции, порядок организации ее президиума и созыва ее очередных или чрезвычайных сессий подлежали уточнению участниками «европейского союза».

При конференции предполагалось создать исполнительный орган под названием «постоянной политической комиссии», образованной из нескольких членов «европейской конференции». Одна из задач этой комиссии сводилась к разработке программы «европейского сотрудничества» путем «изучения политических, экономических, социальных и иных вопросов, особенно затрагивающих европейское сообщество и еще не обсужденных Лигой наций». После принятия общей программы европейского сотрудничества изучение и детальную разработку некоторых ее разделов предполагалось поручить специальным техническим комитетам, обеспечив условия, необходимые для того, чтобы работа экспертов всегда оставалась под контролем и непосредственным воздействием комиссии. Для этой цели председательствование в технических комитетах должно было быть поручено в каждом отдельном случае одному из государственных деятелей Европы, избранному из состава либо вне состава «европейской политической комиссии».

В целях обеспечения выполнения инструкций председателя «европейской конференции» или «политической комиссии», связи между правительствами стран — участниц союза и т. д. предполагалось создать секретариат.

Несмотря на многочисленные ссылки на необходимость тесной связи «Европейского федерального союза» с Лигой наций, вполне очевидно, что он замышлялся не только как независимая от Лиги, но даже противопоставленная ей организация. В случае если бы Англия пожелала участвовать в этой организации, она была бы лишена поддержки доминионов и многих зависимых стран и не могла бы пользоваться в ней таким влиянием, как в Лиге наций. Франция, опиравшаяся на свою военную и финансовую мощь и систему союзов с малыми государствами Европы, могла бы играть в «европейском союзе» ведущую роль.

Стремление французских империалистических кругов сделать «европейский союз» своим орудием еще более проявлялось в изложении в третьем разделе общих принципов, которые предполагалось положить в основу разработки его развернутой программы.

Как главный принцип «объединения Европы» провозглашалась «общая подчиненность экономической программы политической», т. е. решение экономических

вопросов (речь шла о создании таможенного союза и т. д.) ставилось в зависимость от решения вопросов политических. «Обратный порядок,— говорилось в меморандуме,— был бы не только тщетным, но он казался бы наиболее слабым для наций фактором, могущим подвергнуть их без гарантии и без компенсации риску политического господства, могущего проистекать из промышленного господства наиболее сильно организованных государств».

Выдвигая этот принцип, составители проекта «европейского союза» руководствовались, конечно, не заботой о «слабых нациях». Франция, пытавшаяся оградить свой внутренний рынок от иностранной конкуренции высокими таможенными барьерами, была менее всего заинтересована в «либерализации» таможенной политики. Французский империализм стремился к укреплению распадавшейся версальской системы, к сохранению на европейском континенте версальского статус-кво. Именно потому в меморандуме предлагалось, чтобы «европейский союз» в своей деятельности руководствовался «общей линией», предусматривавшей «постоянное распространение на все европейское сообщество политики международных гарантий, начатой в Локарно».

Таким образом, французский меморандум ставил предварительным условием экономического «объединения Европы», от которого выиграли бы прежде всего германские конкуренты французских монополий, создание политического блока европейских государств.

После «установления режима постоянной и тесной ассоциации мира между европейскими народами», говорилось в меморандуме, могла бы быть произведена «разумная организация производства и обмена в европейском масштабе путем постепенного освобождения и методического упрощения оборотов товаров, капиталов и рабочей силы». Конечной целью экономического «объединения Европы» объявлялось «создание общего рынка для поднятия до максимальных пределов уровня человеческого благополучия на всех без исключения территориях европейского сообщества». В качестве первых шагов к осуществлению этой призрачной цели в четвертом разделе меморандума намечалась разработка ряда технических мероприятий, в числе которых указывались регулирование деятельности международных

картелей и изучение «будущих возможностей» в области постепенного понижения тарифов.

Однако сами составители этой программы экономического «объединения Европы», во многом похожей на современные проекты создания «общего рынка», не верили в возможность ее осуществления. История предшествовавшего десятилетия, на протяжении которого много раз предпринимались попытки «либерализации таможенной политики», убедительно свидетельствовала о тщетности всех усилий такого рода. Этот факт вынуждена была, в частности, констатировать десятая ассамблея Лиги наций, в сентябре 1929 г. Бриан, по свидетельству Куденгове-Калерги, считал возможным использовать исключительно политический аспект «объединения Европы»¹. Предложения об экономическом «объединении Европы», якобы могущем избавить народы от бедствий экономического кризиса, предназначались явно для маскировки основной цели французского империализма — создать политический блок европейских государств под руководством Франции.

В заключении меморандума подчеркивалось, что французское правительство изложило свои предложения в самой общей форме «не потому, что в своих пожеланиях оно думает ограничить возможность будущего развития федеральной организации в Европе, а потому, что при современном положении вещей в Европе и для увеличения шансов на достижение единодушного согласия в отношении первого конкретного предложения, могущего примирить различные интересы и любые отдельные возможные ситуации, представляется существенным ограничиться в качестве начальных данных очень простыми точками зрения». Иными словами, реакционное правительство Тардье — Бриана предлагало правительствам других капиталистических государств Европы начать торг об условиях их участия в предлагавшемся антисоветском блоке под главенством Франции. Оно выражало также пожелание получить ответ до 15 июля.

Меморандум Бриана вызвал оживленные отклики во французской печати. Большая часть представителей реакционной прессы приветствовала его, рекламируя как оче-

¹ R. Coudenhove-Kalergi, *Crusade for Pan Europe*, N. Y. 1943, p. 121—122.

редную «мирную инициативу» в «духе Локарно». Впрочем, в некоторых органах буржуазной печати проскальзывали также и намеки на подлинные цели этого маневра французской дипломатии. Так, консервативный журнал «Ревю политик э парламентэр» писал, что французское предложение, «учитывая некоторые ораторские предосторожности и устраняя некоторые покровы», сводится в сущности к тому, чтобы создать «европейский блок», противопоставленный Советскому Союзу, а также Соединенным Штатам и Англии¹.

Однако еще тогда во французских газетах высказывалось беспокойство в связи с возможным последствием объединения Франции в блоке с усиливающейся Германией. Некоторые представители французской общественности отмечали, что германские милитаристы видят в Соединенных Штатах Европы средство установления «прусской гегемонии». «История договоров, рассматриваемых как клочок бумаги, не способствует осуществлению этого плана», — писал о создании «пан-Европы» депутат парламента Анри Мишель, намекая на неоднократное нарушение Германией заключавшихся ею договоров. Даже воинствующий реакционер Раймон Пуанкарэ, указывая на реваншистские устремления Германии и Италии, подчеркивал в своей статье о меморандуме Бриана, что «не следует увлекаться нашими собственными желаниями в такой степени, чтобы принимать их за реальность». У многих вызывали скептическое отношение планы создания «европейской армии», вынашивавшиеся французскими реакционерами.

Критическое отношение некоторой части правящих кругов Франции вызывали и планы противодействия американской экспансии в Европе путем создания европейских картелей. Тесные связи американских и германских монополий были уже известны во Франции. После того как в 1928 г. было заключено между французской и германской химическими монополиями соглашение о разделе рынков, один из представителей правительства США заявил на конференции химической промышленности, созванной министром торговли Гувером, что это соглашение не может нанести ущерба Соединенным Штатам. Вскоре «Дюпон», «Дженерал моторс», «Стандард ойл» установили

¹ «Revue politique et parlementaire» № 429, 10. VIII. 1930.

теснейшую связь с «ИГ Фарбениндустри». Этот факт получил огласку и вызвал бурную реакцию во французских правящих кругах. Характерна в этом отношении речь радикала Маргэна в палате депутатов 28 декабря 1929 г. «...Соединенные Штаты предоставляют Германии капиталы, необходимые для реконструкции ее производственного оборудования,— говорил Маргэн.— Именно эта помощь позволила Германии реконструировать некоторые гигантские предприятия, такие, как «ИГ Фарбениндустри» и «Ферейнигте штальверке». Приведя примеры объединения интересов американских и германских монополий, Маргэн указывал на возрастающее влияние американского финансового капитала, выступавшего в поддержку Германии, на решение политических вопросов в Европе. «Правительство Соединенных Штатов,— продолжал Маргэн,— не желает ничего знать о распрях народов Европы между собой. Но, когда немцы были выгнаны поляками из Верхней Силезии, именно американцы заменили их там, чтобы представлять их интересы... Германия, поддерживаемая всем американским общественным мнением, чувствует себя все более и более сильной. Если Франция не будет настороже, она вскоре очутится перед лицом германо-американского блока»¹.

Более того, американский капитал через посредство германских монополий занимал командные позиции в некоторых европейских картелях, как например в европейском электроконцерне «Софина», которым управлял американец Хайнеман.

Неодобрительное отношение некоторых органов лево-буржуазной печати вызвала антисоветская направленность проекта Бриана, его стремление противопоставить Советскому Союзу другие европейские государства. «Как бы то ни было, у России имеются... бесспорные европейские интересы, и, по нашему мнению, было бы тягчайшей ошибкой создавать против нее союз европейских народов»²,— писала еще в период подготовки проекта Бриана газета «Эр нувель».

Реакционная, агрессивная сущность проекта Бриана разоблачалась на страницах коммунистической печати Франции. «Европейский союз Бриана—это антисовет-

¹ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés, 1929, p. 4781—4782.

² «Ere Nouvelle», 15. X. 1929.

ский блок, это основа войны против СССР»¹, — так охарактеризовал проект Бриана центральный орган Французской коммунистической партии газета «Юманите».

* *
*

Реакционная сущность планов «объединения Европы» ярко проявилась при выдвижении наиболее значительного из них — проекта «пан-Европы», который приводится современными идеологами «европейской интеграции» как классический пример, подтверждающий их «теории».

План организации режима «Европейского федерального союза», или, как его стали сокращенно называть, план «пан-Европы», был выдвинут в момент вступления капиталистического мира в полосу небывалого по силе экономического кризиса. С развитием кризиса резко обострились все противоречия капиталистической системы и активизировались попытки империалистов разрешить эти противоречия за счет Советского государства, успешно строившего социализм. В этой связи в ряде капиталистических стран усилилась тенденция к агрессии против СССР. Выразителями этой тенденции были и реакционные круги Франции — инициаторы плана «пан-Европы».

Выдвижение проекта «Европейского федерального союза» явилось очередным этапом в «локарнской» политике французских империалистов, направленной на создание агрессивного блока капиталистических государств Европы с участием возрождавшегося германского милитаризма и под главенством Франции. В этих целях французские реакционеры пытались использовать временное и относительное усиление позиций Франции по сравнению с ее империалистическими конкурентами и антисоветскую тенденцию в правящих кругах других капиталистических государств. Следовательно, план «пан-Европы» был орудием агрессивной политики империалистов в отношении первого социалистического государства, орудием порабощения народов Европы монополиями Франции и ее империалистических партнеров.

¹ «Humanité», 22. V. 1930.

ГЛАВА III

**ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕРЖАВАМИ
В ВОПРОСЕ «ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ»**

**1. Германский милитаризм против французской
«пан-Европы»**

Призыв французской реакции к созданию агрессивного «панъевропейского» блока был обращен прежде всего к Германии. Однако реакция германской печати отнюдь не свидетельствовала о том, что это выступление, сделанное с расчетом на использование благоприятного момента — вывода французских войск из Рейнской области, имело успех среди германского общественного мнения.

Газета католической партии, к которой принадлежал глава правительства Брюнинг, «Германия» в статье, подписанной лидером партии Каасом, подчеркивала, что в «окончании оккупации нет ничего сенсационного. В жесте Франции нет ничего великодушного. Это только неизбежный результат соглашения, за которое Германия очень дорого заплатила». Газета указывала, что «франко-германское сотрудничество» возможно только на началах полного «равенства в правах» с Францией, т. е. отмены ряда статей Версальского договора... Следует отметить, что возглавлял эту газету Франц фон Папен, который был тогда одним из самых активных «панъевропейцев», участвовал в антисоветских переговорах в Берлине в 1929 г. и был тесно связан с франко-германскими картелями.

Недовольство ярко выраженным в меморандуме Бриана стремлением к упрочению версальского «статус-кво» проявляла вся германская буржуазная пресса, от ультранационалистических «Таг» и «Крейццейтунг» до

органа демократической партии, выступавшей за франко-германское сотрудничество, «Франкфуртер цейтунг». ««Пан-Европа» немыслима без полного равноправия Германии», «Саар должен быть также немедленно эвакуирован» — таковы были отклики германской печати на декрет французского правительства 17 мая 1930 г.

Следовательно, с самого начала обсуждения французского меморандума на страницах германской буржуазной печати проявилась вся острота франко-германских противоречий. Эти противоречия французские империалисты стремились разрешить за счет СССР, используя усиление антисоветской интервенционистской тенденции, которая в тот период в Германии проявлялась очень сильно. Тем не менее большинство германской буржуазии — и это отразилось в откликах германской печати на меморандум Бриана — отнеслось к нему сдержанно. В антисоветских планах «пан-Европы» германский империализм не мог ограничиться ролью младшего партнера, которую ему пыталась навязать Франция. Это подчеркивал, например, один из идеологов германского реваншизма — генерал фон Сект в своей книге «Германия между Западом и Востоком», написанной в последние годы Веймарской республики¹. Такой союз был неприемлем для Германии. Германские монополисты вынашивали планы создания «объединенной Европы» под германским главенством.

Идея создания «германской Европы» занимала видное место в идеологическом арсенале германского империализма с конца XIX в. Еще во времена Вильгельма II Юлиус фон Эккардт, Генрих Класс, фон Бернгарди и другие пангерманские «теоретики» разработали проекты таможенного и политического «объединения» ряда европейских стран под главенством Германии, которое должно было обеспечивать ей «жизненное пространство». Подразделяя народы на «великие» и «малые», якобы неспособные организовать государства, они отводили немцам роль «высшей расы», призванной господствовать над другими народами. Свои призывы к образованию германской «Европы» идеологи германского империализма мотивировали ссылками на необходимость «спасения» европейской «цивилизации» от славян.

¹ *Seckt, Deutschland zwischen West und Ost*, Hamburg 1940, S. 30—31.

Лозунг создания «срединной Европы» широко использовался правящими кругами кайзеровской Германии в период первой мировой войны. В 1915 г. была опубликована книга Ф. Науманна «Срединная Европа», в которой проповедовалось экономическое и политическое объединение всех «среднеевропейских элементов» в единый государственный организм с одним правительством и общим войском. Автор этой книги пытался доказать, что последствием создания «среднеевропейского» таможенного союза будет экономическое «процветание» участвующих в нем стран, а их политическое объединение обеспечит Центральной Европе мир и безопасность. Некоторые социал-оппортунисты в Германии и Австрии даже объявляли, что создание «срединной Европы» означало бы осуществление «идеалов социализма». Таким образом, лозунг «объединения Европы» служил не только в целях маскировки агрессивных замыслов германских милитаристов, но и в целях социального обмана немецких трудящихся.

Поражение Германии в первой мировой войне помешало осуществлению экспансионистских планов германских империалистов. Однако эти планы не были преданы забвению. Уже после Версальского мира возникла организация «Союз немцев, живущих за границей», которая вела в 24 европейских государствах пропаганду в пользу создания «срединной Европы». В 1927 г. в нее входили 2489 местных организаций зарубежных немцев.

Кроме того, существовал еще ряд пропагандистских организаций германского империализма, ратовавших за «объединение Европы» во главе с Германией. К их числу принадлежала основанная в 1929 г. фон Папенем и графом Кайзерлингом «Ассоциация поддержки западной культуры». В 1930—1931 гг. развернула свою деятельность «пангерманская ассоциация» с программой «возрождения немецкого самосознания, поддержки германства за рубежом и оказания содействия энергичному представительству немецких интересов в Европе и за морями», реваншистская организация германского империализма, строившая далеко идущие планы германской экспансии.

Особый упор пропаганда пангерманистов делала на аргументацию в пользу аншлюсса, пытаясь доказать, что ядром германского государства, объединяющего всех нем-

цев Европы, должно быть слияние Германии и Австрии. В 1927 г. пангерманисты выпустили сборник «Проблема аншлюсса», в котором имелась карта под названием «Национальная немецкая земля в прошлом и настоящем». Карта изображала германскую «срединную Европу», включающую Германию, Австрию, большую половину Чехословакии, южную Польшу, Познань, Данцигский коридор, итальянский Тироль, две трети Швейцарии, всю Голландию, почти половину Бельгии, часть Южной Венгрии, Западной Румынии и Северной Италии.

С течением времени аппетиты германского империализма возрастали. Об их размахе можно судить также по заявлению руководителя «ИГ Фарбениндустри» Дуисберга перед германскими промышленниками в 1931 г.: «Ограниченность национальной экономической территории должна быть компенсирована межнациональными территориями... Для окончательного разрешения европейской проблемы... должен быть создан тесный экономический блок от Бордо до Одессы, являющийся станovým хребтом Европы». В устах Дуисберга, одного из активных участников «панъевропейского движения», это заявление звучало как германское «кредо» «пан-Европы».

Готовясь к реваншистской войне, германские милитаристы производили тайное перевооружение рейхсвера. За четыре года — с 1924 по 1928 г. — военные расходы Германии увеличились на 48%, с 1929/30 по 1930/31 бюджетный год — в период тяжелого кризиса экономики и финансов страны — только ее официальные военные расходы увеличились на 5%. В 1930 г. в рейхсвере и во всякого рода полувоенных формированиях (полиции и т. п.) насчитывалось 374 тыс. обученных военному делу людей.

Переговоры с Францией об «объединении Европы» использовались германскими правящими кругами для того, чтобы выторговать ряд уступок, облегчающих воссоздание германского военно-промышленного потенциала. Когда Бриан послал в начале июня в Берлин своего доверенного эмиссара журналиста Зауэрвейна для выяснения германской позиции в отношении французского меморандума, Брюнинг заявил ему, что Германия не может участвовать в организации, ставящей целью еще гуже затянуть цепи, ее связывающие. Брюнинг также отметил, что имеются еще не разрешенные «послевоенные вопросы», подлежащие обсуждению, намекая тем самым

на притязания Германии в вопросе о Сааре, о колониях и т. д.

В ответ на это Франция в конце июня прервала начатые в ноябре 1929 г. франко-германские переговоры о Сааре. Председатель французской делегации Перно, связанный с группой де Ванделей, отказался от предлагавшегося Германией компромисса по вопросу о возвращении Саарской области Германии. Тогда же, в июне 1930 г., после окончания эвакуации французских войск из Рейнской области, там имели место воинственные анти-французские демонстрации. Таким образом, к тому времени, когда германское правительство готовило ответ на французский меморандум, происходило дальнейшее обострение франко-германских противоречий.

При определении своей позиции в отношении меморандума Бриана германское правительство не могло не учитывать отношения к французскому проекту Англии и Соединенных Штатов, на поддержку которых опирался восстанавливавшийся ими против СССР германский милитаризм. Поэтому германские правящие круги, выступая против стремления Франции к гегемонии в Европе, стремились заручиться поддержкой Англии и США.

Германское правительство немедленно начало дипломатический зондаж в Англии, пытаясь согласовать свою тактику в отношении французского меморандума с британской тактикой; английская санкция германской тактики была тем более необходима, что именно на английскую официальную поддержку опирался германский империализм в борьбе за «равноправие» в Лиге наций.

27 мая 1930 г. Брюнинг в беседе с английским послом в Берлине Румбольдом сообщил, что, поскольку меморандум Бриана исходит из признания восточных границ Германии окончательными, ни одно германское правительство не может с ним согласиться¹.

На другой день статс-секретарь министерства иностранных дел Шуберт спросил Румбольда относительно участия Англии в проектировавшемся объединении. 13 июня Шуберт снова осведомлялся у Румбольда о британской точке зрения на меморандум Бриана и о предполагаемом ответе Англии на него. Шуберт указал, что в предложении Бриана интерес для Германии представляет

¹ Documents on British Foreign Policy, Second Series, v. 1, p. 324

лишь экономический аспект. Тогда же Шуберт попытался выяснить английскую точку зрения на отношения между проектировавшимся объединением и Советским Союзом. И Брюнинг и Шуберт в беседах с Румбольдом намекали на намерение Германии согласовать ее ответ на французский меморандум с ответом Англии¹. Хотя в британских документах по внешней политике, касающихся переговоров о «пан-Европе», английские советы Германии не изложены, можно с уверенностью утверждать, что германскому правительству стало известно о намерении Англии уклониться от поддержки проекта «европейской федерации», тем более что о необходимости этого трубили все английские газеты.

Определенный отпечаток на германский ответ Франции наложили и отрицательные отзывы о политическом аспекте меморандума Бриана в американской печати².

Германская позиция в отношении плана «пан-Европы» во многом зависела от состояния советско-германских отношений в этот период, поскольку этот план был рассчитан на использование французскими империалистическими кругами противоречий между Советским государством и германским капитализмом. Между тем с середины 1930 г. в отношениях СССР и Германии наступил известный благоприятный перелом. В этом огромная заслуга миролюбивой внешней политики Советского Союза, активно выступавшего за мирное сосуществование и сотрудничество со всеми странами.

Проводя свою миролюбивую политику, Советский Союз учитывал особую заинтересованность Германии в поддержании нормальных экономических отношений с СССР. В условиях свирепствовавшего мирового экономического кризиса и сокращения германского экспорта в страны Западной Европы, вступившие на путь сверхпротекционизма, Советский Союз был самым крупным импортером германской промышленной продукции. Германский экспорт в СССР непрерывно увеличивался. Если в 1929 г. германский экспорт в Голландию, Францию и Англию составлял 3595,8 млн. рейхсмарок, то в 1932 г. он упал до 1561,8 млн. рейхсмарок. Экспорт в СССР за это время вырос с 353,9 млн. марок до 625,8 млн. рейхсмарок,

¹ Documents on British Foreign Policy, Second Series, v. 1, p. 326, 334

² См. далее, раздел 4.

причем главным образом за счет промышленных товаров. Из общего германского экспорта машин в 1930 г. в 200 млн. рейхсмарок на долю СССР приходилось 43 млн. марок. В 1931 г. Советский Союз покупал в Германии 25% германской продукции автомобилей и машинных частей, 50% станков и других товаров. За время с 1930 по 1932 г. советские закупки машин в Германии возросли на 327,9%.

Советский Союз, являясь крупнейшим покупателем продукции важнейших отраслей германской промышленности (электромеханической, машиностроительной), проводил политику укрепления деловых и экономических отношений с Германией и неуклонно выполнял свои обязательства. Поэтому, несмотря на свою ненависть к Советскому Союзу, германское правительство, как об этом пишет в своих мемуарах министр иностранных дел Германии в 1929—1931 гг. Курциус, вынуждено было поддерживать нормальные экономические отношения с СССР¹.

Советский Союз активно использовал эту заинтересованность Германии. Разоблачая антисоветские происки поджигателей советско-германского конфликта, советская печать неоднократно указывала на то, что потворство германских властей антисоветской кампании может отрицательно повлиять на отношения между Германией и СССР. Когда берлинский суд вынес оправдательный приговор фабрикантам фальшивых червонцев, газета «Известия» в передовой статье подчеркивала, что этот приговор затрагивает принципиальный вопрос о дальнейшем развитии советско-германских отношений. «Мы в праве поставить наш вопрос перед лицом всего общественного мнения Германии и добиваться его ответа в целом,— писала газета.— Думает ли оно, думают ли ответственные руководители германской политики, что этот приговор, признающий, что на территории Германии по отношению к СССР «все позволено», может остаться без влияния на политические и экономические отношения СССР с Германией? Думают ли они, что рапалльский договор налагает обязательства только на СССР и оставляет свободными от обязательств Гер-

¹ *Curtius, Julius, Sechs Jahre Minister der deutschen Republik, Heidelberg 1948, S. 157.*

манию, германское общественное мнение и германский суд, а если не думают, то чем они это докажут? Нужны действия, а не только слова»¹. Германская прокуратура вынуждена была опротестовать этот приговор, суд состоялся снова, и фальшивомонетчики были осуждены.

В 1930 г. правительство Брюнинга пошло на переговоры с Советским Союзом об урегулировании взаимных претензий. В ходе переговоров, имевших место в мае—июне в Берлине и в Москве, был удовлетворительно разрешен ряд политических вопросов, требовавших выяснения. Как указывалось в опубликованном 14 июня 1930 г. совместном советско-германском коммюнике, оба правительства «снова пришли к заключению, что принципиальное различие обеих государственных систем не должно явиться препятствием к дальнейшему плодотворному развитию их дружественных отношений. При этом оба правительства исходят из того, что должно воздерживаться от всяких попыток активного влияния на внутренние дела другой страны»².

Оставшиеся неразрешенными вопросы были переданы на рассмотрение согласительной комиссии, созданной в соответствии с соглашением от 25 января 1929 г. в Москве³. Работам этой комиссии правящие круги Германии придавали большое значение. 13 июня 1930 г. германская полуофициозная газета «Фоссише цейтунг» указывала, что в советско-германских переговорах обе стороны констатировали необходимость далеко идущего политического соглашения. Центром тяжести переговоров является обсуждение экономических вопросов. По мнению газеты, результаты экономических переговоров в Москве должны были зависеть от создания полной ясности в советско-германских отношениях в целом. Газета отмечала, что в политических переговорах известную роль будет играть вопрос о «пан-Европе» в связи с меморандумом Бриана. О большой заинтересованности германской стороны в успехе этих переговоров свидетельствовало беспокойство в германских хозяйственных кругах, вызванное расширением торговых отношений СССР с Соединенными Штатами и Англией.

¹ «Известия», 9 февраля 1930 г.

² «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 432.

³ См. там же, стр. 290—292.

16 июня 1930 г. советско-германская согласительная комиссия начала свою работу.

Советский Союз сделал все нужное для достижения нормальных отношений с Германией. Германский министр иностранных дел Курциус, выступая в рейхстаге 26 июня, заявил о ликвидации «недоразумения» между СССР и Германией в ходе советско-германских переговоров. «В течение переговоров,— заявил Курциус,— мы имели случай убедиться, что советское правительство, так же, как и мы, желает осуществить выраженные в нашем совместном сообщении стремления»¹. Германский посол в Москве в 1928—1933 гг. фон Дирксен писал в своих мемуарах, что в ходе московских переговоров германские члены согласительной комиссии (доверенное лицо Брюнинга фон Раумер и др.) убедились в огромных «возможностях», которые создает для германской экономики начавшаяся индустриализация целой части света².

Открытие заседаний советско-германской согласительной комиссии в Москве вызвало взрыв негодования в германской и французской реакционной печати, которая тщетно призывала правительство Германии отказаться от соглашения с СССР, угрожая последствиями «большевистской пропаганды».

Советская политика мирного сосуществования и сотрудничества со всеми странами на основе равноправия и уважения суверенитета обусловила бесплодность этих призывов. Следуя этой политике, народный комиссар иностранных дел послал 3 июля 1930 г. на имя германского министра иностранных дел Курциуса телеграмму по случаю очищения к 30 июня Рейнской области от французских войск. «От имени правительства Союза прошу вас, г. министр, принять и передать Германскому правительству поздравление по случаю окончания режима оккупации иностранными войсками части германской территории и восстановления суверенитета германского народа. Правительство Союза, протестовавшее 13 января 1923 г. перед всем миром против оккупации германской территории, с особым удовлетворением

¹ «Правда», 27 июня 1930 г.

² *Dirksen, Herbert*, Moskau, Tokio, London. *Erinerungen und Betrachtungen zu Jahren deutscher Aussenpolitik 1919—1939*, Stuttgart 1949, S. 103.

отмечает восстановление прав германского народа в Рейнской области¹.

8 июля закончила свою работу первая сессия советско-германской согласительной комиссии. В своем отчете комиссия отмечала, что большая часть рассматриваемых вопросов была решена в ходе работ комиссии. Кроме того, «многие экономические вопросы принципиального характера были тщательно обсуждены, и правительствам было рекомендовано приступить к специальным переговорам в этой области»². Комиссия наметила пути для дальнейшей разработки проблем советско-германских отношений.

11 июля Бриан получил официальный ответ германского правительства на свой меморандум.

В этом ответе, носившем уклончивый и неопределенный характер, Германия соглашалась в принципе принять участие в разрешении проблемы «европейской федерации». Затем следовали всякого рода оговорки и ссылки на необходимость урегулирования неудовлетворительного политического положения в Европе путем установления «всеобщего равенства» в проектировавшейся организации и подчинения ее контролю Лиги наций. Германия требовала невмешательства правительств в деятельность международных картелей, снижения таможенных тарифов и предоставления полной инициативы частным предпринимателям. Наконец, она предлагала привлечь к работам организации Советский Союз и Турцию³.

Эти оговорки означали фактический отказ от признания основного тезиса Бриана — о создании политической организации европейских капиталистических государств на основе версальского статус-кво, практически независимой от Лиги и направленной против Советского Союза. Решение политических проблем сводилось к пересмотру Версальского договора; подчинение «пан-Европы» контролю Лиги наций усилило бы ее зависимость от Англии, игравшей преобладающую роль в Лиге, и умаляло бы тем самым роль Франции в этой организации; оговорки экономического характера явно были направлены на то,

¹ См. «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 432.

² «Международная политика в 1930 году», М. 1932, НКВД, стр. 232.

³ «Europe Nouvelle», 27. IX. 1930, p. 1388—1389.

чтобы облегчить борьбу германских монополий за рынки, способствовать укреплению их позиций в Европе.

Таким образом, французскому предложению об образовании антисоветского блока и стремлению разрешить франко-германские противоречия за счет СССР Германия противопоставила требование уничтожения версальской системы. Выдвигая лозунг «полного равноправия» участников «пан-Европы», германские милитаристы стремились прежде всего ликвидировать военные статьи Версальского договора. Они мечтали о создании германской «пан-Европы» и для достижения этой цели готовились к реваншистской войне. Антисоветская направленность проекта Бриана, сколь она ни была соблазнительна для германских монополистов, не могла служить громоотводом в непрерывно обострявшемся франко-германском конфликте. К тому же наиболее дальновидная часть германских правящих кругов сознавала рост экономической и военной мощи СССР и значение нормальных деловых отношений с Советским государством. Все это привело к тому, что в Германии тенденция сохранения мирных деловых отношений с Советским Союзом взяла верх над тенденцией нападения на СССР.

2. Англия и планы «объединения Европы»

Позиция, занятая Великобританией в отношении французского проекта «пан-Европы», определялась прежде всего уже тем, что он был в известной мере направлен против английского влияния в Европе. К тому же Англия в то время вообще выступала против самой идеи «объединения Европы» в том виде, в котором ее пропагандировали заправилы «панъевропейского союза», связанные с франко-германскими европейскими картелями.

Английская официальная точка зрения на экономический аспект планов «объединения Европы» стала известна сразу же после выдвижения этого проекта Брианом в сентябре 1929 г. Она нашла наиболее полное отражение в меморандуме начальника экономического отдела Лиги наций Артура Салтера, озаглавленном «Идея Соединенных Штатов Европы»¹. Говоря об усилении

¹ League of Nations. «Official Journal». Special supplement № 77, Geneva 1929, p. 86—93.

американской экспансии в Европе, Салтер указывал, что она породила во Франции, Германии, Испании, Чехословакии и в других европейских странах настроения не только «общественного мнения», но и «официальных кругов» в пользу того, что обычно называют Соединенными Штатами Европы. Отношение английских правящих кругов к американской экспансии в Европе Салтер выразил следующим образом: «Американское продвижение, возможно, действительно ущемляет некоторые специальные отрасли промышленности, особенно такие, которые являются наиболее видными в Европе, как автомобильная промышленность. Но это не уменьшает европейского процветания... Вложение американских капиталов в Европе имеет много преимуществ, и опасности сильно преувеличены». Поэтому Салтер высказался против какого-либо «объединения Европы» против США и утверждал, что «каждая европейская страна конкурирует главным образом не с Америкой, а с другими европейскими странами».

Европа не была одной из главных арен англо-американского империалистического соперничества. Американские капиталовложения в Европе, главным образом в Германии, содействуя стабилизации европейского капитализма (меморандум был составлен в период «вползания» Европы в полосу экономического кризиса), были в глазах английских империалистов средством борьбы с революционной «опасностью» в Европе, переживавшей новый подъем рабочего движения. И с этой точки зрения не в интересах британского империализма было выступать против американской экспансии.

Стоявшее у власти лейбористское правительство было в определенной степени связано своей предвыборной демагогической программой сокращения вооружений; оно было также заинтересовано в достижении соглашения с Соединенными Штатами об ограничении морских вооружений, которое позволило бы несколько улучшить затруднительное положение английских финансов. Этими соображениями, как и стремлением нажать политический капитал на пацифистской демагогии, объяснялась поездка Макдональда в Вашингтон в октябре 1929 г. для переговоров с Гувером. Поэтому открытое выступление в каком-либо антиамериканском объединении не было в стиле «пацифистской» политики правительства лейбористов.

Существовала и другая группа факторов, также определявших отрицательное отношение Англии к экономическому аспекту «европейской федерации», о которых меморандум Салтера в части, касающейся путей к улучшению европейского экономического сотрудничества гласил: «Необходимо разъяснить, что целью является не поощрение картелей или монополий, но обеспечение равных возможностей».

Великобритания не участвовала в ряде европейских картелей, которые по замыслу прожектеров «пан-Европы» должны были создать ей экономическую основу. В стальной картель, принимавшийся в данном отношении за образец, построенный на принципе объединения соответствующей отрасли промышленности в каждой стране, Англия не вошла, поскольку централизация английской металлургической промышленности к 1929 г. еще значительно отставала от централизации французской и германской промышленности. Но Англия не участвовала (в 1929—1930 гг.) даже в таких картелях, как континентальный картель красителей, в который входили «ИГ Фарбен», французские химические концерны «Кюльман» и «Сосьетэ де Матьер Колорант де Сен-Дени» и несколько швейцарских фирм. Английский химический концерн «Империал Кемикл Индастрис», монополизировавший данную область производства в Англии, предпочитал оставаться вне европейского картеля и конкурировать с ним. Установление господства франко-германских картелей на европейском континенте создало бы серьезную угрозу интересам английского финансового капитала.

Усиление протекционизма других европейских государств при относительном отставании от них Великобритании, имевшей низкие таможенные тарифы, обусловило выступление Великобритании в роли глашатая «таможенного перемирия», т. е. международного соглашения о прекращении роста тарифов на определенное время. «Снижение тарифов», или «таможенное перемирие» на два года — таково было единственное практическое решение проблемы «экономического сотрудничества» европейских стран, по мнению Салтера. Это предложение было выдвинуто министром внешней торговли Грэхомом в Лиге наций в сентябре 1929 г.

Английские интересы в вопросе о таможенном ре-

жиме были совершенно противоположны французским интересам, отраженным в проекте Бриана. Франция, тогда еще не охваченная кризисом, имела более емкий внутренний рынок и была заинтересована более, чем какая-либо другая страна, в сохранении его для французской промышленности путем непрерывного роста тарифов. Поэтому французские империалисты еще осенью 1929 г. выдвинули и противопоставили английскому предложению свое контрпредложение, якобы дополнявшее английское: созыв экономической конференции из представителей правительств, с тем чтобы эта конференция в отличие от экономической конференции 1927 г., где государства были представлены экспертами, могла решить вопросы «организации Европы». Выдвинувший это предложение Лушер заявил, что оно должно связать воедино и английское предложение, и идею создания «федеральных уз» в области экономики, высказанную тогда Брианом.

Таким образом, английскому предложению «равных возможностей» было противопоставлено французское предложение о разделе рынков европейскими, т. е. франко-германскими картелями. Декларации же французских представителей в Лиге наций о готовности Франции «обсуждать» вопрос о таможенном перемирии оставались лишь декларациями, скрывавшими коренное расхождение интересов Англии и Франции в данном вопросе. Наконец, в английских правящих кругах в то время усиливалась тенденция к созданию замкнутого экономического объединения стран Британской империи, противопоставленного всем их конкурентам. Следовательно, интересы английского империализма были враждебны идее экономического «объединения Европы» в ее французском понимании.

Правда, в Англии имелись немногочисленные сторонники создания тесного политического блока капиталистических государств Европы. В их число входили консерваторы Л. Эмери и У. Черчилль. Они выступали за организацию совместной борьбы европейских капиталистических государств против национально-освободительного движения в колониях, против Советского Союза и международного рабочего движения, а также против посягательств со стороны США на колониальные владения европейских держав. На этих английских «пань-

европейцев» французские реакционеры возлагали определенные надежды. Так, французский министр колоний Пьетри и один из лидеров партии «Республиканская федерация» — Теттэнже проектировали в 1930 г. создать «союз народов, подвергающихся большевистской пропаганде». В число непременных участников этого «союза» они включали и Англию. Теттэнже прямо указывал, что таким образом можно будет вовлечь Англию в антисоветский «крестовый поход». Однако английские сторонники «объединения Европы» вкладывали в это понятие иной смысл, чем их французские партнеры: они полагали, что в «объединение» должны входить и другие страны британской империи, а возглавлять его будет Англия. Вполне понятно, им не могло импонировать ярко выраженное в меморандуме Бриана стремление французского империализма к установлению своего политического господства над европейским континентом.

Вся английская печать встретила появление меморандума Бриана враждебно. Консервативная «Обсервер» в редакционной статье 25 мая прямо указывала на намерение Бриана «офранцузить» Европу. Либеральная «Манчестер гардиан» восстала против «пан-Европы» как попытки создать новые препятствия международной торговле, оградив таможенным барьером европейский рынок. Лейбористская «Дейли геральд» прямо провозглашала невозможность «объединения Европы», поскольку такая попытка рассматривалась бы европейскими государствами как стремление установить гегемонию Франции. Официозная «Таймс» указывала на связь Англии с доминионами и на невозможность для нее расширить свои обязательства за пределами британской империи. А английский «панъевропеец» консерватор Эмери заявил на «панъевропейском» конгрессе в Берлине 18 мая 1930 г., что «мы не можем принадлежать одновременно к «пан-Европе» и к «пан-Британии»».

Позиция английского правительства в отношении плана «пан-Европы» ясно выражена в ряде опубликованных теперь документов.

В памятной записке Форейн-оффис от 30 мая, предназначенной для служебного пользования¹, специальное

¹ Documents on British Foreign Policy, Second Series, v. 1, p. 326—333.

внимание уделялось стремлению Бриана к упрочению версальской системы и к созданию в Европе фактически независимой от Лиги наций организации. В ней подчеркивалось, что для Германии, Италии и других европейских государств может быть привлекательным лишь «экономический аспект европейской организации» — борьба против «неевропейской и в особенности американской конкуренции».

В этом документе была изложена программа действий Великобритании в отношении проекта Бриана: 1. Великобритания должна дать осторожный ответ на меморандум Бриана, выразив симпатию к самой идее «европейского сотрудничества». Отвергать предложения Бриана не следует, так как, во-первых, это могут сделать Германия и Италия, во-вторых, это может обострить англо-французские отношения. 2. Великобритания должна максимально использовать французское предложение в целях достижения «практических результатов» в отношении снижения тарифов и таможенного перемирия. 3. Великобритания должна обеспечить подчинение проектировавшейся Брианом организации Лиги наций и ведение всех ее работ в рамках Лиги наций (где преобладало английское влияние.— *В. К.*). 4. Великобритания должна стремиться, чтобы «европейская организация» не была направлена против США и не содействовала бы ослаблению связей Англии с доминионами¹.

Таким образом, этот документ излагал общую установку политики лейбористского правительства в отношении «пан-Европы»: демонстративно одобрить саму идею «пан-Европы» в ее пацифистской оболочке, подчинить эту организацию английскому контролю, помешать французской попытке установления гегемонии в Европе. Хотя по вполне понятным причинам опубликованные английские документы ничего не говорят об отношении Англии к антисоветской направленности проекта Бриана, было совершенно очевидно, что в той международной обстановке английское правительство сочувственно относилось ко всяким антисоветским акциям, не направленным одновременно против интересов английского империализма.

¹ Documents on British Foreign Policy, Second Series, v. 1 p. 329—331.

Однако некоторые изменения, происшедшие в отношениях Англии с Советским Союзом в 1929 г., затрудили участие Англии в каких-либо открытых антисоветских выступлениях. Пришедшая летом 1929 г. к власти лейбористская партия своей победой на выборах в значительной степени была обязана лозунгу немедленного восстановления дипломатических отношений с СССР, разорванных консерваторами в 1927 г. Восстановление дипломатических отношений определялось давлением ряда экономических и политических факторов, которые сыграли большую роль и в последующем ходе развития советско-английских отношений. Одним из них была заинтересованность английской буржуазии в советском рынке, которая увеличивалась по мере нарастания экономического кризиса.

Отсутствие нормальных дипломатических отношений Великобритании с Советским Союзом ухудшило возможности английского экспорта в СССР: он резко сократился¹. В начале 1929 г. среди английских промышленников усиливаются требования наладить нормальные торговые отношения с нашей страной. Делегация английских промышленников, посетившая Советский Союз в апреле 1929 г., убедилась в огромных возможностях роста английского экспорта в СССР в связи с проведением программы первой пятилетки. В то же время им было дано понять с советской стороны, что только восстановление нормальных дипломатических отношений создаст соответствующую правовую базу для расширения английского экспорта в СССР². После возвращения этой делегации в Англию лозунг восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом приобрел определенную популярность даже в кругах английской буржуазии.

Когда были восстановлены дипломатические отношения с СССР, английский экспорт в нашу страну возрос за год почти на 55%. В тот же период английский экспорт в целом упал более чем на 20%. Это явилось мощным стимулом для английских правящих кругов в пользу поддержания мирных отношений с СССР. Хотя

¹ Если в 1925—1926 гг. Советский Союз закупил в Англии товаров на 20 205 тыс. ф. ст., то в 1927—1928 гг. — лишь на 5816 тыс. ф. ст.

² См. «Внешняя политика СССР», т III, стр. 299.

английский парламент и часть английской прессы являлись ареной непрекращающихся враждебных СССР выступлений, преимущественно политиков из консервативной партии, всякий раз, когда ставился вопрос о разрыве отношений с Советским Союзом, парламентское большинство решительно выступало против этого разрыва. Боязнь потерять советский рынок брала верх над враждебным отношением к СССР. «Если бы нам пришлось отозвать нашего посла, мы потеряли бы также и наше влияние в России»¹, — заявлял английский премьер-министр Макдональд в ответ на требование консерваторов о разрыве отношений с Советским Союзом.

На позицию английского правительства, отражавшую заинтересованность английских промышленников в торговле с Советским Союзом, большое влияние оказывали противоречия в этой области между Англией, с одной стороны, США и Германией — с другой. Эти противоречия использовались Советским Союзом в его внешне-торговой политике при распределении заказов между странами. Об их значении красноречиво говорит дискуссия, развернувшаяся в парламенте 5 февраля 1930 г. Лейбористка Вилкинсон, выступая в палате общин в разгар антисоветской кампании «крестового похода», указывала, что ухудшение отношений с Советским Союзом неминуемо скажется на английском экспорте. В 1927 г. экспорт в СССР резко упал, между тем германский экспорт возрос более чем на 23%. Одновременно резко возросла и американская торговля с СССР. Эту же мысль развивал лейборист Стрэчи, подчеркивая, что Германия предоставляет кредиты СССР отнюдь не из филантропических побуждений и что каждый советский заказ в этих странах наносит ущерб Англии. С такой точкой зрения был вынужден согласиться и английский министр торговли. Результатом обсуждения было принятие палатой большинством 243 голосов против 139 резолюции, требовавшей расширения английской торговли с СССР.

С требованием улучшения англо-советских отношений выступили рабочие массы Англии. С этими настроениями вынуждены были считаться даже правые лидеры

¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1930, v. 235, p. 2619.

тред-юнионов, отнюдь не руководствовавшиеся в своих действиях чувством классовой солидарности с рабочим классом. Поэтому они также высказывались за развитие советско-английских экономических отношений. Давление английского рабочего класса явилось одним из решающих факторов, побудивших лейбористское правительство подписать 16 апреля 1930 г. временное англо-советское торговое соглашение. Согласно этому соглашению обе стороны обязались соблюдать принцип наибольшего благоприятствования, во-первых, английское правительство признавало дипломатический иммунитет руководителей советского торгпредства и экстерриториальность его помещения, во-вторых. Это соглашение подводило под советско-английские экономические отношения правовую базу, что было особенно важно в период, когда во всем мире имела место дискриминация советского экспорта. Оно явилось крупной победой мирной политики Советского Союза.

Взрыв негодования реакционной прессы во всем мире свидетельствовал о том, насколько был чувствителен удар, нанесенный международной реакции заключением советско-английского договора. По сообщению одной из парижских газет, Бриан попытался в ходе переговоров с Гендерсоном в Париже 9 мая 1930 г. «предостеречь» британское правительство в отношении переговоров с СССР, т. е. оказать на него соответствующее давление. Старания Бриана оказались тщетными, так как они шли вразрез с глубочайшими экономическими интересами английского капитализма. Об этом писал английский буржуазный журнал «Экономист», возражая против нападков на возобновление советско-английских дипломатических отношений и на советско-английский договор. Журнал указывал на его огромные преимущества для английской торговли и на то, что «опыт двенадцати лет» показал, что «состояние официальных дипломатических отношений между двумя правительствами, оказывая большое положительное влияние на торговлю, не влияет на пропаганду», т. е. фактически опровергал клевету об «усилении русской коммунистической пропаганды в Англии» после восстановления дипломатических отношений с СССР¹.

¹ «Economist», 26. IV. 1930, p. 938.

Следовательно, к моменту антисоветского выступления Бриана в Англии явно преобладала тенденция к поддержанию нормальных деловых отношений с Советским Союзом, определявшаяся как особенностями народного хозяйства Англии — громадным удельным весом ее внешней торговли и особой заинтересованностью ее в советском рынке в период обострения проблемы сбыта, особенно в связи с усилением американской конкуренции,— так и стремлением трудящихся масс Англии к миру и дружбе с СССР.

Разумеется, преобладание тенденции к мирным отношениям с Советским Союзом не исключало готовности английских империалистических кругов поддержать любое антисоветское выступление. Но «объединение Европы» французским империализмом противоречило интересам английских монополий. В своих антисоветских планах они делали ставку на использование Германии как основной ударной силы для войны с Советским Союзом в будущем. Поэтому английские правящие круги отнеслись отрицательно к «панъевропейской» программе Бриана.

Английские империалистические круги противопоставляли французским попыткам создания франко-германского «панъевропейского» блока поддержку германских милитаристов, выступавших против версальской системы. В этом отношении характерно, что, когда во время переговоров с Брианом в Париже 9 мая 1930 г. английский министр иностранных дел Гендерсон был извещен Брианом о его намерении разослать меморандум о «пан-Европе», Гендерсон обусловил свое согласие на выступление Бриана обязательным выводом французских войск из Рейнской области. Бриан согласился с английским требованием. В то же время британское правительство с олимпийским спокойствием наблюдало за усиленными гайными вооружениями германского империализма¹. Красноречиво говорит за себя и молчание Румбольда в беседах с Брюнингом и Шубертом в ответ на их заявление о непризнании восточных границ Германии, что означало явное поощрение германского реваншизма.

¹ Documents on British Foreign Policy, Second Series, v. 1, p. 598—603.

В связи с этим и был составлен английский ответ на меморандум Бриана. В памятной служебной записке Форейн-оффис от 3 июля указывались оговорки, положенные в основу уклончивого английского ответа на меморандум Бриана: «...предложения Бриана представляют собой серьезную опасность для Лиги наций», и «эти предложения требуют серьезной консультации Великобритании с правительством доминионов»¹. Официальный английский ответ на меморандум Бриана, выдвигая эти оговорки, как и оговорку об «опасности и нежелательности межконтинентального соперничества», «приветствовал» французский меморандум. Англия соглашалась принять участие в дальнейшем рассмотрении проекта Бриана, но выражала сомнение в необходимости создания наряду с Лигой наций еще одной организации международного сотрудничества². Дав уклончивый ответ на меморандум Бриана, английская дипломатия исходила из того, что инициативу открытого выступления против французского проекта возьмет на себя Италия.

3. Меморандум Бриана и франко-итальянские противоречия

Отношения между Францией и Италией в 1930 г. были крайне напряженными. В основе обострения франко-итальянских противоречий лежало стремление итальянского империализма к переделу рынков сбыта, источников сырья, сфер влияния, т. е. к пересмотру версальской системы, о чем неоднократно заявляли лидеры итальянского фашизма. Ареной франко-итальянской империалистической борьбы были Средиземноморье и страны Восточной Европы, ее наиболее ярким проявлением — вопрос о паритете в морских вооружениях. На Лондонской морской конференции в январе — апреле 1930 г. отказ Франции удовлетворить требование Италии, поддержанное Соединенными Штатами и Великобританией, о предоставлении ей равенства с Францией в отношении морских вооружений привел к новому резкому обострению противоречий между этими двумя стра-

¹ Documents on British Foreign Policy, Second Series, v. 1., p. 341, 344.

² Ibidem, p. 345—348.

нами и усилению в них гонки вооружений. Этим и объясняется тот факт, что в день вручения итальянскому правительству меморандума Бриана Муссолини выступил во Флоренции с призывом немедленно начать строительство еще 24 военных кораблей, чтобы показать Франции «воинственное лицо Италии».

Несмотря на примирительный тон французской печати в отношении Италии, итальянская печать вела в то время яростную антифранцузскую кампанию. Меморандум Бриана оценивался ею как попытка Франции «получить руководство европейской политикой». Отсюда вытекало резко отрицательное отношение итальянского фашизма к проекту «пан-Европы», направленному на усиление позиций его империалистического конкурента.

Антисоветские призывы инициаторов «пан-Европы», несмотря на ненависть итальянских фашистов к социалистическому государству, не нашли поддержки у итальянского правительства. Это объяснялось большой заинтересованностью Италии в этот период в торговле с СССР. За первое полугодие 1930 г. итальянский экспорт в Советский Союз возрос на 63 % по сравнению с первым полугодием 1929 г., импорт Италии из СССР — на 61 %.

Новым мощным стимулом к развитию советско-итальянской торговли явилось повышение таможенных тарифов в США в июне 1930 г., нанесшее сильный удар итальянскому экспорту. Итальянский фашизм, в значительной степени зависевший в финансовом отношении от Соединенных Штатов, ограничивался занятием оборонительной позиции в отношении американского империализма. Сама идея создания антиамериканского фронта европейских государств осуждалась итальянской печатью. В поисках новых рынков сбыта итальянские промышленники стремились улучшить торговые отношения с СССР. Комментируя принятие нового американского тарифа, итальянская печать подчеркивала необходимость обратить «взор на необъятный, бурно развивающийся, имеющий неограниченные возможности, русский рынок. Это нужно сделать раньше, чем это сделают другие, более предприимчивые, более приспособленные и более близкие к русскому рынку. Мы обращаем внимание на то, что, в то время, как с Кэ д'Орсэ выдвигается проект «пан-Европы», Германия обсуждает с Россией вопросы дальнейшего сотрудничества».

2 августа 1930 г. было заключено советско-итальянское соглашение, по которому итальянское правительство принимало на себя гарантию долгосрочных кредитов по заказам советских государственных органов в Италии. Это торговое соглашение давало возможность увеличить советские заказы в Италии вдвое по сравнению с 1929 г.¹

Таким образом, обострение итало-американских противоречий в результате наступления американского империализма на европейские рынки имело эффект, прямо противоположный тому, на который рассчитывал французский империализм: вместо присоединения Италии к антисоветской и антиамериканской «пан-Европе» Италия предприняла шаги к укреплению деловых отношений с Советским Союзом. Мирная политика укрепления деловых связей со всеми странами, которую неуклонно проводил Советский Союз, одержала и в данном случае блестящую победу: обострение противоречий между империалистами использовалось в целях создания лучших условий для индустриализации Советской страны.

Ответ итальянского правительства на меморандум Бриана, составленный в резком тоне, требовал обеспечения «политической независимости» и «абсолютного равенства» всех европейских государств и подчеркивал необходимость подчинить проектируемый союз Лиге наций, а также пригласить к участию в разработке проекта «европейского союза» СССР и Турцию — европейские государства, не являющиеся членами Лиги наций. Итальянская нота требовала, чтобы в исполнительном органе «европейского союза» были представлены все государства Европы на началах полного равенства. Она высказывалась против системы заключения пактов безопасности по типу Локарно и требовала заменить их всеобщим разоружением в рамках Лиги наций².

Хотя Италия соглашалась участвовать в рассмотрении проекта Бриана, итальянский ответ был его фактическим отрицанием: все требования, изложенные в итальянской ноте от 4 июля, противоречили духу и букве французского меморандума. Выступление Муссолини 4 июля — в день вручения французскому правительству

¹ См. «Правда», 4 августа 1930 г.

² «Europe Nouvelle», 27. IX. 1930, p. 1383—1384.

итальянской ноты — служило комментарием итальянских оговорок: Муссолини подчеркнул, что непременным условием «умиротворения Европы» является пересмотр существующих договоров, т. е. версальской системы. Франко-итальянские империалистические противоречия, отраженные в ответе Италии на меморандум Бриана, явились серьезным препятствием стремлению французского империализма организовать антисоветский блок капиталистических государств Европы.

4. Позиция американского империализма в вопросе «объединения Европы»

Современные буржуазные исследователи истории попыток «объединения Европы» обычно даже не упоминают о позиции Соединенных Штатов в отношении плана «пан-Европы». Меморандум Бриана был вручен Соединенным Штатам «в порядке информации». Французский поверенный в делах заверил государственного секретаря Стимсона, что проект Бриана ни в какой степени не направлен против США. Поскольку правительство Гувера занимало в то время официально позицию «невмешательства» в «европейские контраверсы», о чем неоднократно заявлял государственный секретарь Стимсон, официальные франко-американские переговоры о проекте «пан-Европы» на этом закончились.

Однако лицемерное «невмешательство» официальной американской дипломатии отнюдь не означало, что американскому империализму были чужды события, связанные с выдвиганием плана «пан-Европы». К тому времени американские монополии уже опутали капиталистическую Европу золотой паутиной займов и инвестиций, так что внешняя политика многих европейских государств находилась в той или иной степени в зависимости от позиции американского империализма, стремившегося к дальнейшему порабощению европейского континента. Официозный «совет внешних сношений», в котором видную роль играли такие личности, как Аллен Даллес и Оуэн Юнг, прямо заявлял о том, что попытка «объединения Европы» затрагивала интересы США. В ежегоднике, выпускавшемся «советом», подчеркивалось, что огромные американские капиталовложения в Европе «создавали для Соединенных Штатов отношение к

любому экономическому и политическому явлению, которое могло бы повлиять на приток прибылей»¹. Отпечаток влияния американского финансового капитала лежал на ответах большинства европейских правительств на меморандум Бриана.

Официальные цели создания «европейского союза», упомянутые в меморандуме Бриана,— установление «политического, экономического и социального равновесия» в Европе, т. е. борьба с экономическим кризисом и революционным движением в Европе,— не могли вызвать возражений у американских империалистов. Углубление экономического кризиса и обострение политического положения в Европе порождали тревогу в правящих кругах США. Поэтому американская печать одобрительно отзывалась о стремлении Бриана упрочить «существующий политический и социальный порядок» и «укрепить европейскую экономику», так как это, по ее мнению, содействовало бы поступлению прибылей от американских займов и капиталовложений. «Это континент с 12 млн. безработных, с активными революционными доктринами, которые везде проповедаются и осуществляются у его двери, тратящий 6 млрд. долл. ежегодно на вооружение против его составных частей, с существующими везде тарифными барьерами...»,— писала «Нью-Йорк таймс», высказываясь в пользу «новой совместной политики» в Европе².

Экономический аспект предложения Бриана был изучен и одобрен правящими кругами США задолго до опубликования французского меморандума. О нем Куденгове-Калерги еще летом 1929 г. сообщал ряду видных американских монополистов. В сентябре 1929 г., после того как Бриан впервые изложил свое предложение в Лиге наций, помощник министра торговли США и доверенное лицо президента Гувера Клейн выступил с заявлением о планах «европейского экономического союза». Клейн заявил, что Соединенные Штаты заинтересованы в создании такого союза, поскольку он может повысить покупательную способность европейских стран. «За последний год Европа поглотила не менее чем 46,3% нашего общего экспорта»,— подчеркнул Клейн. Заявление Клейна, по сообщению нью-йоркского банкира Рамли в

¹ «Survey of American Foreign Relations», New Heaven 1930, p. 468.

² «New York Times», 10. IX. 1930.

письме к Куденгове-Калерги, отражало точку зрения правительства США¹.

Вполне понятно, что американская печать немедленно отметила и антиамериканский экономический аспект меморандума Бриана, в частности его стремление к усилению таможенной войны с Соединенными Штатами путем создания таможенного союза европейских государств. Однако большинство газет считали его неосуществимым и выражались о нем в ироническом тоне. Та же «Нью-Йорк таймс», указывая на обострение франко-итальянских противоречий, расценивала план Бриана как «привлекательную мечту», а «Ивнинг пост» называла его «преждевременным». В этом отношении проект Бриана не вызвал в Соединенных Штатах какой-либо тревоги. Во-первых, американские империалисты были уверены на основании опыта всякого рода экономических конференций европейских государств, что существующие между ними противоречия исключают возможность образования единого таможенного фронта европейских государств в отношении Соединенных Штатов. Во-вторых, американский финансовый капитал извлекал максимальные прибыли в Европе из займов и инвестиций, против которых были бессильны таможенные барьеры. Наконец, тесные связи американских и германских монополий могли быть всегда противопоставлены попыткам антиамериканских соглашений со стороны франко-германских европейских картелей, распадавшихся в ходе кризиса².

Совершенно иным было отношение американских правящих кругов к ярко выраженному в меморандуме Бриана намерению Франции использовать «пан-Европу» в целях борьбы за гегемонию в Европе, придав «объеди-

¹ Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. 1, д. 3, л. 291.

² Выступая на банкете в «Бэнкерс клуб» перед аудиторией бизнесменов Нью-Йорка 9 сентября 1930 г., Вальтер Симонс, бывший канцлер и министр иностранных дел Германии, заявил, что «панъ-европейский» план Бриана может принести американским бизнесменам только выгоду, так как Генри Форду и другим американским промышленникам на «объединенном рынке Европы» будет большой простор для деятельности. Выразив готовность содействовать в этих целях «объединению Европы», Симонс намекнул на необходимость «облегчить бремя» Германии с помощью Соединенных Штатов, а также способствовать присоединению к ней Данцига и Польского коридора.

нению Европы» прежде всего политический характер. Это стремление отмечала американская печать, указывая, что «Франция стремится придать ей («пан-Европе». — В. К.) политическую основу, что является лишь способом выражения ее желания еще более укрепить статус-кво и ее собственную европейскую гегемонию». Такое содержание «пан-Европы» противоречило американским интересам. Американский империализм в своей европейской политике делал ставку на восстановление германского милитаризма и использование его в качестве главной ударной силы для войны против крупнейшего препятствия на своем пути к мировому господству — Советского Союза.

Соединенные Штаты оказывали на Францию постоянное давление, чтобы ослабить ее военную мощь и принудить ее согласиться на ряд уступок Германии: так было на Гаагских конференциях 1929—1930 гг., так было на Лондонской морской конференции 1930 г., так было впоследствии, в 1931 г., когда Гувер объявил мораторий. Следовательно, американская политика была глубоко враждебной попыткам французского империализма превратить Германию в своего младшего партнера на основе сохранения версальского статус-кво.

Отсюда стремление американских империалистов, одобрявших официальные цели «объединения Европы», упомянутые в меморандуме, придать совершенно иной смысл проектировавшемуся соглашению капиталистических государств Европы. Американский план «объединения Европы» выдвигался на страницах буржуазной печати США, в частности известным публицистом Уолтером Липпманом. Липпман писал в июле 1930 г. в журнале «Форин аферс»: «Современное соотношение государств в Европе неустойчивое. Франция глубоко сознает тот факт, что она занимает в европейской системе место, которое является случайным, так как оно не отражает правильно ее относительной силы. Военная слабость Германии ненормальна... Я полагаю, что Франция сама изменит свою доктрину, так как европейская система, развиваясь, отклоняется от послевоенного соглашения, и что с течением времени она (Франция. — В. К.) будет искать свою безопасность не в тщетной попытке организовать коллективную силу, а в согласии на более устойчивое европейское равновесие. Я осмелюсь предположить, что

план Бриана «Соединенных Штатов Европы» является рамками для изменения французской политики»¹.

Таким образом, Липпман вполне четко излагает американскую концепцию «пан-Европы»: создание политического блока в Европе допустимо при условии изменения версальской системы мирным путем за счет французских уступок Германии и возрождения германского милитаризма как главной силы в этом блоке.

Но, выступая против стремления Франции к европейской гегемонии, американский империализм, справедливо считавшийся в различных странах оплотом всяких антисоветских тенденций, поощрял антисоветские авантюры во всех государствах, в том числе и во Франции. Поэтому контрреволюционный характер и антисоветская направленность «пан-Европы» получили одобрение на страницах американской печати и даже в заявлениях официального представителя Соединенных Штатов в Париже Уолтера Эджа².

Эта сторона планов «объединения Европы» всегда привлекала расположение американских правящих кругов. Ее не раз подчеркивал Куденгове-Калерги в ходе переговоров с Г. Гувером, Ф. Келлогом, О. Юнгом, Б. Барухом, У. Липпманом и другими видными представителями американского империализма, которые он вел во время посещения Соединенных Штатов в 1925—1926 гг. Создание «пан-Европы», заявлял тогда Куденгове-Калерги, обеспечит Европе «мир, процветание и демократию». Иначе вскоре неизбежны война, экономическая разруха и революция. «В таком случае Соединенные Штаты потеряют свои капиталы в Европе и окажутся изолированными в мире». Поэтому Соединенные Штаты, «способствовавшие умиротворению Европы через план Дауэса», должны «увенчать этот великий труд, предоставив им моральную и материальную помощь «панъевропейскому движению». Восхваляя заслуги «Панъевропейского союза» в борьбе против «опасностей большевизма», Куденгове-Калерги получал в США дополнительные субсидии. Через Американскую ассоциацию внешней политики Куденгове-Калерги был связан с белогвардейскими эмигрантами, проживавшими в США

¹ «Foreign Affairs», July 1930, p. 510—517.

² *Edge, Walter*, *A Jerseyman's Journal*, Princeton 1948, p. 158—178.

(князем Голлицыным и др.), которые выступали в качестве консультантов «Панъевропейского союза» по «русскому вопросу». Эти белогвардейцы поставляли идеологам «объединения Европы» «доказательства» того, что Советский Союз-де является «азиатской страной», а поэтому не может участвовать в «объединениях» европейских государств¹.

В 1930 г. американский империализм выступал в качестве одного из самых активных участников кампании международной реакции против СССР.

Роль вдохновителя антисоветских провокаций играло правительство Гувера. Президент Гувер заявил в интервью корреспонденту «Сан-Франциско ньюс» буквально следующее: «Говоря по правде, цель моей жизни — уничтожение Советской России». Член правительства Гувера министр внутренних дел Вильбур публично призывал Соединенные Штаты «вступить в борьбу с коммунизмом». Выражением этой враждебности правительства республиканской партии к СССР было запрещение в июле 1930 г. ввоза советской древесины в Соединенные Штаты.

Соединенные Штаты были единственной крупной капиталистической страной, отказывавшейся от юридического признания Советского Союза. В докладе правительства VI съезду Советов в 1931 г. говорилось, что в США все больше растет роль авантюристических элементов буржуазии, с ненавистью относящихся ко всему советскому. В этой связи приводился пример деятельности комиссии Фиша в конгрессе США, позорно прославившейся своими провокациями против советских хозяйственных организаций. В докладе указывалось, что эта деятельность является одним из составных звеньев в общей цепи происков империалистов по подготовке экономической блокады и вооруженной интервенции против СССР.

Разгул антисоветской кампании в США подавал французским империалистам надежды на поддержку их плана создания франко-германского антисоветского блока с Соединенными Штатами. Недаром Бриан в беседах с американским послом Эджем в то время домо-

¹ Историко-дипломатический архив, ф. 581, оп. I, д. 2, л. 255—258.

гался американской поддержки Франции в ее отношениях с Германией.

Соединенные Штаты вели антисоветскую подрывную деятельность и в других странах. Не случайно секретарь «европейского конгресса национальных меньшинств при Лиге наций» Аменде опубликовал в 1930 г. воззвание, в котором он призывал Соединенные Штаты возглавить международное вмешательство во внутренние дела Советского Союза. Мексиканская печать утверждала, что разрыв дипломатических отношений Мексики с СССР произошел под давлением США. Американские империалисты финансировали антисоветскую пропаганду Ватикана.

Таким образом, империалисты Соединенных Штатов выступали в роли всемирных подстрекателей антисоветских происков международной реакции.

Однако антисоветской интервенционистской тенденции в США противодействовала тенденция поддержания нормальных деловых отношений с Советским Союзом.

С развитием мирового экономического кризиса обострились противоречия американских монополий с их империалистическими конкурентами. Усилилась также борьба между различными группами американского финансового капитала, что отражалось в активизации политической борьбы партий республиканцев и демократов. Эти два обстоятельства сковывали в известной мере антисоветскую инициативу американских империалистов. Кроме того, Советский Союз завоевывал все большие симпатии широких народных масс в Соединенных Штатах, что учитывали некоторые политики из партии демократов, противопоставлявшие воинствующей антисоветской позиции республиканцев программу установления нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом.

В пользу улучшения отношений с СССР высказывались также многие американские промышленники, заинтересованность которых в советском рынке возросла во время экономического кризиса.

Несмотря на классовую ненависть американских правящих кругов к Советскому государству, они вынуждены были считаться с укреплением экономической мощи Советского Союза. Некоторые группы и отдельные представители американской буржуазии выступили против

дискриминации советского экспорта в США¹. Так, 22 мая 1930 г. республиканец Рамсейер выступил в палате представителей против деятельности «комиссии Фиша», указывая, что ликвидация Амторга повлечет за собой ликвидацию советских заказов в США на 200 млн. долл. в год². Под давлением пароходных компаний и «Интернейшенел пейпер компани» правительство было вынуждено отменить запрещение на ввоз советской древесины. Точно так же противодействие «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и «Бетлехем стил корпорейшн» в известной мере нейтрализовало требования владельцев марганцевых рудников о запрещении ввоза советского марганца в США. При всей ненависти к Советскому Союзу американские бизнесмены в погоне за новыми рынками шли на расширение деловых связей с СССР.

Вопреки всем призывам воинствующих реакционеров о «защите завоеваний западной цивилизации» против СССР, даже такие акулы Уолл-стрита, как руководители концерна Дюпонов, продолжали торговать с Советским Союзом и предоставлять ему кредиты. Их примеру следовали и другие американские промышленники.

Тенденция влиятельных кругов в США к мирным деловым отношениям с Советским Союзом, несомненно, противодействовала выступлению Соединенных Штатов в поддержку антисоветской инициативы Бриана. Вместе с тем американские правящие круги не выступали непосредственно и открыто против стремления французского империализма к политическому «объединению Европы», будучи уверены, что противоречия между европейскими государствами обусловят провал попытки Франции установить свою гегемонию в Европе. Американская печать неоднократно указывала, что сопротивление Англии, Италии и Германии плану Бриана приведет к краху этого

¹ 23 апреля на банкете в честь председателя Амторга, где присутствовало 175 представителей руководящих промышленных фирм, вице-президент «Континентл иллинойс бэнк энд траст компани» Х. Дэнс заявил: «В нынешний период перепроизводства внешняя торговля приобретает особое значение. СССР является одним из важнейших рынков для САСШ. СССР представляет почти неограниченные возможности для расширения торговли. Советско-американская торговля выгодна для обеих сторон. Продавая товары СССР, мы должны быть также готовы пользоваться в значительной мере советским экспортом».

² Congressional Record, 1930, p. 9767.

плана. Но на расстановку сил в вопросе «объединения Европы» влияло не столько отношение американского империализма к самому проекту «пан-Европы», сколько общая политика Соединенных Штатов, направленная на восстановление военно-экономического потенциала Германии и способствовавшая усилению германского империализма, политика неуклонного подрыва позиций Франции в Европе.

5. Крах плана политического «объединения Европы»

Ответы малых европейских государств, поступившие на Кэ д'Орсэ между 25 июня и 4 августа 1930 г., зависели в той или иной степени от их политической ориентации на так называемые великие державы. Из всех государств, к которым был обращен меморандум Бриана, полную поддержку проекту оказали только восточно-европейские союзники Франции. Правительства других стран ответили в самых общих выражениях, одобряя саму идею тесного сотрудничества европейских государств, особенно в области экономики, но не выражая желания предпринять какие-либо конкретные шаги в этом направлении. Среди конкретных замечаний, содержащихся в их ответах, наиболее распространенным было указание на необходимость установления над «европейским союзом» контроля Лиги наций. Перспектива участия в политической организации, подчиненной Франции, не выглядела привлекательной в глазах европейских правительств. Оценивая реакцию капиталистических государств Европы на выступление Бриана, французская буржуазная печать вынуждена была констатировать, что они отказываются от действительной поддержки «пан-Европы». «Нельзя сказать, что международная обстановка... была бы очень благоприятной для предприятия такого рода»¹, — писал французский официоз «Тан».

Анализируя причины создавшегося положения, французская пресса отмечала, что основной причиной разногласий между европейскими державами является вопрос о сохранении или пересмотре версальской системы, т. е. политический аспект «пан-Европы». В то же время все европейские правительства высказывали интерес к даль-

¹ «Temps», 7. VIII. 1930.

нейшему обсуждению экономического аспекта проекта Бриана. На этом основании французская буржуазная печать выражала уверенность, что «прямой контакт», который установят европейские государства в Женеве на сессии Лиги наций в сентябре 1930 г., позволит им достигнуть договоренности по вопросу о «европейском союзе». Французские правящие круги явно рассчитывали на то, что проект «пан-Европы» может быть осуществлен при выдвижении на передний план его экономического аспекта.

Надежды французских реакционеров на результаты сессии ассамблеи Лиги наций порождались усилением антисоветской кампании международной реакции. «В сущности независимо от признания или маскировки этого факта вопрос организации Европы, и не только в экономическом аспекте, в свою очередь определяется вопросом, поставленным уже 12 лет назад русской революцией. Нужно иметь мужество сказать и подумать об этом», — писала в этой связи газета «Тан». Эта кампания, которая велась под флагом борьбы против советского «демпинга», приняла к осени 1930 г. во всем капиталистическом мире невиданный до этого времени размах. 6 сентября папа обратился к правительствам «цивилизованных» стран с новым призывом «объединиться» против СССР. Швейцарская газета «Журналь де Женев», отражавшая настроения в кругах Лиги наций, писала в сентябре 1930 г.: «Покупать у Советов — значит поощрять их политику демпинга, продавать им — это значит способствовать успеху пятилетнего плана, самой чудовищной опасности, которую когда-либо знало капиталистическое общество». Такова была международная обстановка накануне открытия заседаний в Женеве.

Открытию одиннадцатой ассамблеи Лиги наций предшествовало заседание так называемой «европейской конференции» 27 государств, поручивших в прошлом году Бриану разработать проект «пан-Европы». 8 сентября 1930 г. Бриан представил этой конференции свой доклад о результатах проведенного им опроса в отношении проекта «европейской федерации», сделав основной упор на факт одобрения самой идеи «пан-Европы» всеми европейскими государствами. Итоги конференции были предreshены заранее: во время встречи с Брианом в Париже по пути в Женеву английский министр иностранных

дел Гендерсон добился от него согласия передать проект «пан-Европы» на обсуждение ассамблеи Лиги наций. Однако французская дипломатия все же попыталась на конференции получить предварительное одобрение европейскими государствами «панъевропейской» программы, которая подлежала представлению Лиге наций. Но результатом усилий Бриана и активно выступавшего в его поддержку делегата королевской Югославии было лишь признание конференции «существенного значения» «тесного сотрудничества европейских правительств» и назначение Бриана докладчиком от имени европейских стран на ассамблее Лиги наций.

Настороженное и даже враждебное отношение многих европейских государств к проекту «пан-Европы», проявившееся на «европейской конференции», вынудило Бриана облечь свое выступление на ассамблее 11 сентября в очень осторожную форму. Вопрос о «пан-Европе» был им затронут лишь в связи с обзором деятельности Лиги наций. Однако эта осторожность французского министра иностранных дел не уберегла его проект «европейского союза» от ожесточенной критики со стороны представителей ряда европейских государств.

Позиция английской делегации в Лиге наций свидетельствовала о намерении британского правительства пресечь попытку создания политического «панъевропейского» блока под французским руководством. Речь английского министра иностранных дел Гендерсона, выступившего после Бриана, была направлена против притязаний Франции на создание независимой от Лиги организации, в которой Франция пользовалась бы преобладающим влиянием. Гендерсон подчеркнул, что непременными условиями «европейского сотрудничества» являются: его «полная совместимость с международными обязательствами Лиги наций» и его способствование «прогрессу разоружения всех государств». Последнее условие, связывавшее вопрос о «пан-Европе» с разрешением бесконечного англо-французского спора в Лиге наций о последовательности разоружения и гарантий безопасности, было верным средством погребения французского проекта.

Против политического «объединения Европы» были также направлены выступления итальянского делегата Шалойя.

Французская программа политического «объединения Европы» терпела крах. Сознание этого проскальзывало в похоронном тоне французской буржуазной печати, комментировавшей женевские дебаты. Делегациям Франции и ее союзников удалось добиться лишь принятия ассамблеей резолюции об учреждении специальной комиссии в рамках Лиги наций и в составе представителей европейских государств — членов Лиги в целях «продолжить уже принятое ими обследование, первыми основами которого является французский меморандум от 1 мая 1930 г. и сделанные на него ответы».

Таким образом, французская дипломатия смогла только продлить право плана «пан-Европы» на существование в Лиге наций до следующей сессии ассамблеи Лиги, в сентябре 1931 г., когда вновь образованная комиссия должна была предъявить ассамблее отчет о результатах своей работы. На этом обсуждение политического аспекта проекта «пан-Европы» на одиннадцатой ассамблее закончилось.

Основной проблемой дискуссии на одиннадцатой ассамблее Лиги наций был не политический, а экономический аспект «объединения Европы». С самого начала заседаний ассамблеи французская делегация приложила все усилия, чтобы использовать кампанию против советского «демпинга» и сколотить под флагом «защиты» европейской экономики антисоветский блок капиталистических государств Европы. Так, французский министр торговли Фланден предложил создать под эгидой Лиги наций специальную организацию для борьбы с советским «демпингом», якобы мешавшим снижению таможенного тарифа, и установить систему преференций в торговле между европейскими странами. Однако этот проект встретил ожесточенное сопротивление ряда членов Лиги наций, прежде всего Великобритании и ее доминионов, так как он угрожал прибылям капиталистов этих стран.

Наступление американского империализма на рынки Британской империи и рост экономических затруднений Англии усиливали тенденцию английской буржуазии к созданию имперских преференций. Взаимоотношения с доминионами приобретали для Англии огромную важность. Перспектива закрытия европейского рынка для сельскохозяйственных продуктов заморских стран в результате создания системы европейских преференций

вызвала энергичные протесты доминионов. Англия должна была поддержать их и по другой причине. Несмотря на то что лейбористское правительство постепенно скатывалось к протекционизму, его официальной программой оставалась свобода торговли. Отсюда заявления английского министра Грехема против протекционизма.

Таким образом, в результате обострения межимпериалистических противоречий, прежде всего англо-американских, в ходе развития экономического кризиса создавалось парадоксальное положение, когда представители британского империализма объективно защищали Советское государство против попыток французского империализма организовать его экономическую блокаду.

Но если сопротивление Англии и связанных с ней стран французским планам не могло быть неожиданным для Бриана и его единомышленников, то крах, который потерпели французские попытки заинтересовать Германию экономическим аспектом проекта «пан-Европы», оказался совершенно ими непредвиденным.

Французские сторонники «франко-германского примирения» лелеяли надежду достигнуть соглашения с Германией. Они полагали, что усилившееся тогда революционное движение рабочего класса Германии, с одной стороны, рост рядов партии национал-социалистов — с другой, вынудит «левых» последователей незадолго до этого умершего Штреземана прибегнуть к помощи Франции для восстановления порядка. Они утверждали, что «Германия слишком боится большевизма», чтобы быть заинтересованной в поддержании добрососедских отношений с Советским Союзом. Немалые надежды они возлагали и на заинтересованность германской буржуазии во французских кредитах. Недаром министр финансов Поль Рейно подчеркивал незадолго до открытия сессии ассамблеи Лиги наций готовность Франции оказывать финансовую помощь в целях «спасения цивилизации». Французское правительство предприняло новые шаги по вовлечению Германии в антисоветский блок. Директор договорного отдела министерства торговли Франции Эльбель, сообщая в интервью корреспонденту немецкой газеты «Данцигер нейесте нахрихтен» о намерении Франции резко увеличить таможенные пошлины на советские товары, заявил: «Раньше или позже Германия будет принуждена искать средств защиты против советского дем-

пинга. Мы сегодня предлагаем ей создать союз в этой области».

В этом направлении французская делегация в Женеве развила усиленную деятельность. Однако Германия противопоставила французской программе создания «европейских преференций» свою собственную программу. Вопрос о «европейском экономическом союзе» германские делегаты предлагали решить путем постепенного таможенного объединения отдельных государств и делали недвусмысленный намек на необходимость «регионального объединения» Австрии и Германии. Кроме того, Германия выдвинула ряд политических условий всякого «объединения Европы». В речи Курциуса на пленарном заседании ассамблеи 16 сентября, в выступлениях германского делегата Рейнбабена в экономической комиссии ассамблеи с особой настойчивостью повторялись германские требования «равноправия в вооружениях», «защиты германского меньшинства» в Польше и т. д. Это вызвало резкое столкновение французской и германской делегаций на ассамблее. Попытки Франции оказать на Германию финансовое давление в целях принудить ее к соглашению успехом не увенчались.

Таким образом, как свидетельствуют факты, империалистические противоречия в Лиге наций и заинтересованность ряда стран в торговых отношениях с Советским Союзом обусловили тщетность усилий французской реакции «объединить Европу» против советского экспорта. И Англия, и Германия, и Италия высказались против предложенного Францией и ее союзниками плана установления «европейских преференций». В конечном итоге по вопросу о «демпинге» 29 сентября ассамблеей была принята резолюция, предлагавшая «продолжить изучение вопроса о согласованных действиях стран не только по отношению к различным формам косвенного протекционизма, но и по отношению к демпингу во всех его видах», т. е. вопрос был перенесен в рамки общих вопросов для бесплодного обсуждения на всех последующих конференциях. Единственным и к тому же весьма сомнительным достижением французской дипломатии в этом вопросе было согласие ассамблеи в соответствии с настояниями Фландена обсудить рассматривавшиеся на сессии Лиги вопросы еще раз на предстоявшей в ноябре 1930 г. Международной экономической конференции.

Расчеты французских империалистов на то, что заманчивая химера создания «европейских предпочтений» и пропаганда обороны против советского «демпинга» будут способствовать осуществлению «панъевропейских» планов, оказались несостоятельными. Практическим результатом усилий французской делегации в Лиге наций было только создание специальной «панъевропейской» комиссии. 23 сентября состоялось первое и последнее в 1930 г. заседание комиссии по изучению вопроса о «европейском союзе», на котором председателем был избран Бриан, а секретарем — генеральный секретарь Лиги наций Друммонд. Было принято также решение созвать 9 января 1931 г. следующее заседание комиссии и обсудить на нем вопрос об ее отношении к европейским государствам — нечленам Лиги наций, т. е. к СССР и Турции.

* * *

Стремление французского империализма «объединить Европу» под своим главенством вызвало дальнейшее обострение противоречий между Францией и ее империалистическими конкурентами. Попытки французских реакционеров преодолеть эти противоречия, используя тенденцию к антисоветской агрессии во всем капиталистическом мире, не увенчались успехом. Антисоветской тенденции в крупнейших капиталистических странах Европы и Соединенных Штатах противодействовала тенденция к развитию экономических связей с Советским Союзом; предпосылки развития такого сотрудничества были созданы активной миролюбивой внешней политикой Советского государства и укреплением его экономической и политической мощи. Кроме того, «панъевропейской» программе французских реакционеров были противопоставлены планы антисоветского «объединения Европы» Германией, которые вынашивались германскими империалистами, пользовавшимися в этом вопросе поддержкой монополистических кругов США. Отсюда проистекал крах попытки политического «объединения Европы», в котором были особенно заинтересованы французские империалисты.

Стремясь предотвратить окончательный провал плана «пан-Европы», французские реакционеры направили свои усилия на создание агрессивного антисоветского блока под новым флагом, под флагом экономического «объединения Европы».

ГЛАВА IV

**ОТ ЛОКАРНСКОЙ «ПАН-ЕВРОПЫ»
К ГИТЛЕРОВСКОМУ
«НОВОМУ ПОРЯДКУ»**

**1. Организация антисоветской блокады
под лозунгом экономического
«объединения Европы»**

В ответах на меморандум Бриана и в выступлениях своих делегатов на одиннадцатой ассамблее Лиги наций европейские государства выразили формальное согласие участвовать в организации европейского «экономического сотрудничества». Это давало французским инициаторам «пан-Европы» повод предпринять новую попытку осуществления их проекта, выдвигая на передний план его экономический аспект.

Однако следовать по намеченному ими ранее пути экономического «объединения Европы» — умножения числа европейских картелей и раздела рынков между ними — французские «панъевропейцы» не могли. Развитие экономического кризиса к тому времени уже показало практическую несостоятельность «теории» примирения империалистических противоречий через создание международных картелей. Противоречия между основными участниками европейских картелей обострились с особой силой.

Германские монополии, более мощные, чем их французские конкуренты, вытесняли их с внешних рынков, завоевывая одновременно внутренний рынок Франции. Если стоимость германского импорта во Францию в 1928 г. составляла 5 млрд. франков, в 1929 г. — 6,5 млрд. франков, то в 1930 г. она возросла до 8 млрд. франков. Импорт продукции германской металлургии во Францию только за один 1930 г. вырос в 3 раза. В 1930 г. германский экспорт машин во Францию увеличился по стои-

мости на 34%; в то же время французский экспорт машин в Германию упал на 17%. Среди французских промышленников нарастали требования закрыть французский рынок для германских товаров. С яростными выпадами против германской конкуренции выступали такие крупные представители французских монополий, как глава «Сосьетэ де уйер» де Пейеримхоф, председатель «Всеобщей конфедерации французской промышленности» Дюшемен, глава концерна «Шнейдер Крезю» Этьен Шнейдер и др. «Германская промышленность выступает как главный конкурент нашей промышленности», — заявил секретарь федерации промышленников машиностроительной промышленности Ковилль на общем собрании федерации в марте 1931 г.

Европейские картели рушились один за другим, подорванные ожесточенным соперничеством их участников. В 1930 г. распались континентальный картель фосфорного железа и международный цинковый синдикат. Летом 1931 г. прекратил свое существование стальной картель.

Что же касается «панъевропейской» программы создания «общего рынка» путем постепенного снижения таможенных барьеров, то о ее осуществлении французские сторонники «объединения Европы» не могли и помышлять. Непрерывное повышение таможенных тарифов было важнейшим оружием французского империализма в борьбе против иностранной конкуренции на рынке Франции и ее колоний. Более того, в середине 1931 г. оно было дополнено введением системы контингентирования и кампанией бойкота товаров иностранного происхождения. В этих условиях французские «панъевропейцы» не пытались даже призывать к созданию «общего рынка».

Французские организаторы «объединения Европы» ухватились поэтому за идею «объединения аграрных и индустриальных стран Европы». Эта идея была первоначально выдвинута на конференции Малой Антанты в Штрбске-Плесо в июне 1930 г. Министры иностранных дел стран — участниц Малой Антанты, выступившие с таким предложением после обсуждения меморандума Бриана, мотивировали их задачами борьбы с аграрным кризисом и советским экспортом продуктов сельского хозяйства, якобы усугублявшим этот кризис. На конференциях капиталистических государств Восточной Европы,

состоявшихся в июле и августе 1930 г. в Синае и в Варшаве, были разработаны основные принципы сотрудничества между аграрными и индустриальными странами, согласно которым европейские государства должны были отменить в своих торговых договорах статью о принципе наибольшего благоприятствования и заменить ее преференциальным тарифом аграрных и индустриальных стран капиталистической Европы. Работа этих конференций была разрекламирована реакционной прессой как «международное мероприятие, имеющее своей целью постепенное осуществление «пан-Европы», на которой лежит обязанность бороться против Советского Союза для спасения мира».

Таким образом, речь шла о создании единого фронта капиталистических государств Европы, направленного прежде всего против советского экспорта.

Экономическое «объединение Европы» путем учреждения преференциальных тарифов индустриальных и аграрных стран Европы само по себе было неприемлемо для французских правящих кругов, так как в этом случае ставились бы под угрозу интересы французских помещиков и кулаков. Для Франции были невыгодны всякого рода таможенные ограничения во имя «европейской солидарности». Они могли бы лишь облегчить конкуренцию иностранных капиталистов на французском рынке, относительно огражденном высоким таможенным барьером от импорта более дешевых товаров из стран, переживавших экономический кризис. Тем не менее французские империалисты взяли на себя инициативу создания таможенного союза аграрных и индустриальных государств Европы. Маскируя свою агрессивную политику фразами о борьбе с кризисом, они стремились образовать политический блок европейских государств, острием своим направленный против СССР; военная и финансовая мощь Франции, паутиной займов и военных миссий опутавшей своих восточноевропейских союзников, позволила бы ей играть в этом блоке руководящую роль.

Однако на сессии ассамблеи Лиги наций, как было показано выше, план создания системы «европейских преференций» потерпел неудачу. Заинтересованность таких стран, как Германия, Англия, Италия, в торговле с Советским Союзом обуславливала бесплодность призывов о создании единого фронта европейских государств про-

тив советского экспорта. Кроме того, помимо противоречий с французским империализмом на отрицательное отношение индустриальных капиталистических стран Европы к плану «европейских преференций» влияло также и другое обстоятельство. Рынок аграрных стран Восточной и Юго-Восточной Европы был слишком узок для экспорта промышленных товаров индустриальных стран Европы, чтобы в какой-то степени возместить индустриальным странам капиталистической Европы потерю советского рынка в случае их присоединения к фронту антисоветской экономической блокады, хотя правящие круги этих стран ненавидели Советский Союз не менее французских империалистов. В условиях свирепствовавшего экономического кризиса эта узость рынка аграрных стран Восточной Европы была особенно очевидна. Все это приводило к тому, что разговоры о «европейском экономическом сотрудничестве» оказывались пустой болтовней.

Французская буржуазная печать вынуждена была с прискорбием комментировать отказ Германии и Италии от участия в наступлении против Советского Союза и неспособность Лиги наций бороться против советского «демпинга». В сентябре 1930 г. министр торговли Франции Фланден заявил в интервью одному из корреспондентов в Женеве, что препятствие к образованию «европейских преференций» лежит только в низкой покупательной способности стран Восточной Европы. Отсюда французские империалисты ставили вопрос о «поднятии» их покупательной способности путем усиленных капиталовложений в эти страны (и, следовательно, усиления их ограбления). По инициативе крупнейших французских банков в Амстердаме в начале октября 1930 г. был учрежден специальный Земельный банк с капиталом в 10 млн. гульденов. Задачей банка было предоставление ипотечных кредитов, главным образом, аграрным странам капиталистической Европы. Несколько позднее парижский «Банк д'Аксептасьон» предоставил румынскому Национальному банку сельскохозяйственный заем на сумму в 200 млн. франков из расчета 4,5%.

Потерпев неудачу в Лиге наций, французские империалистические круги попытались организовать открытую экономическую войну против Советского Союза и, вовлекая в нее постепенно новые государства, создать

таким образом антисоветское экономическое «объединение Европы».

3 октября французский совет министров принял декрет, согласно которому ввоз «некоторых» продуктов советского происхождения во Францию, а именно: хлеба, мяса, яиц, сахара, леса, льна, клея, желатина и т. д., будет допускаться только по специальным разрешениям. В своем выступлении по поводу этого декрета министр торговли Фланден прямо указал, что он является мерой борьбы против советского «демпинга». Введение исключительного режима для советского импорта во Франции мотивировалось лживыми и лицемерными аргументами о необходимости «защиты французского крестьянства». Между тем крупнейшими поставщиками сельскохозяйственных продуктов во Францию были Соединенные Штаты, Канада и Аргентина; доля СССР в импорте Франции в 1930 г. составляла всего 1,6%, причем большая часть ее падала на необходимые для Франции нефтепродукты.

После опубликования антисоветского декрета министр торговли Фланден отправился в турне по Европе и посетил Прагу, Вену, Будапешт, Белград, Бухарест, Софию, Анкару и Афины. Прибыв в Прагу 11 октября 1930 г., Фланден произнес там речь, раскрывавшую цель его поездки: он клеветал на Советский Союз и утверждал, что декрет против советского «демпинга» якобы защищает интересы как Франции, так и других стран, экспортирующих во Францию свои товары, а именно: Чехословакии, Польши, Австрии и Югославии. Фланден проектировал сближение стран Восточной и Юго-Восточной Европы и со стороны Франции обещал оказать в этом деле энергичную экономическую поддержку. В том же духе он высказался 16 октября на правительственном банкете в Белграде; в своей речи он прямо подчинял проект объединения «аграрной Европы» «панъевропейскому» проекту Бриана.

Одновременно с поездкой Фландена правительства стран Восточной Европы созывают одну за другой конференции, на которых обсуждались вопросы создания антисоветского экономического блока. Однако они были безрезультатны, вследствие противоречия между участниками конференций. Это был вынужден признать Фланден, заявив, что «общий крестовый поход против совет-

ских товаров заденет ряд интересов, при чем трудно учесть, будет ли он иметь успех»¹. Примеру Франции последовала лишь Румыния, где 20 октября был запрещен импорт из СССР. Ограничениям советский экспорт подвергся в Бельгии, Югославии, Венгрии и в Люксембурге. Другие, даже зависимые от Франции страны Европы, не последовали за ней. Несмотря на громы, которые метал министр иностранных дел Чехословакии Бенеш против советского «демпинга», чешская буржуазия, заинтересованная в экспорте промышленных товаров в Советский Союз, ограничилась только недружелюбными жестами в адрес СССР. Раздираемые империалистическими противоречиями страны Восточной Европы были далеки от проектировавшегося французскими монополистами «единства». Та же Чехословакия экономическую войну начала в декабре, но не против СССР, а против Венгрии.

Капиталистическая Европа не поддержала Франции. Вместо ожидаемых французскими реакционными кругами деклараций о запрещении советского экспорта министры крупнейших стран Европы делали совершенно противоположные заявления: английский министр земледелия Аддисон указал на невозможность запрещения советского импорта в Англию; итальянский министр земледелия Ачербо официально заявил, что падение хлебных цен не является результатом советского экспорта, а вызывается спекуляцией американскими и канадскими хлебными запасами. Формальный организатор Варшавской конференции — Польша воздержалась следовать за Францией. Даже среди буржуазии государств, участвовавших в блокаде советского экспорта, — Франции, Бельгии — раздавались голоса протеста против правительственных декретов. Так, председатель союза текстильных промышленников Северной Франции Декамп решительно возражал против препятствования ввозу советского льна во Францию, поскольку это подрывает сырьевую базу французской льняной промышленности и резко ослабляет ее способность сопротивления иностранным конкурентам. Французский официоз «Тан» вынужден был признать, что заинтересованность индустриальных стран в советском сырье и выгоды, которые они извлекают от торговли

¹ См. «Правда», 23 октября 1930 г.

с СССР, делают сомнительным их объединение против советского «демпинга» и, более того, порождают между ними соперничество в отношениях с Советским Союзом.

Французские империалисты не смогли создать осенью 1930 г. единый «панъевропейский» экономический фронт капиталистических государств. Яростные вопли французской реакционной печати по поводу советского «демпинга», советско-германского и советско-итальянского «сговора», игнорирования «русской опасности» американскими и английскими фирмами, выполнявшими советские заказы, отражали бессильную злобу французских империалистических кругов перед фактом дальнейшего укрепления деловых отношений Советского Союза с другими странами.

Эта неудача французской реакции усугублялась успехами реваншистской пропаганды в Германии, ставившими под сомнение политику франко-германского сговора, на которой были основаны «панъевропейские» планы французского империализма. Германское правительство настойчиво добивалось отмены выплаты репараций и «равенства в вооружениях», взывая к Соединенным Штатам.

Французская буржуазная печать раздражалась угрозами по адресу германского реваншизма. В парламенте в ходе дебатов по вопросам внешней политики в начале ноября 1930 г. происходили также воинственные демонстрации в защиту версальской системы. В этом отношении наиболее характерны заявления представителей партий, активно поддерживавших «панъевропейскую» программу в ее пацифистской форме. Так, представитель католической партии Пезе, подчеркивая недопустимость политических уступок Германии, заявил: «Если Германия не желает добровольно присоединиться к европейской организации, нужно последнюю сделать настолько сильной, чтобы Германия была вынуждена к ней присоединиться». А радикал Ногаро выдвинул проект создания «международной армии» как наиболее эффективного средства обеспечения «мира» в рамках «европейской федерации». На первый план выдвигается мысль о том, что только сила, принуждение извне, может заставить Германию присоединиться к «пан-Европе».

Французские реакционные круги надеялись добиться германской поддержки «пан-Европы». Они полагали, что,

оказывая финансовое давление на правительство Брюнинга путем изъятия из Германии французских краткосрочных кредитов и обещаний займов, используя ненависть германской буржуазии к Советскому Союзу, будет возможно заключить антисоветскую сделку с Германией. Не случайно имели место официально опровергнутые германским правительством слухи о французской попытке купить поддержку французского плана «пан-Европы» Германией ценою займа в 2,5 млрд. марок¹. Французские империалисты шантажировали своих германских партнеров угрозой краха «буржуазной цивилизации» в Германии в результате обострения кризиса. Они настаивали на разрыве деловых отношений Германии с Советским Союзом взамен французских кредитов, выдававшихся за панацею от кризиса.

Выдвигая эти планы вовлечения Германии в «панъевропейский» блок, французские империалистические круги не могли не учитывать позицию Англии и Соединенных Штатов, неоднократно определявшую провал французских проектов подчинения Германии.

Французская официозная печать со злорадством отмечала непрерывный рост экономических затруднений Англии и ослабление позиций лейбористского правительства. Рост безработицы в Англии, разброд в руководстве лейбористской партии по вопросам о протекционизме и пособиях безработным, ухудшение финансового положения Англии, обострение положения в Индии и Египте, провал имперской конференции в октябре — ноябре 1930 г. вызывали у французских империалистов надежды на изменение английской политики в отношении Франции. Они уповали на скорый крах лейбористского правительства и замену его правительством консерваторов, которые вели в это время разнузданную антисоветскую кампанию. В этом отношении характерна статья У. Черчилля, опубликованная в начале января 1931 г. в «Берлинер берзенкуррьер», в которой указывалось, что «объединение Европы» стимулируется «опасностью коммунизма» и потому Англия должна отнестись к этой идее благожелательно. Провал имперской конференции порождал во французских реакционных кругах иллюзию о том, что неудачи имперской политики Англии заставят ее быть

¹ Documents on British Foreign Policy, Second Series, v. 1, p. 507.

сговорчивей в отношениях с «Европой». Экономические осложнения Англии создавали благоприятную возможность финансового давления Франции на британское правительство. Наконец, усиление в Англии осенью 1930 г. кампании против советского «демпинга» порождало у многих представителей французского финансового капитала надежду на ухудшение англо-советских отношений.

Что касается Соединенных Штатов, то французские «панъевропейские» политики исходили из того, что в интересах американского империализма предотвратить «беспорядки» в Европе. На это недвусмысленно намекал Тардье, выступая в американском клубе в Париже 27 ноября 1930 г. с призывом к франко-американскому сотрудничеству в целях «экономической и моральной реорганизации» «страдающей Центральной Европы». Смысл его выступления был разъяснен Зауэрвейном в «Матэн»: это был план единства финансовой политики в отношении стран, нуждавшихся в кредитах; он предусматривал финансовую блокаду Советского Союза, предоставление займов Германии и Италии только на определенных условиях, одним из которых был отказ от пересмотра версальской системы и разрыв отношений с СССР. В это же время управляющий французским банком Море вел в Париже переговоры с главой американских федеральных резервных банков Гаррисоном. Французская пресса призывала американские монополии, поддерживавшие деловые отношения с СССР, бойкотировать Советский Союз. 12 февраля 1931 г. президент Банка международных расчетов Макгарра выступил в американском клубе в Париже с заявлением о намерении Франции при содействии США организовать финансирование других стран в целях борьбы с кризисом. Несколько дней спустя аналогичное заявление сделал управляющий Банком международных расчетов француз Кенэ. Комментируя эти заявления, французский журнал «Ревю де дё монд» усматривал в них путь борьбы с «экономическим наступлением, которым нам угрожает большевизм»¹, т. е. подготовку экономической блокады СССР.

Начать экономическое «объединение Европы» против СССР французские империалистические круги намеревались с «экономической организации» стран Центральной

¹ «Revue des deux mondes», 1. III. 1931, p. 237—238.

и Восточной Европы. Дальнейшее развитие кризиса в Восточной Европе было чревато революцией и крахом версальской системы. Нарастание политического кризиса в этих странах не раз констатировали в своих заявлениях видные представители французского империализма — Фланден, Бриан, Тардьё, изображая пятилетний план СССР и советский экспорт пшеницы как основную причину обострения экономических, политических и социальных противоречий на востоке Европы. По словам Тардьё, «экономическая организация Центральной Европы», во-первых, создала бы «барьер против пропаганды» коммунистических идей, во-вторых, «против ревизии» версальской системы. Создание «панъвропейского» блока предполагалось в рамках «европейской комиссии», образованной одиннадцатой ассамблеей Лиги наций.

Сессия «европейской комиссии» была назначена ее председателем Брианом на январь 1931 г. К этой сессии, на которой предстояло определить круг вопросов, подлежащих компетенции комиссии, и порядок ее работы, французские реакционные круги вели основательную подготовку, используя все средства пропаганды и давления на европейские государства, от позиции которых зависели результаты сессии. Накануне открытия сессии французская буржуазная печать шумно рекламировала «процветание» Франции, ее способность оказывать экономическую и финансовую «помощь» другим странам и призывала к организации «экономического сотрудничества Европы» во имя спасения «западной цивилизации». Вместе с тем французская реакционная пресса подчеркивала, что экономическое «объединение Европы» должно происходить на базе существующих договоров. Ряд французских, польских и румынских газет открыто заявлял, что это объединение должно быть направлено против Советского Союза. «Первая проблема, которую Женева должна разрешить, это — русская проблема... После политики демпинга СССР намерен объявить новое наступление на капиталистический мир — индустриальное. Неужели новый и старый свет позволят СССР уничтожить себя? Бриан обязан резко поставить вопрос...», — писала в январе 1931 г. французская газета «Ордр».

Заседания «европейской комиссии» начались 16 января 1931 г. Сессию открыл Бриан, который в своей вступительной речи указал, что «над экономикой Европы

нависла тяжелая угроза», и призвал правительства, «ответственные за охрану европейской цивилизации», «объединиться, чтобы жить». Бриан рекомендовал комиссии ознакомиться с результатом экономических работ Лиги наций, заслушав доклад председателя международной экономической конференции в Женеве голландца Колина. О привлечении в комиссию других государств Бриан не упомянул, если не считать туманной фразы о том, что «дело практической организации европейской солидарности не исключает ничьей доброй воли, ничьей лояльной помощи». Расчет Бриана сводился к тому, чтобы, возбуждая вопрос о борьбе с экономическим кризисом, готовность обсуждать который декларировали все правительства, направить работу комиссии на организацию экономического антисоветского блока государств Европы, исключив СССР из участия в работе комиссии.

Вслед за Брианом выступили германский делегат Курциус, итальянский делегат Гранди и английский делегат Гендерсон. Курциус заявил, что «европейская комиссия» должна рассматривать прежде всего экономические проблемы. Подчеркнув готовность Германии принять участие в «экономическом оздоровлении» Европы, он указал на тяжесть экономического кризиса в Германии и упомянул о необходимости «равенства прав» государств в «европейском союзе». Курциус высказался за приглашение в «европейскую комиссию» государств — нечленов Лиги наций. Итальянский представитель Гранди также поставил вопрос о юридическом «равенстве» европейских государств. Указав на значение вопроса о составе «европейского объединения», он предложил пригласить Советский Союз и Турцию участвовать в работах «европейской комиссии». Английский министр иностранных дел Гендерсон предложил передать вопрос о приглашении СССР и Турции на рассмотрение специального подкомитета комиссии.

Таким образом, с самого начала работы «европейской комиссии» обозначился круг рассматриваемых проблем: вопрос о мерах борьбы с экономическим кризисом в Европе и вопрос об участии государств нечленов Лиги наций, т. е. прежде всего СССР, в работах «европейской комиссии».

Изучение комиссией вопроса об экономическом кризисе началось с доклада Колина, который, подводя итоги

экономической деятельности Лиги наций, констатировал ее полный провал и указал на опасные последствия дальнейшего развития кризиса. Доклад Колина, по мнению Бриана, показывал «настоятельную необходимость» «объединения» представленных в комиссии государств.

В связи с тем, что план создания системы «европейских преференций» был отвергнут на одиннадцатой ассамблее Лиги наций, французская делегация выдвинула его на этот раз в несколько измененном виде. Она предложила организовать систему кредитов экспорта аграрных стран в индустриальные страны Европы. Этот проект вполне определенно означал организацию блокады советского сельскохозяйственного экспорта. Он был направлен на сплочение блока аграрных стран под эгидой Франции и на расширение экономической войны против Советского Союза. Французский план получил активную поддержку аграрных стран Восточной Европы, но встретил сопротивление Германии, требовавшей снижения на основе взаимности таможенных тарифов аграрными странами на промышленные продукты индустриальных стран и предлагавшей заключение соответствующих региональных соглашений. Использование системы взаимных преференций в рамках региональных соглашений Германии со странами Восточной и Юго-Восточной Европы способствовало бы дальнейшему укреплению германского империализма на рынках этих стран. Германское предложение получило поддержку Австрии. Неизменной осталась позиция Великобритании, выступавшей против всяких «европейских преференций».

Обсуждение вопроса об экономическом кризисе, носившее такой же характер, что и во время экономических работ одиннадцатой ассамблеи Лиги наций, еще раз показало глубину противоречий государств капиталистической Европы и их неспособность прийти к каким-либо согласованным решениям по вопросу о европейском «экономическом сотрудничестве».

Единственным результатом усилий делегаций Франции и ее восточноевропейских союзников было принятие «европейской комиссией» резолюции с выражением благих пожеланий относительно введения в действие таможенной конвенции, выработанной на экономической конференции в марте 1930 г., учреждение ею трех комитетов (по изучению проблемы сбыта урожая 1930 г., по изу-

чению проблемы сбыта будущих урожаев, по изучению вопроса об аграрном кредите) и опубликование ею манифеста, в котором участники комиссии, указывая на важность устойчивости политического положения для борьбы с кризисом, декларировали свое стремление к миру в Европе и готовность «пользоваться механизмом Лиги наций, чтобы воспрепятствовать всякому обращению к силе».

Вопрос о приглашении СССР участвовать в работах комиссии вызвал ожесточенные дебаты между германским и итальянским представителями, с одной стороны, и делегатами Франции, Бельгии, Румынии, Югославии, Нидерландов и Швейцарии — с другой.

Результатом дискуссии явилось принятие предложения Гендерсона, занимавшего уклончивую позицию, передать этот вопрос на рассмотрение специального подкомитета. В этот комитет были избраны Бриан, Гендерсон, Гранди, Курциус, румынский делегат Титулеску и швейцарский делегат Мотта. После длительных дебатов в подкомитете между Курциусом и Гранди, настаивавшими на приглашении СССР, и Брианом, Титулеску и Мотта, возражавшими против него или предлагавшими отложить этот вопрос, поручив его разработку секретариату Лиги, было решено «изучить мировой экономический кризис, поскольку он интересует коллектив европейских государств, и пригласить через посредство Генерального Секретаря правительства Исландии, Турции и Союза Советских Социалистических Республик принять участие в этом изучении»¹.

Следовательно, попытка Бриана совершенно устранить Советский Союз от участия в работах комиссии под предлогом, что в комиссию, учрежденную Лигой наций, должны входить только члены Лиги, потерпела неудачу. Межимпериалистические противоречия и в данном случае помешали образованию единого антисоветского фронта капиталистических государств. Кроме того, поддержка позиции Франции не могла не повлиять на деловые отношения Германии, Италии и Англии с Советским Союзом, в укреплении которых были заинтересованы эти государства.

Однако французская реакционная печать пыталась

¹ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 472.

преподнести формулировку резолюции о приглашении Советского Союза как ограничение возможности СССР участвовать во всех работах комиссии и, следовательно, как успех дипломатии Бриана. Она выражала надежду, что Советский Союз откажется последовать такому приглашению. Таким образом, французские империалистические круги, несмотря на провал попытки изолировать СССР, все еще надеялись использовать «европейскую комиссию» для реализации своих агрессивных планов.

Французская дипломатия предприняла ряд новых маневров, рассчитанных на изоляцию СССР. 23 февраля 1931 г. Бриан созвал в Париже конференцию комитета по сбыту урожая 1930 г., на которой присутствовали представители стран Центральной и Восточной Европы, экспортировавшие хлеб, и европейские импортеры сельскохозяйственных продуктов. Крупнейший европейский экспортер хлеба — Советский Союз не был приглашен на конференцию. Незадолго до открытия конференции Бриан заметил в одном из интервью: «Меня пугает успех пятилетнего плана. Я обязан предоставить помощь Франции малым балканским и дунайским народам». Открывая конференцию, Бриан заявил делегатам, что принимаемые ими решения будут иметь «политическую значимость». Созыв конференции при учете того, что принятые ею решения согласно резолюции «европейской комиссии» подлежали применению без дальнейшего обсуждения в комиссии, означал попытку осуществить под предлогом «спасения» аграрных стран французский план экономического «объединения Европы» против СССР.

Французская реакционная пресса усилила в этот период клеветническую кампанию против советского «демпинга», приобретавшую в глазах французских империалистов тем большее значение, чем более они убеждались в том, что единственным фактором, объединяющим Европу, была ненависть капиталистов к Советскому Союзу. «Европейский союз осуществим только перед лицом внешней опасности»¹, — констатировал журнал «Ревю де дё монд». Комментируя итоги январской сессии «европейской комиссии», журнал указывал на Советский Союз, как на единственную общую «угрозу». Один из лидеров французских «панъевропейцев» —

¹ «Revue des deux mondes», 1. II. 1931, p. 715.

Лушер заявил публично в апреле 1931 г., что лишь борьба с советским экспортом может дать «европейским нациям» «толчок к созданию» европейской организации.

Но ни антисоветская пропаганда, ни декларации Бриана, ни призывы председателя комитета Франсуа Понсэ к «европейской солидарности» не могли смягчить империалистических противоречий, сыгравших свою роль в провале конференции. Против любых преференций в пользу аграрных стран Европы решительно выступала Англия. В среде самих аграрных стран Европы решительно выступала Англия. В среде самих аграрных стран Европы не было единства интересов в области экономики и торговой политики. Балканские страны, Польша и Венгрия вывозили зерно; Чехословакия и прибалтийские страны ввозили зерно. Если первые были заинтересованы в продаже зерна по высоким ценам, то последние стремились купить его дешевле. Даже среди стран, вывозивших зерно, не было общности интересов. Польша вывозила рожь и ячмень, придунайские страны — пшеницу и кукурузу. В конечном результате комитет констатировал отсутствие достаточно точных сведений по изучаемому вопросу и отложил обсуждение его до следующего заседания.

С теми же итогами закончились заседания комитета «европейской комиссии» по сбыту будущих урожаев, имевшие место в Париже 25 февраля 1931 г., хлебная конференция восточноевропейских стран в Бухаресте в феврале, Международная аграрная конференция в Риме в марте, заседание экономической комиссии Лиги наций в феврале — везде попытки Франции создать экономический блок капиталистических стран Европы терпели провал вследствие непримиримых противоречий между его предполагавшимися участниками¹.

Провал этих попыток экономического «объединения Европы» усугублялся тем, что делегация Советского Союза, присутствовавшая на Международной аграрной конференции в Риме, разоблачила подлинный смысл империалистических происков на всех аграрных конференциях: восстановить против Советского Союза общественное мнение европейских государств, раздувая клевету о советском «демпинге» как причине сельскохозяйственного кризиса.

¹ См. Сборники документов по международной политике и международному праву НКВД, М. 1932, вып. II, стр. 120—121, 123—125.

Новую попытку устранить Советский Союз от участия в «европейской комиссии» французская дипломатия предприняла на заседании «организационного комитета» в марте 1931 г., на котором предстояло определить порядок работы, компетенцию комиссии и повестку дня ее будущей сессии.

Начало заседаний комитета было ознаменовано новым взрывом антисоветской пропаганды в реакционной печати с призывами к государствам — участникам комитета «объединиться», иначе — «конец Европы» и даже «конец нашей цивилизации». В комитете Бриан настаивал на том, чтобы «европейская комиссия», находясь в связи с Лигой наций, имела самостоятельное значение и рассматривала как экономические, так и политические вопросы; страны — нечлены Лиги наций, т. е. СССР, могли бы участвовать в обсуждении отдельных экономических вопросов. Германский и итальянский представители выступали за то, чтобы компетенция комиссии была ограничена обсуждением только экономических вопросов, а Советский Союз должен участвовать во всех работах комиссии. Английский делегат также высказывался за ограничение работ комиссии обсуждением только экономических вопросов. Советский Союз, по его мнению, должен был участвовать в их обсуждении в соответствии с резолюцией январской сессии «европейской комиссии». Бриану удалось настоять лишь на включении в повестку дня майской сессии первым и вторым пунктами обсуждение доклада организационного комитета и вопрос об участии Данцига в комиссии. Советский Союз мог участвовать только в обсуждении третьего пункта повестки дня — вопроса об экономическом кризисе.

Сообщая о решении организационного комитета, французское официальное агентство Гавас прямо указывало, что принятый им порядок работ «не позволит представителям СССР принять участие в работах «европейской комиссии в мае». Французская дипломатия явно рассчитывала, что дискриминационный акт устранения СССР от обсуждения ряда вопросов вынудит Советский Союз отказаться от участия в заседаниях комиссии вообще.

Однако в ответном письме Советского правительства от 6 февраля 1931 г. на письмо генерального секретаря Лиги наций, сообщавшее Советскому Союзу резолюцию «европейской комиссии», выражалось согласие Совет-

ского Союза принять участие в ближайших работах комиссии по изучению «пан-Европы»¹. Советская нота указывала далее, что без устранения причин, грозящих нарушением мира, «не может быть и речи об успешности каких бы то ни было стремлений к установлению европейской солидарности в экономической или какой-либо другой области». Поэтому недопустимо противопоставление одних государств Европы другим. Разоблачив двусмысленность резолюции «комиссии» и указав на «странность» попыток ряда участвующих в ней государств не допустить к ее работам Советский Союз, европейская территория которого в 2 раза превышает территорию этих государств, вместе взятых, советская нота ставила комиссию перед дилеммой: либо признать, что ее деятельность направлена против Советского Союза, что было неприемлемо для официального «пацифизма» Лиги наций и для ряда государств — участников «комиссии», либо отказаться от дискриминации Советского Союза во время своих работ.

1 апреля генеральный секретарь Лиги направил Советскому правительству письмо с сообщением повестки дня майской сессии «европейской комиссии», выработанной ее организационным комитетом, без указания срока прибытия советской делегации в Женеву. Это была явная провокация отказа Советского Союза участвовать в заседаниях «европейской комиссии».

В ответном письме народного комиссара иностранных дел эта хитрая механика была разоблачена и были сформулированы условия, при наличии которых Советский Союз смог бы принять участие в майской сессии². Отказ выполнить эти условия означал бы разоблачение виновников провокации.

Советскому Союзу было прислано составленное должным образом приглашение. Это приглашение Советский Союз принял, для того чтобы встретиться лицом к лицу с организаторами антисоветского блока, выявить их подлинные намерения и те методы, при помощи которых они пытались лечить европейский капитализм³. Вместе с тем Советское правительство в своем ответе генеральному секретарю резервировало свое окончательное отно-

¹ См. «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 474—476.

² См. там же, стр. 478—480.

³ См. «Правда», 27 апреля 1931 г.

шение к дальнейшим работам «европейской комиссии»¹. Участие Советского Союза в этой комиссии создавало серьезнейшее препятствие попыткам направить ее работу в русло антисоветской политики.

Таким образом, политика французских империалистических кругов, направленная на создание агрессивного антисоветского блока под ширмой экономического «объединения Европы», терпела одну неудачу за другой. Безуспешность попыток объединить капиталистические государства Европы в единый антисоветский экономический фронт была вызвана, с одной стороны, противоречиями между ними, в первую очередь противоречиями между Францией и ее империалистическими конкурентами в борьбе за рынки и сферы влияния в Европе. С другой стороны, неудачи «панъевропейской» политики французских империалистов, делавших основную ставку на использование антисоветской тенденции в капиталистическом мире, были в значительной степени обусловлены активной борьбой советского государства за мирное существование и сотрудничество со всеми странами и заинтересованностью ряда капиталистических стран в поддержании нормальных отношений с Советским Союзом.

2. Борьба Советского Союза за мир и международное сотрудничество

Развитие в некоторых капиталистических странах тенденции к экономическому сотрудничеству с Советским Союзом предопределялось в первую очередь быстрым ростом экономической и политической мощи Советского государства, теми успехами в строительстве социализма, которые одерживал под руководством Коммунистической партии советский народ.

Успехи строительства социализма в СССР ярко показал в июле 1930 г. XVI съезд партии, съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. К этому времени был достигнут величайший перелом в развитии сельского хозяйства СССР. Широкие массы крестьянства повернули к социализму. Съезд отметил всемирно-историческое значение этого перелома, когда крестьянство, на которое всякие реставраторы капита-

¹ См. «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 476.

лизма рассчитывали, как на свою опору, стало действительной и прочной основой Советской власти. Правые капитулянты были до конца разгромлены и разоблачены как агентура кулачества внутри партии. Таким образом, этой группе агентов международной реакции был нанесен сильнейший удар.

XVI съезд партии отметил успехи выполнения первой пятилетки, особенно рост и ускорение темпов развития крупной промышленности СССР, и дал установку на дальнейшее развертывание индустриализации и коллективизации страны в целях выполнения пятилетки в четыре года. Он продемонстрировал дальнейший рост экономического и политического могущества Советского Союза, дальнейшее укрепление Советского государства. В резолюции съезда указывалось, что «растущая экономическая мощь СССР, увеличивая для буржуазии опасность и риск интервенции против СССР, особенно в обстановке нынешнего кризиса и развивающегося революционного подъема, вынуждает некоторые группы буржуазии итти на развитие и укрепление экономических связей с СССР»¹.

Именно укреплением экономической и политической мощи Советского Союза объясняется тот факт, что реакционные империалистические круги, планировавшие агрессию против СССР, не зашли в своих действиях дальше военных приготовлений, яростной клеветнической кампании и попыток организовать экономическую блокаду Советского Союза. Решительный поворот широких масс крестьянства на борьбу против кулачества, разгром правых оппортунистов, развертывание социалистического соревнования, срывавшее установки вредителей, засевших в плановых органах,— все эти факты, ставшие особенно ясными после XVI съезда партии, вынудили руководителей «промпартии» и связанных с ней контрреволюционных организаций внутри СССР признать свое бессилие и банкротство. Так, например, во время встречи представителя «промпартии» Осадчего с председателем белогвардейской организации «Торгпром» Денисовым в Берлине 10 июля 1930 г. Осадчий, ссылаясь на итоги XVI съезда, заявил о совершенной неподготов-

¹ «КПСС в резолюциях», ч. III, стр. 12.

лейности «промпартий» к интервенции. В начале августа на Кэ д'Орсэ поступил последний из малоутешительных ответов европейских правительств на меморандум Бриана. В августе было арестовано органами ОГПУ все руководство «промпартии», «Союзного бюро меньшевиков» и эсеровской группы Кондратьева — Чайнова. Уже накануне ареста главарям «промпартии» было известно решение французских империалистических кругов перенести срок интервенции на 1931 г.

Однако и в дальнейшем нападение на СССР становилось все более опасным. Усиление Советского Союза, политику которого поддерживали широкие массы трудящихся в капиталистических странах, с одной стороны, обострение межимпериалистических противоречий и ослабление капиталистического лагеря — с другой, — такова была диалектика развития событий в ходе подготовки французским империализмом антисоветского «объединения Европы».

Борясь за мир, Советский Союз прилагал все усилия к укреплению мирных деловых отношений со всеми капиталистическими странами, к которым был обращен антисоветский призыв Бриана. Советская политика укрепления добрососедских отношений с Германией нашла яркое выражение в советско-германских переговорах летом 1930 г.

Оживление советско-итальянских отношений сделало целесообразным установление личного контакта между народным комиссаром иностранных дел Литвиновым и министром иностранных дел Италии Гранди. Встреча Литвинова и Гранди состоялась в Милане в конце ноября 1930 г.

Свидание Литвинова и Гранди вызвало панику в антисоветских кругах Франции, Англии, Германии и других государств.

В беседе с представителями печати в Берлине 28 ноября 1930 г. народный комиссар по иностранным делам подчеркнул, что подобные встречи могут вызвать беспокойство лишь у тех, кто под маской миролюбия стремится изолировать и ослабить Советский Союз или другие государства. «Говорят о пан-европеизме и в то же время критикуют попытку сближения между двумя европейскими странами. Миролюбие Советского правительства покоится на неоспоримых фактах, и всякое его сбли-

жение с другими странами может лишь служить делу мира»¹, — заявил советский представитель.

Твердая мирная политика Советского Союза, направленная на укрепление деловых связей со всеми странами, имела большое влияние на позицию, занятую Англией, Италией и Германией в отношении СССР в «европейской комиссии».

В Англии, где в феврале 1931 г. насчитывалось 2624 тыс. безработных, все чаще раздавались голоса в пользу развития торговых отношений с СССР. Английская прогрессивная печать неоднократно отмечала успехи экономического развития Советского государства и его стремление к миру, тем самым опровергая клеветнические вымыслы твердолобых реакционеров о «крахе» пятилетнего плана и «агрессивности» СССР. Английские промышленники обращались к правительству с настойчивыми просьбами принять меры к расширению торговли с Советским Союзом. Переговоры советского торгпредства с английскими машиностроительными фирмами привели к росту советских заказов в Англии на машинное оборудование почти вдвое. В апреле 1931 г. СССР заключил крупный договор о техническом сотрудничестве с фирмой Виккерс.

Отсюда вполне понятно, почему члены правительства Макдональда в ответ на выпады консерваторов в парламенте против советского «демпинга» указывали на то, что торговля с СССР со времени восстановления дипломатических отношений увеличилась вдвое. Лейбористское правительство, тщетно боровшееся с безработицей, не могло также не учитывать, какой удар нанесет его влиянию в рабочих массах сокращение или ликвидация советских заказов в Англии в случае ее присоединения к фронту антисоветской экономической блокады.

Укреплялись торговые отношения Советского Союза с Италией. 28 апреля в Риме было подписано советско-итальянское соглашение о государственных гарантиях итальянскому экспорту в СССР и о размещении в 1931 г. в Италии советских заказов на сумму 350 млн. лир. В июне — после визита в СССР делегации итальянских промышленников — начались переговоры о дальнейшем расширении советско-итальянского торгового договора.

¹ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 469.

Итальянская пресса хором призывала к развитию деловых отношений с Советским Союзом.

Огромное значение имело поддержание нормальных торговых отношений с Советским Союзом для Германии, задыхавшейся в тисках экономического кризиса. Несмотря на отчаянную борьбу германского империализма за рынки, общий германский экспорт неуклонно падал¹. Между тем германский экспорт в Советский Союз увеличивался: сумма советских заказов в Германии за первое полугодие 1931 г. приближалась к сумме советских заказов за весь 1930 г., т. е. возросла почти вдвое.

Некоторое затруднение в дальнейшем развитии советско-германской торговли представлял вопрос о кредитовании советских заказов. Антисоветская клеветническая пропаганда вызывала сомнение у немецких капиталистов в целесообразности предоставления долгосрочных кредитов Советскому Союзу. Однако еще во время работы советско-германской согласительной комиссии летом 1930 г. в Москве германские представители убедились в колоссальных возможностях расширения германского экспорта в СССР в случае дальнейшего сближения с нашей страной. С целью изучения обстановки в феврале 1931 г. в Москву отправилась делегация, представлявшая крупнейшие германские фирмы Круппа, Сименса, АЭГ, Демаг, Борзиг и др. После поездки по Советскому Союзу и переговоров, во время которых было достигнуто соглашение о расширении и углублении взаимных хозяйственных отношений², делегация вернулась в Германию и авторитетными в мире германского финансового капитала голосами директора стального треста Пенсгена, директора АЭГ Пфефера, председателя объединения машиностроительной промышленности Ретнера и др. заявила о необходимости расширения экономических отношений с СССР. По сообщениям германской печати, советская промышленность произвела на делегацию прекрасное впечатление. Съезд Советов, на открытии которого она присутствовала, оставил у нее твердое впечатление прочности положения Советского правительства и способности его выполнить свои обязательства. Германское правительство гарантировало дополнительно

¹ В первом полугодии 1930 г. он составлял 6,2 млрд. марок, во втором — 5,8 млрд. и первом полугодии 1931 г. — 4,7 млрд. марок.

² См. «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 484.

на 300 млн. марок кредиты советских заказов. 20 апреля 1931 г. было заключено соглашение о соответствующем увеличении советских заказов в Германии.

В декабре 1931 г. был подписан протокол о переводе всего торгового оборота между СССР и Германией на платежный оборот в германских марках. В 1932 г. было заключено новое соглашение об общих условиях поставок в СССР, которое вместе с предшествовавшими соглашениями создало условия для дальнейшего увеличения экспорта Германии в Советский Союз. В результате, в то время как экспорт Германии в целом с 1929 по 1932 г. сократился более чем в 2 раза, немецкий экспорт в СССР за тот же период почти удвоился. В 1932 г. Советский Союз занимал второе место в экспорте Германии и третье место в ее импорте. В условиях, когда в Германии росла армия безработных, размещение советских заказов спасло от безработицы не менее 300 тыс. немецких рабочих.

Следовательно, как в Англии, в Италии, так и в Германии растущая экономическая мощь СССР и мирная советская политика укрепления деловых связей со всеми странами способствовали усилению в этих странах тенденции к мирным отношениям с СССР, обусловленной давлением демократических сил и заинтересованностью части буржуазии в нормальных отношениях с нашей страной. Так, в ответ на отчаянные вопли некоторых органов реакционной печати, неистовствовавшей по поводу советско-германского кредитного соглашения, не менее реакционный орган католической партии центра газета «Германия» писала, что «это хозяйственное сотрудничество с СССР не вполне добровольно и вытекает отнюдь не из любви к советской системе».

В то же время советская внешнеторговая политика активно способствовала пресечению антисоветских происков международной реакции.

Советское правительство дало отпор дискриминации советского импорта во Франции и в других капиталистических странах. 20 октября Совет Народных Комиссаров СССР постановил, что в отношении тех стран, которые устанавливают для торговли с Союзом ССР особый ограничительный режим, следует принять следующие меры: «1) совершенно прекратить или максимально сократить заказы и закупки в этих странах;

- 2) прекратить использование тоннажа этих стран;
- 3) установить... особые ограничительные правила для транзитных товаров, происходящих или идущих из этих стран;
- 4) ...принять меры к совершенному прекращению или максимальному сокращению использования портов, транзитных путей и баз этих стран для транзитных или ре-экспортных операций Союза ССР»¹.

В течение последующего года советские закупки во Франции уменьшились более чем в 3 раза, между тем французская буржуазия при всем ее старании не смогла сократить импорт из СССР более чем на одну треть. Если в течение 1930 г. соотношение между французским экспортом в СССР и импортом из СССР было 1 : 5,2, то в первой трети 1931 г. оно уже было 1 : 12,3².

Эти меры заставляли те буржуазные круги, которые были заинтересованы в советском рынке, держаться более осмотрительно. Так, например, австрийское правительство отменило на другой же день после советского указа о запрещении канадского импорта дискриминационные меры в отношении советского экспорта. В условиях непрерывного сужения капиталистического рынка и обострения проблемы сбыта расширявшийся советский рынок являлся важным фактором в международной торговле³. Удельный вес СССР в мировом импорте вырос с 1929 г. в 2 с лишним раза. Не случайно международная торговая палата отказалась обсуждать вопрос о советском «демпинге», возбужденный некоторыми агрессивными элементами на ее сессии в мае 1930 г.

Советский Союз неуклонно разоблачал истинный характер проекта Бриана, прикрывавшегося лицемерными пацифистскими фразами. Рост экономической, политической и военной мощи Советского государства придавал особый авторитет голосу советской печати, неоднократно выступавшей с разоблачением антисоветской направленности проекта «пан-Европы».

¹ «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 453.

² *Stouès H.*, Les relations commerciales entre la France et l'URSS, P. 1935, p. 100, 101.

³ В крупнейших капиталистических странах импорт в первом квартале 1931 г. по сравнению с соответствующим периодом 1930 г. сократился: в США — на 36%, в Германии — на 40, в Англии — на 26, во Франции — на 16%. Импорт СССР по отношению к 1929 г. вырос на 20,2% в 1930 г. и составлял 125,5% в 1931 г.

С самого момента выдвижения плана «европейской федерации» на международной арене советская печать оценила его как новую попытку создания антисоветского блока. Газета «Известия» в своей передовой указывала, что «объединение, которое предлагает ныне г. Бриан, может быть только военным объединением на базе сохранения существующей капиталистической раздробленности... Это может быть военное объединение, созданное в условиях разваливающейся капиталистической стабилизации, при наличии непрерывного роста безработицы, на базе попыток обороны от американского наступления и одновременных попыток перейти в наступление против Советского Союза, против рабочего класса, против разрастающегося национально-освободительного движения колоний»¹.

Систематически разоблачая происки поджигателей войны, правительство СССР и советская печать неоднократно подчеркивали решимость СССР оказать отпор всем попыткам нарушить границы нашего государства. В то же время Советское правительство дало международной общественности неоднократные и красноречивые доказательства своей готовности содействовать самым последовательным и решительным образом сохранению и укреплению мира.

Яркой демонстрацией миролюбия советской внешней политики явились выступления советской делегации на сессии комиссии по разоружению в ноябре — декабре 1930 г.

В противоположность прочим участникам комиссии Советский Союз, не требуя для себя каких-либо преимуществ, последовательно боролся за подлинное разоружение, разоблачая лицемерие буржуазного пацифизма, которым империалисты прикрывали гонку вооружений. Советская делегация отмежевалась от проекта конвенции и объяснительного доклада, составленного комиссией, отклонившей все советские предложения и принявшей ни к чему не обязывающие формулировки, которые подлежали обсуждению на конференции по разоружению в 1932 г.² В письме советского делегата Луначарского

¹ «Известия», 22 мая 1930 г.

² Недаром американский делегат Гибсон сделал циничное заявление: «Конференция по разоружению не будет в состоянии провести сокращение вооружений».

председателю комиссии Лоудону от 4 декабря 1930 г.¹ и в декларации советской делегации на последнем заседании комиссии 9 декабря 1930 г.² была полностью разоблачена безрезультатность работ подготовительной комиссии, проанализированы недостатки выработанного ею проекта конвенции, которому были противопоставлены советские предложения, направленные на подлинное укрепление мира.

Заседания подготовительной комиссии по разоружению в Женеве, на которых Советский Союз активно боролся за обеспечение мира во всем мире, происходили в то время, когда в Москве на процессе «промпартии» разоблачались планы международной реакции по подготовке антисоветской войны и было раскрыто полное банкротство контрреволюционных сил внутри СССР. Процесс мобилизовал революционную бдительность трудящихся масс Советского Союза и пролетариата капиталистических стран.

Разоблачение контрреволюционных заговорщиков и поджигателей войны явилось толчком к еще более тесному сплочению советского народа вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Оно демонстрировало правильность генеральной линии партии и необходимость борьбы с оппортунистами всех мастей, необходимость скорейшего строительства социализма в СССР и укрепления обороноспособности Советского Союза. Во всех городах Советской страны на многочисленных митингах и собраниях принимались резолюции, в которых говорилось о решимости трудящихся Советского Союза под руководством Коммунистической партии продолжать строительство социализма и защищать страну от малейших посягательств на нее со стороны вредителей и интервентов. Так, в постановлении объединенного заседания президиума ВЦСПС и МОСПС совместно с рабочими заводов АМО, «Динамо», «Серп и молот», «Электроставрограда» и др. от 24 ноября 1930 г. говорилось: «Рабочий класс Советской страны не раз давал сокрушительный отпор интервентам и всем классовым врагам. И сейчас на вылазки врагов пролетариата, вредителей и интервентов, белоэмигрантов и кулаков пролета-

¹ См. «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 459—460.

² См. там же, стр. 463.

риат ответит беспощадной расправой с агентами военной интервенции и еще шире развернет под руководством партии социалистическое наступление по всему фронту»¹.

Борьба Советского Союза за мир находила широкий отклик и поддержку трудящихся масс всего мира, руководимых братскими коммунистическими партиями. Многочисленные демонстрации рабочих в ряде городов Франции и других капиталистических стран 6 марта 1930 г., сопровождавшиеся митингами и принятием резолюций в защиту СССР, свидетельствовали о том, что международный пролетариат не останется пассивным в случае войны с СССР. Готовность рабочих капиталистических стран, руководимых братскими коммунистическими партиями, выступить в защиту социалистического государства особенно ярко проявилась 19 марта 1930 г., когда участники объявленных папой антисоветских молебствий в ряде городов капиталистической Европы (Берлине, Праге и др.) вынуждены были прятаться под защиту усиленных полицейских отрядов. День 19 марта был использован рабочим классом для дальнейшего разоблачения истинных намерений поджигателей войны и для сплочения сил трудящихся в борьбе против военной опасности.

22 марта 1930 г. в Эссене открылся II международный съезд друзей СССР, на котором присутствовали представители «союзов друзей СССР» и революционных профсоюзов Франции, Англии, Германии, США и других капиталистических стран. Съезд принял резолюции, клеймившие поджигателей антисоветской войны, и обратился к трудящимся всех стран с призывом встать на защиту социалистического государства.

Коммунистическая партия во Франции, в государстве, правители которого пытались сколотить агрессивный блок, вела непрерывную борьбу против антисоветских выступлений французских империалистов. Секретариат ФКП в своем обращении к трудящимся Франции в марте 1930 г. указывал, что антисоветские кампании французской печати являются психологической подготовкой войны против СССР, разоблачал их лживость и призывал трудящихся выступить на защиту СССР.

В 1930 г. во французской армии и флоте имело место 150 демонстраций против подготовки антисоветской

¹ «Правда», 25 ноября 1930 г.

войны. В январе 1931 г. во многих городах Франции проходили организованные Компартией митинги в защиту Советского Союза. Знаменитый французский писатель Ромэн Роллан в январе 1931 г. выступил с публичным разоблачением «пан-Европы» как ширмы, прикрывавшей стремление французского империализма к европейской гегемонии и подготовку им антисоветской интервенции.

1 августа 1930 г. рабочие массы капиталистических стран вышли на улицы, для того чтобы продемонстрировать свою готовность дать отпор подготовке нападения на СССР. Несмотря на мобилизацию полицейских сил, в демонстрации солидарности с Советским Союзом участвовало 100 тыс. рабочих Берлина, 50 тыс. рабочих Нью-Йорка и т. д.

Международная конференция рабочих военной промышленности, собравшаяся 3 августа 1930 г. в Зингене (на германо-швейцарской границе), обратилась к рабочему классу всех стран с призывом организовывать на предприятиях боевые комитеты для борьбы с наступлением буржуазии и в защиту СССР.

Об огромном укреплении братской солидарности рабочего класса СССР и пролетариата капиталистических стран свидетельствовали многочисленные письма рабочих зарубежных стран рабочим различных предприятий нашей страны, в которых зарубежные рабочие призывали ускорить строительство социализма в СССР и подтверждали свою готовность всеми мерами и силами препятствовать антисоветским проискам империалистов.

Как отмечал одиннадцатый пленум ИККИ в апреле 1931 г., число рабочих и вообще трудящихся, которые были готовы активно защищать Советский Союз, «постоянно возрастает и выходит далеко за пределы сферы политического влияния коммунистических партий. Несомненно также, что работа Коммунистического Интернационала против опасности империалистских войн и в защиту первой в мире пролетарской диктатуры стала одним из важнейших факторов сохранения мира между народами...»¹

На защиту Советского Союза выступили также прогрессивные деятели культуры всех стран. Еще летом

¹ «Коммунистический Интернационал в документах 1919 — 1932», М. 1933, стр. 971.

1930 г. «Международное объединение революционных писателей» разослало виднейшим писателям мира запрос об их отношении к антисоветской пропаганде. Такие деятели культуры, как Жан Ришар Блок, Ромэн Роллан, Мартин Андерсен Нексе, Теодор Драйзер, Бернард Шоу, Герберт Уэллс и др., высказались в поддержку Советского Союза. В декабре 1930 г. «Международный комитет защиты СССР» в Берлине, в котором были представлены писатели, артисты, профессора, рабочие организации Германии, обратился к трудящимся всего мира с призывом бороться против поджигателей антисоветской войны.

Активная политика мирного сосуществования и сотрудничества со всеми странами, которую проводил СССР, укрепление его политического и экономического могущества и, наконец, растущая поддержка Советского Союза рабочим классом капиталистических стран, заинтересованность определенных кругов западной буржуазии в поддержании нормальных экономических связей с СССР — все эти факторы наряду с обострением империалистических противоречий обусловили крах попыток империалистических кругов исключить Советский Союз из числа европейских стран и противопоставить ему блок капиталистических государств, объединенных в рамках «европейской комиссии».

В мае 1931 г., в обстановке непрерывного углубления мирового экономического кризиса и стремления ряда империалистических государств путем лживой клеветнической кампании свалить ответственность за развитие кризиса на Советский Союз, организовать экономическую блокаду СССР, создать агрессивный блок против Советского Союза открылась сессия «европейской комиссии», поставившая своей задачей изучение экономического кризиса.

Выступления представителей западных держав на сессии отразили обострившиеся противоречия между империалистами этих стран в их борьбе за европейские рынки. Все выдвигавшиеся делегатами капиталистических государств проекты «экономического единства Европы» в целях «борьбы с кризисом» отражали стремление этих государств «бороться с кризисом» в ущерб интересам других европейских государств.

Речь советского делегата М. М. Литвинова 18 мая 1931 г. вскрыла подлинные причины экономического кризиса, углубление его тяжести политикой монополий и гонкой вооружений в капиталистических странах и разоблачила вздорность измышлений об ответственности Советского Союза за развитие кризиса, показала лживость пропаганды о советском «демпинге», использовавшейся в качестве главного средства сколачивания «панъ-европейского» блока. Советский представитель доказал, что импорт Советского Союза, который он может оплачивать только за счет своего экспорта, наоборот, способствует ослаблению остроты кризиса. Он указал на огромное значение пятилетнего плана и советских заказов для иностранной промышленности, подчеркнув, что СССР поглощает от 20 до 50% общего экспорта некоторых отраслей машиностроения в Германии, Австрии, Англии, Польше.

Вместе с тем делегат Советского Союза показал, что план установления преференциальных льгот для определенных стран или группы стран, пропагандировавшийся французскими реакционерами, вел к созданию новых блоков, к обострению происходившей политической и экономической борьбы, к обострению кризиса, т. е. к результатам, противоположным официальным целям «европейской комиссии».

Разоблачив империалистические происки по подготовке антисоветской агрессии и доказав тщетность попыток экономического бойкота СССР, поскольку он приносит большой ущерб капиталистическим странам, народный комиссар иностранных дел, говоря о противоположности двух систем, высказал убеждение в возможности мирного сосуществования системы социализма и системы капитализма и взаимно выгодного хозяйственного сотрудничества между ними. Выбивая из рук империалистов оружие пропаганды против советского «демпинга», он предложил участникам «европейской комиссии» в интересах смягчения экономического кризиса в первую очередь в европейских странах заключить протокол об экономическом ненападении, исключавший экономическую дискриминацию какой-либо страны, подписавшей протокол¹.

¹ Проект протокола гласил:

«1. Договаривающиеся стороны вновь торжественно подтверж-

Речь представителя Советского Союза ставила «европейскую комиссию» перед необходимостью либо принять советское предложение и отказаться официально от всякой экономической дискриминации, либо отказаться публично от поставленных перед нею целей борьбы с экономическим кризисом, на которой все буржуазные правительства стремились заработать политический капитал.

Представители капиталистических стран (Англии и др.) вынуждены были выступить с мирными заверениями по адресу Советского Союза. Уклонившись от немедленного обсуждения советского проекта под предлогом необходимости тщательно изучить его, «европейская комиссия» передала советский проект в специальную подкомиссию, в которую был включен и представитель СССР.

Итоги дебатов в «европейской комиссии» были плачевны для французских «панъевропейских» планов. Комиссия не пришла к принципиальному соглашению ни по одному из обсуждавшихся ею вопросов. Результатом ее работ было создание полдюжины подкомитетов для «дальнейшего изучения» рассматривавшихся вопросов. В большинстве из них участвовал Советский Союз. Несостоятельность легенды о советском «демпинге» была разоблачена. Участие СССР в дальнейших работах «европейской комиссии» и ее органах делало ее использование в антисоветских целях совершенно безнадежным.

3. Провал «панъевропейских» планов французских реакционеров

Майская сессия «европейской комиссии», состоявшаяся в 1931 г. и показавшая безуспешность антисоветских происков инициаторов «пан-Европы», была знаменательна также и в отношении проводившейся ими политики «франко-германского сближения» и «объединения

дают провозглашенный международной экономической конференцией 1927 г. принцип мирного сосуществования стран вне зависимости от их социально-политических и экономических систем.

2. В соответствии с пунктом 1 обязуются не применять во взаимных отношениях какую бы то ни было дискриминацию и считают несовместимым с принципами настоящего протокола применение в одной из указанных стран специального режима, направленного против одной или нескольких стран, подписавших настоящий протокол» («Внешняя политика СССР», т. III, стр. 498).

Европы» на основе сохранения версальского статус-кво. На сессии произошло открытое столкновение между «панъевропейской» политикой французской реакции и стремлением германских империалистов «объединить Европу» вокруг Германии.

Еще в сентябре 1930 г., когда ассамблея Лиги наций обсуждала проект Бриана, ему был противопоставлен германский контрпроект экономического «объединения Европы», выдвинутый Курциусом. Несколько позднее точка зрения германских правящих кругов по вопросу об объединении Европы была во всеуслышание провозглашена Ялмаром Шахтом. Во время поездки по Соединенным Штатам в октябре 1930 г. Шахт заявил в одном из своих публичных выступлений, что «федерация Европы» должна осуществляться постепенно, путем устранения таможенных барьеров между государствами Центральной Европы. Ядром такой «федерации» по мысли пангерманистов должна быть Германия, а первым шагом на пути к ней — аншлюс Австрии. Другой германский государственный деятель — бывший рейхсканцлер Мюллер еще точнее сформулировал германские условия создания «европейского экономического союза»: аннулирование Версальского договора, прекращение выплаты репараций, присоединение Австрии к Германии, пересмотр восточных границ Германии.

Таким образом, проекту «европейской федерации», выдвинутому французскими реакционерами, германские монополистические круги противопоставили свой план «объединения Европы».

По мере усиления и активизации в Германии сил милитаризма и реваншизма планы «объединения Европы» под главенством Германии все настойчивее выдвигались представителями ее правящих кругов. Характерно, что выступление Курциуса в Лиге наций с германскими предложениями по вопросу «экономического объединения Европы» совпало с моментом сенсационного успеха гитлеровцев на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г.

Число голосов, поланных за гитлеровцев, возросло с 800 тыс. в 1928 г. до 6400 тыс., а количество занимаемых ими мест в рейхстаге — с 12 до 107. Значительно упало влияние социал-демократов, потерявших по сравнению с выборами 1928 г. свыше 600 тыс. голосов. Резко возросло влияние Коммунистической партии, увеличившей почти в

полтора раза число избирателей — до 4,6 млн. и количество депутатов — с 54 до 77.

Итоги германских выборов отражали дальнейшее обострение классовой борьбы в Германии в ходе развития экономического кризиса: революционизирование рабочего класса, с одной стороны, фашизацию германской буржуазии — с другой. Усиление влияния партии гитлеровцев — самой реакционной политической группировки, наживавшей себе политический капитал на беззащитной социальной демагогии и ультрареваншистском ажиотаже, — свидетельствовало об усилении тенденции германской буржуазии обратить нараставшее возмущение народных масс против последствий поражения Германии в первой мировой войне и держав-победительниц.

Успех фашистов на выборах 14 сентября 1930 г. окончательно определил ориентацию германского финансового капитала на гитлеровцев в целях удушения рабочего движения и развертывания внешней экспансии. В декабре 1930 г. состоялась первая встреча Шахта и Геринга, в январе 1931 года — встреча Тиссена, Шахта, Геринга и Гитлера. С конца 1930 г. субсидии магнатов германского финансового капитала широким потоком полились в кассу нацистской партии.

Внешнеполитическая линия гитлеровцев была направлена на укрепление связей с Италией, США и Англией для борьбы против Франции. Вскоре после выборов один из видных фашистов — фон Ревентлов заявил, что политика «франко-германского сближения» пагубна для Германии, так как «политика эта привязывает Германию и экономически, и политически к колеснице французской гегемонии». Одновременно гитлеровцы выдвигали проект создания антисоветского блока Германии, США, Англии, Италии, Японии и Франции, главную роль в котором должна была играть фашистская Германия.

Поддержка американскими империалистами германского реваншизма обусловила все большее сближение реакционных правящих кругов Германии с американским империализмом. Отсюда сочувственный тон американского поверенного в делах в Берлине Гордона в отношении представителя нацистов Шикеданца, явившегося к нему 19 сентября 1930 г. с просьбой к Соединенным Штатам оказать Германии «моральную поддержку» при

пересмотре Версальского договора и «плана Юнга»¹. В конце сентября 1930 г. Шахт, решив сделать ставку на гитлеровцев и скорейший пересмотр Версальского договора, отправился за содействием в Соединенные Штаты, где вел переговоры с Гувером, Стимсоном, Меллоном и рядом американских монополистов². Рисуя перед своими собеседниками картину бедствий экономического кризиса в Германии и намекая на возможность «социальных потрясений», потери Соединенными Штатами их капиталовложений в Германии, Шахт старался расположить американские правящие круги в пользу гитлеровцев. Он требовал отмены «плана Юнга», предоставления Германии «равноправия» в вооружениях, возвращения бывших германских колоний. Далее он подчеркивал необходимость создания «экономического союза Европы». Судя по выступлению Шахта в торговой палате Бремена после поездки в США, ему были даны заверения в американской поддержке ряда требований Германии. Деятельность Шахта в Соединенных Штатах была с благодарностью отмечена нацистскими главарями.

Подобные переговоры между германским и американским империализмом происходили осенью 1930 г. и по официальным каналам: на просьбу германского посла фон Притвица оказать содействие Германии в достижении равноправия в вооружениях в целях «обороны» от «соседей» государственный секретарь Стимсон заверил его, что Соединенные Штаты не окажут Франции никакой военной помощи³. Именно такую позицию США имел в виду Шахт, когда убеждал германских промышленников, что в случае попытки применения Францией санкций при отказе Германии платить репарации «моральная поддержка всего мира будет на стороне Германии и применение военных санкций не даст никакого результата».

Американская политика в отношении Германии, поощряя германский реваншизм, способствовала укреплению партии воинствующего германского империализма — гитлеровцев. Рост реваншистских настроений в герман-

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the USA», 1930, v. III, p. 81.

² «The Trial of German Major War Criminals», London 1946, Part 12, p. 374.

³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the USA», 1930, v. III, p. 93—95.

ских правящих кругах все более отражался на официальной внешней политике Германии.

В выступлении в рейхстаге 10 февраля 1931 г. Курциус заявил о нетерпимости существующего политического положения в Европе и подчеркнул, что переговоры с Францией о создании нового «европейского сообщества» могут вестись только на основе изменения европейского статус-кво. Курциус требовал предоставления Германии «равноправия» в вооружениях и в несколько замаскированной форме — отмены репараций и возвращения германских колоний. Речь Курциуса получила одобрение большинства рейхстага.

Пересмотр Версальского договора выдвигался германскими империалистами как неперемennое условие антисоветского сговора. Характерным выражением этого стремления явилось заявление лидера «народной партии» Дингельдея, к которой принадлежал и Курциус, в середине марта в Мюнхене: «До тех пор, пока Франция не откажется от своих стремлений к гегемонии за счет Германии, до тех пор Германия не может выпустить из рук русский козырь». Это заявление вполне может служить комментарием к демонстративному приветствию министра иностранных дел Курциуса по поводу согласия СССР участвовать в «европейской комиссии».

Усиление реваншистских настроений в Германии, с одной стороны, рост в ней революционного движения — с другой, вызывали серьезное беспокойство в империалистических кругах Франции. Французские сторонники «объединения Европы» от лидера правых социалистов Грумбаха до открытых реакционеров Скапини и Энесси искали выхода в активизации попыток соглашения с Германией. Во время парламентских дебатов по вопросам внешней политики 1 марта 1931 г. Бриан провозгласил, что «франко-германское сближение является главным элементом нашей политики», и выразил уверенность в дальнейшем «прогpессе» европейской организации «защиты цивилизации» и борьбы с экономическим кризисом¹. Основным средством осуществления этой политики французские империалисты считали использование финансовой мощи Франции и тяжелого финансового поло-

¹ «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés, 1931, p. 1526—1527.

жения германского государства. Бриан даже рассчитывал, что предоставление на определенных условиях французских займов правительству Брюнинга позволит ему ослабить реваншистское движение в Германии.

Ярким выражением стремления французских реакционных кругов к сговору с Германией является выдвижение в феврале 1931 г. пресловутого «плана д'Ормессона». В статье известного французского реакционного политического деятеля и публициста д'Ормессона, появившейся в журнале «Эроп нувель» в феврале 1931 г., отмечалась тяжесть кризиса и опасность революции в Германии и выдвигалась программа ее «спасения». По плану д'Ормессона, Франция должна была согласиться на снижение размеров репараций за счет сокращения выплаты военных займов США и заключить с Германией договор о соотношении вооружений. Германия получила бы около миллиарда марок на борьбу с кризисом и укрепила бы свое экономическое положение. С помощью этих кредитов предполагалось подавить революционное движение в Германии, а также нанести удар реваншизму. Таким образом, было бы обеспечено франко-германское «сближение» и спасены американские капиталовложения в Германии¹.

План д'Ормессона был широко разрекламирован французской реакционной прессой и приветствовался германской буржуазной печатью. Однако он не встретил сочувственного отклика в США, ибо означал «спасение» Германии за счет Америки.

Тогда же были предприняты и другие попытки французских империалистов вовлечь Германию в антисоветский блок ценой финансовой «помощи». В феврале 1931 г. имели место франко-германские переговоры о предоставлении Германии займа в 800 млн. франков. Во время переговоров французские представители под видом «особых гарантий финансирования» стремились ликвидировать германские кредиты Советскому Союзу. В марте в Люксембурге происходили совещания французских и германских промышленников, в ходе которых обсуждались планы «совместной эксплуатации русского рынка»².

¹ «Europe Nouvelle», 7. II. 1931, p. 167—171; 21. II. 1931, p. 228—230.

² *Fernand de Brinon, France-Allemagne 1918—1934, Paris 1934, p. 164.*

В конце марта в Берлине вела переговоры о франко-германском «экономическом сотрудничестве» делегация французских промышленников. Эти переговоры были как бы противопоставлены происходившим тогда советско-германским переговорам.

Одновременно французские империалистические круги предпринимали новые усилия с целью добиться политического компромисса с Германией, вступая в переговоры даже с открытыми врагами Франции — гитлеровцами. В конце 1930 г. французский реакционный публицист Густав Эрве при посредничестве Рехберга, а затем и в печати адресовался к Гитлеру, лидеру националистов Гугенбергу и руководителю «Стального шлема» Зельдте с проектом франко-германского военного союза против СССР на основе ряда крупных уступок Германии. В ответ гитлеровцы и «Стальной шлем» потребовали аннулирования всех статей Версальского договора. В феврале 1931 г. в Париже снова начались переговоры представителей «Стального шлема» и гитлеровцев с французскими реакционерами. Снова шла речь о франко-германском военном союзе и пересмотре восточных границ Германии. В переговорах принимали также участие германские промышленники. С французской стороны активно выступал близкий Тардьё сенатор Лемери. Переговоры закончились созданием «союза защиты европейских интересов». Комментируя результаты переговоров, фон Папен и Рехберг заявили перед собранием германских монополистов в «Клубе господ»: «Благодаря картелированию химической и тяжелой промышленности Германия и Франция были уже так тесно связаны экономически, что политический и военный союз между ними стал абсолютной необходимостью».

В марте в Париже появилась делегация германских католиков во главе с депутатом рейхстага Иоосом. Эта делегация, шумно призывая к борьбе «объединенной Европы» против «русской фата-морганы», выпрашивала кредиты для правительства Брюнинга. Однако французская сторона — военный министр Мажино, генерал Нолле, ряд представителей французских католических организаций — требовала, чтобы Германия официально отказалась от пересмотра версальской системы и немедленно прекратила всякое сотрудничество с СССР. Переговоры успехом не увенчались.

Открытая враждебность некоторых партий «веймарской коалиции», прежде всего католиков, укреплению советско-германских деловых отношений и их декларации о готовности к франко-германскому сговору против СССР создавали почву для иллюзий французских «панъевропейцев» о «двух Германиях» и о возможности делать ставку на партии «веймарской коалиции» в противовес гитлеровцам и националистам. Но дальнейшее обострение глубокого противоречия интересов германского империализма, стремившегося к новому переделу мира, и французского империализма наносило удар за ударом расчетам такого рода.

Борьба германского империализма за новый передел мира в условиях углублявшегося кризиса становилась все ожесточеннее. Особенно усиливалась его экспансия в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, где германские монополии вели наступление на своих французских конкурентов на рынках Румынии, Югославии и других зависимых от Франции государств.

В этой борьбе германских монополий за рынки Юго-Восточной Европы большое значение для Германии имело соглашение с Австрией. Уже в сентябре 1930 г. Курциус и австрийский канцлер Шобер начали переговоры о заключении австро-германского таможенного союза. Для австрийских промышленников расширение доступа на германский рынок представляло определенные выгоды, учитывая огромный хронический пассив торгового баланса страны, сложившиеся экономические связи которой были нарушены Сен-Жерменским договором. Для Германии таможенный союз с Австрией означал открытие выхода на Балканы и возможность укрепления своих экономических и политических позиций в Юго-Восточной Европе. 19 марта 1931 г. германское и австрийское правительства подписали соглашение о едином таможенном законе, о согласованных тарифах и об уничтожении таможенных границ между обоими государствами. Оба участника соглашения объявляли его первым шагом на пути «объединения Европы» и предлагали другим странам Центральной и Восточной Европы присоединиться к соглашению. Отражая настроения германских правящих кругов, газета «Кельнише цейтунг» писала 21 апреля 1931 г., что при поддержке англосаксонского общественного мнения Германия должна продолжать расширение

своего рынка, начатое заключением австро-германского таможенного союза. Германский империализм открыто противопоставил проекту французской «пан-Европы» германскую «срединную Европу» как шаг к «объединению Европы» Германией.

Бросая вызов Франции, Германия явно рассчитывала на поддержку США и Великобритании. Углубление экономического кризиса и нарастание политического кризиса в Германии угрожали интересам английских и американских монополий, вложивших в экономику этой страны огромные капиталы¹. Революция в Германии была бы крахом не только этих капиталов, но и крахом англо-американской политики превращения Германии в передовой бастион против Советского Союза, сильнейшим ударом для всей капиталистической системы. Этого более всего боялись американские правящие круги. В этом отношении характерно заявление государственного секретаря Г. Стимсона: «По своему положению в центре Европы здоровая Германия была бы сильным оплотом против неустойчивости и коммунизма, в то время как в случае ее краха бедствие не ограничилось бы этой страной, а наверняка вовлекло бы в свой водоворот другие нации»². Германские империалисты использовали подобные настроения в Соединенных Штатах и в Англии, с успехом добиваясь от них поддержки своих планов уничтожения версальской системы (отмены репараций, равноправия в вооружениях, пересмотра восточных границ и т. д.).

Для английской дипломатии германо-австрийское соглашение не было неожиданностью. Английский посол в Берлине Румбольд был заранее поставлен о нем в известность. Продвижение Германии на Восток входило в антисоветские планы английского империализма. Английская буржуазная печать приветствовала австро-германское соглашение. Орган правящей лейбористской партии газета «Дейли геральд» писала 23 марта 1931 г. об этом соглашении: «Политика Англии в вопросе об австро-германском соглашении сводится к тому, чтобы

¹ В январе 1931 г. германская задолженность другим странам преимущественно Англии и США, составляла 26—27 млрд. марок.

² «Papers Relating to the Foreign Relations of the USA», 1931, v. I, p. 242.

с помощью наилучших средств доказать правомерность этого соглашения».

Заключая соглашение с Австрией, Германия полагалась на благоприятную позицию Соединенных Штатов. Действительно, Стимсон в беседе с германским послом в Вашингтоне 26 марта 1931 г. обещал негласную поддержку Германии в вопросе об аншлюссе¹, а председатель комиссии по иностранным делам американского сената Бора открыто заявил в печати: «Европа не может быть восстановлена без того, чтобы дух, лежащий в основе Версальского мира, не подвергся коренному изменению. Я не представляю себе, чтобы кто-нибудь в Европе мог возражать против австро-германского соглашения».

Австро-германское соглашение нанесло сильнейший удар политике «франко-германского сближения» и основанной на ней «панъевропейской» программе Бриана. Оно вызвало взрыв яростных воплей французской буржуазной печати, рассматривавшей это соглашение как «реставрацию германской гегемонии над Центральной и Восточной Европой», как «превратное понимание «пан-Европы». Оно подорвало положение самого Бриана, на которого ряд политических группировок французского империализма пытался свалить ответственность за провалы своей внешней политики. Президентские выборы в мае 1931 г., когда вопреки всем ожиданиям над Брианом одержал верх председатель сената Думер, показали, насколько велико было потрясение в правящих кругах Франции провалом французской внешней политики в отношении Германии. Поражение Бриана на выборах расценивалось как иностранной, так и французской буржуазной печатью как следствие провала его внешней политики. После своего провала на президентских выборах Бриан еще несколько месяцев оставался на Кэ д'Орсэ, но непосредственное руководство внешней политикой Франции все более прибирал к рукам премьер-министр Лаваль, сменивший на этом посту Тардье. Лаваль уже не пытался использовать лозунг создания «пан-Европы» как основное идеологическое оружие внешней политики Франции в Европе.

После заключения австро-германского соглашения

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the USA», 1931, v. I, p. 573.

франко-германские противоречия приобрели еще более ожесточенный характер.

Добившись путем дипломатического нажима постановки вопроса об аншлюссе на обсуждение Совета Лиги наций, французский империализм использовал все средства экономического и политического давления, чтобы пресечь попытку Германии использовать в своих целях лозунг «объединения Европы». Путем предоставления новых займов государствам Восточной Европы французские империалисты стремились добиться ослабления экономических связей этих стран с Германией и укрепить там свои позиции. В течение трех месяцев туда было вывезено капиталов на сумму 2,4 млрд. франков. 17 апреля 1931 г. французское правительство опубликовало план «экономического восстановления Европы», который, по свидетельству французского докладчика этого плана в экономическом комитете Лиги наций Декюжи, был выработан в целях его противопоставления австро-германскому проекту. План предусматривал регулирование сбыта излишков сельскохозяйственной продукции путем организации сельскохозяйственного кредита в противовес австро-германскому проекту преференциальных таможенных тарифов.

Французский план, включавший также организацию борьбы против советского экспорта, обсуждался на конференции Малой Антанты в Бухаресте в мае 1931 г. Однако безоговорочно поддержала план только Чехословакия. Бенеш даже предложил экономическое объединение Малой Антанты (в целях обеспечения рынков для чехословацкой промышленности), но встретил сопротивление Румынии и Югославии. Румыния и Югославия приветствовали идею кредитования сельскохозяйственного экспорта, но настояли на том, чтобы конференция одобрила принцип аграрных преференциальных пошлин, и только под давлением Франции высказались против аншлюсса.

Таким образом, франко-германская империалистическая борьба за Юго-Восточную Европу влекла за собой обострение противоречий между малыми государствами Юго-Восточной Европы и способствовала срыву попыток французского империализма сколотить экономический блок этих государств, политически направленный против СССР.

Одновременно с наступлением в странах Восточной Европы французские империалисты вели атаку непосредственно против Германии и Австрии, изымая краткосрочные капиталовложения и ускоряя таким образом развитие денежно-финансового кризиса в этих странах. В то же время Франция предлагала Австрии крупный заем взамен отказа от соглашения с Германией. Финансовый нажим французского империализма на Германию и Австрию еще более обострил франко-германские противоречия.

На сессии «европейской комиссии» в мае 1931 г. французское правительство выдвинуло новый проект, противопоставленный германской инициативе «объединения Европы» «снизу». Этот план был изложен в двух меморандумах: «негативном» от 14 мая 1931 г.¹, содержавшем критику австро-германского проекта таможенного союза, и «конструктивном» от 16 мая 1931 г.², в котором французское правительство излагало свой проект «организации Европы».

Основные французские аргументы против австро-германского договора, помимо ссылок на статьи 88 Сен-Жерменского договора и 80 Версальского договора и на Женевский протокол от 4 октября 1922 г., сводились к тому, что принцип образования «пан-Европы» путем постепенных региональных союзов, который отстаивал Шюбер на одиннадцатой ассамблее Лиги наций, не одобрен Лигой; образование региональных союзов приведет-де не к «объединению Европы», а к созданию в ней враждебных группировок, противостоящих друг другу; наконец, австро-германский проект был выработан вне рамок «европейской комиссии». Рецепт «спасения» Австрии было объявлено предоставление ей различных экономических льгот европейскими государствами. В своем основном теоретическом утверждении о невозможности постепенного «объединения Европы» путем региональных соглашений французское правительство опровергало точку зрения, признанную на конгрессе «европейского таможенного союза», заседавшем 30 июня — 1 июля 1930 г. в здании французского министерства иностранных дел под председательством Бриана³.

¹ «Europe Nouvelle», 8. VIII. 1931, p. 1088—1094.

² «Europe Nouvelle», 15. VIII. 1931, p. 1103—1107.

³ «Temps», 19. I. 1931.

Что касается французского «конструктивного» меморандума, то он сводился к следующим положениям. Французское правительство предлагало учредить систему контингентирования вывоза сельскохозяйственной продукции аграрных стран Европы в индустриальные страны путем создания двух органов, представляющих соответственно покупателей и продавцов. Эти два органа должны были согласовывать между собой распределение по промышленным странам Европы излишков сельскохозяйственной продукции аграрных стран Европы. Ссылаясь на принцип наибольшего благоприятствования, французский меморандум предлагал не давать ответных преимуществ отдельным индустриальным странам в аграрных странах. Это предложение было противопоставлено, во-первых, советскому сельскохозяйственному экспорту в индустриальные страны Европы, во-вторых, стремлению Германии закрепиться на рынках аграрных стран посредством системы взаимных преференций.

Далее французский меморандум предусматривал введение в действие проекта организации международного ипотечного кредита экспорта аграрных стран, разработанного финансовым комитетом Лиги наций и специальным подкомитетом «европейской комиссии». Однако меморандум подчеркивал, что проект может быть введен в действие только при условии обеспечения безопасности кредитов, которая может быть достигнута лишь путем «коллективного присоединения к плану европейской реорганизации», т. е. после принятия французского «панъ-европейского» плана. Это предложение было направлено, во-первых, на обеспечение прибылей французских банкиров путем дальнейшего закабаления стран Восточной Европы, во-вторых, на укрепление в зависимых от Франции государствах правящих антинародных буржуазно-помещичьих клик и на подавление в них революционного движения. Оговорка о сроке введения проекта ипотечного кредита отражала страх французских империалистов перед революционным движением и означала требование установить в Восточной Европе совместными усилиями европейского капитализма «устойчивое» положение.

Наконец, французский меморандум указывал, что «промышленные соглашения представляются единственным элементом порядка», и, несмотря на происходивший распад международных картелей, предлагал организо-

вать новые европейские картели в угольной, химической, текстильной, лесной и других отраслях промышленности, предоставив им право регулировать таможенные тарифы государств, которые они представляют, и распределять продукцию между странами. В данном случае французское правительство отступало от сформулированного Лущером требования правительственного контроля над деятельностью картелей, что было в интересах более сильных германских монополий. Однако это был чисто пропагандистский маневр, рассчитанный на привлечение симпатий германской делегации. Утопичность этого французского предложения была фактически признана официальной французской политэкономией: заседавшая в Париже конференция виднейших французских и бельгийских экономистов признала несостоятельность попыток устранить конкуренцию и ликвидировать экономическую войну посредством международных картелей¹, т. е. отрицала возможность смягчить таким образом существующие противоречия и «объединить Европу» на основе создания международных картелей.

Таково было содержание французского плана экономического «объединения Европы» и «борьбы с кризисом», представленного «европейской комиссии» в мае 1931 г.

План, изложенный в «европейской комиссии» Франсуа — Понсэ, подвергся на сессии резкой критике со стороны германской, английской и итальянской делегаций².

Курциус, выступая против французского плана, указывал на многочисленные неудачные попытки многосторонних соглашений о борьбе с кризисом, на особую тяжесть кризиса для Германии, задавленной репарационными платежами, и предлагал метод региональных таможенных соглашений как наиболее эффективный для борьбы с кризисом и как путь постепенного «объединения Европы». Выступление Курциуса встретило резкий отпор со стороны Бриана, настаивавшего на том, что всякое объединение должно происходить только на основе существующих договоров.

Английские возражения против французского плана были направлены против преференций и против картелей. Гендерсон рассматривал преференции как препят-

¹ «Revue d'économie politique» № 1—2, 1931, p. 398.

² Société des Nations. Commission d'Etude pour l'Union Européenne. Procès — verbae de la 3 session (Genève, 15—21 mai 1931).

ствие к развитию международной торговли. Английский империализм накануне Оттавской конференции выступал в роли защитника «свободной торговли». Гендерсон возражал против умножения европейских картелей, ссылаясь на «трудности» их образования, и предлагал передать этот вопрос на рассмотрение в специальный подкомитет. Перечисляя причины кризиса, Гендерсон подчеркнул необходимость искать общих, а не региональных решений и вновь призвал к всеобщему снижению таможенных тарифов.

Итальянский делегат Гранди выступил против преференций, рассматривая их как препятствие в международной торговле; он также был против таможенных союзов, считая их средством поглощения сильными государствами слабых. Предложив ввести в действие таможенную конвенцию 1930 г., итальянский делегат выдвинул проект взаимных предпочтений в области транспорта и льгот в области кредита и банковских операций. Итальянский империализм, пытавшийся в это время создать блок с Австрией и Венгрией, направленный против Франции и против Германии, обрушился «во имя борьбы с кризисом» на французский и германский планы создания политических и экономических блоков.

Французский план «объединения Европы» нашел поддержку только у представителей аграрных стран Восточной Европы, зависимых от Франции, и был отвергнут «европейской комиссией». Что же касается германского плана «объединения Европы», то он также потерпел крушение. По настоянию делегаций Франции, Югославии, Чехословакии и Италии Совет Лиги наций, заседавший одновременно с «европейской комиссией», постановил передать дело в Международный суд, который объявил австро-германское соглашение несовместимым с Версальским и Сен-Жерменским договорами и Женевским протоколом 1922 г. Это соглашение было расторгнуто.

Однако это была пиррова победа французской «панъевропейской» политики. Она вела к дальнейшему обострению франко-германских противоречий. Хотя Германия была вынуждена отказаться от соглашения об аншлюссе, германские правящие круги в ходе всех дальнейших переговоров с французскими реакционерами выдвигали все новые и новые требования. Обострение франко-германских противоречий в вопросе «объединения Европы»,

а также те удары, которые были нанесены Советским Союзом «панъевропейским» планам французской реакции, значительно ускорили решение германского правительства продлить советско-германский договор о дружбе и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. Подписание 24 июня 1931 г. в Москве протокола о продлении этого договора¹ явственно обозначило банкротство империалистических замыслов «объединения Европы» против СССР.

Неудача французского «европейского» плана на майской сессии «европейской комиссии» была очевидна для французских империалистических кругов, хотя Франсуа Понсэ и пытался в своем выступлении 5 июня убедить палату депутатов в том, что в Женеве Франция сумела «оживить» «пан-Европу»². Французская печать отмечала неудачу организации «европейского экономического сотрудничества».

На сессию ассамблеи Лиги наций и «европейской комиссии» в сентябре 1931 г. французская дипломатия шла без надежды на успех. Об этом говорил похоронный тон французской печати. Работы «европейской комиссии» не представляют «существенного интереса», — заявляла передовая «Тан», подчеркивая, что дело «экономической организации Европы» рассчитано на долгие годы и, как подсказывает опыт, требует осторожного подхода³.

К открытию сессии в подкомитетах «европейской комиссии» были еще раз обсуждены французские «панъевропейские» планы, но плодом этих дебатов были лишь общие фразы и благие пожелания.

На заседании «европейской комиссии» 3 сентября 1931 г. советская делегация дала отпор попыткам представителей Франции, Швейцарии и некоторых других стран похоронить советское предложение пакта об экономическом ненападении в экономическом комитете Лиги наций и при поддержке представителей Германии и Италии настояла на создании специального подкомитета для его обсуждения. Даже реакционная американская печать признавала, что на сессии «европейской комиссии» Советский Союз одержал победу.

¹ См. «Известия», 25 июня 1931 г.

² «Journal Officiel». Débats parlementaires. Chambre des députés 1931, p. 2865.

³ «Temps», 1. IX. 1931.

Резолюция «европейской комиссии», в которой не было ни одного принципиально согласованного решения, была передана на обсуждение ассамблеи Лиги наций. Как французская, так и иностранная буржуазная печать отмечала провал «панъевропейских» усилий Франции. «Комиссия по изучению «европейского союза» не смогла употребить в конструктивных целях предложенный ей материал...»¹, — подводил итоги деятельности комиссии английский буржуазный журнал «Экономист».

Ассамблея Лиги наций, продлив существование комиссии, рекомендовала ей в своей работе максимально прибегать к помощи технических организаций Лиги, т. е. окончательно упразднила всякое подобие особого статуса комиссии, который ей старалась придать ранее французская дипломатия.

Провал «панъевропейского» плана был официально признан французским правительством в форме заявления министра торговли Роллена об итогах сессии двенадцатой ассамблеи Лиги наций.

Финалом французской политики организации экономического антисоветского блока через «европейскую комиссию» было заседание одного из ее подкомитетов 5 ноября 1931 г. В этот день подкомитет по изучению советского предложения был вынужден дать ответ на вопрос, поставленный Советским Союзом: за экономический мир или за экономическую войну стоят капиталистические государства. Несмотря на саботаж советского предложения большинством делегаций капиталистических стран, под давлением советской делегации, разоблачавшей эти маневры, была принята резолюция: 1) Комитет одобряет общую идею, лежащую в основе советского предложения пакта экономического ненападения; 2) Комитет признает возможность мирного сосуществования стран, имеющих различные социально-экономические системы, и подчеркивает необходимость для государств руководствоваться в их экономических взаимоотношениях исключительно потребностями их экономической жизни, отвлекаясь от соображений, основанных исключительно на факте различия политических и социальных систем². Это было официальное осуждение органом «европейской

¹ «Economist», 12. IX. 1931, p. 1233.

² См. «Сборники документов по международной политике и международному праву», вып. III, НКВД М. 1932, стр. 145.

комиссии» попыток экономического «объединения Европы» против Советского Союза.

В это же время, осенью 1931 г., достигла своей кульминационной точки французская политика «объединения Европы» на основе антисоветского сговора с Германией. В конце сентября 1931 г. Лаваль и Бриан прибыли в Берлин и вели там переговоры с Брюнингом, Зеверингом, Лютером и другими руководителями германского правительства, промышленности и финансов.

Французская делегация выдвинула предложение предоставить Германии значительные кредиты при условии участия французских монополий в крупных германских предприятиях и даже поставила вопрос о возможности совместной эксплуатации французских колоний. Французские империалисты вновь пытались создать экономическую основу политического антисоветского соглашения с Германией. Германская сторона выдвинула свои предварительные условия франко-германского политического соглашения: образование франко-германского таможенного союза и предоставление Германии займа в миллиард марок. Принятие этих условий означало бы установление господства германских монополий на французском рынке.

Не удивительно, что в конечном итоге этот торг закончился лишь образованием смешанной франко-германской экономической комиссии, состоявшей из крупнейших промышленников и финансистов и руководимой правительствами. Комиссии было поручено разрабатывать интересующие обе стороны экономические проблемы. Перспективы работ этой комиссии не вызывали особых надежд во французских правящих кругах. Буржуазная печать Франции отзывалась о них в весьма скептическом тоне.

Результаты дальнейших франко-германских переговоров по вопросам о репарациях, о франко-германском экономическом сотрудничестве и т. д., которые велись и дипломатическим путем, и в рамках франко-германской смешанной комиссии, вполне оправдали скептические прогнозы французской печати. Германским требованиям отмены репараций и предоставления кредитов Германии по-прежнему были противопоставлены французские требования предоставления французским монополиям контроля над германской промышленностью, прекращения

государственных субсидий германским монополиям, прекращения кредитов советским заказам в Германии, сокращения германских расходов на вооружение и т. д. Рупоры французских монополий («Юзин», «Тан») вели кампанию против предоставления кредитов Германии, поскольку они укрепили бы конкурентоспособность германской промышленности на французском рынке, и требовали принятия строжайших мер против германского демпинга во Францию. Даже «панъевропейский» глашатай — журнал «Эроп нувель» констатировал бессмысленность и бесплодность экономических переговоров с Германией, так как «решение является прежде всего политическим»¹.

Проблема франко-германского сговора находилась в тупике. Развитие экономического кризиса во Франции все более и более ослабляло французский империализм и обостряло его противоречия с его германским, английским, итальянским, американским и другими конкурентами. Углублявшийся экономический кризис, еще более обостряя противоречия внутри Германии, способствуя разгулу гитлеровского реваншизма в Германии, окончательно хоронил лелеявшиеся еще два года назад французскими империалистами планы франко-германской «пан-Европы». Выступая с речью 20 декабря 1931 г., Лаваль вынужден был признать бесплодность всех усилий французского империализма сколотить франко-германский блок под главенством Франции. В декабре 1931 — январе 1932 г. окончательно определилась безуспешность деятельности «европейской комиссии» по изысканию мер борьбы с «экономическим кризисом в Европе». Ответы европейских капиталистических государств на разосланный комиссией доклад экономических экспертов с различного рода рекомендациями по экономическому «объединению Европы»² еще раз показали непримиримость империалистических противоречий во всех вопросах экономической политики, бессмысленность «панъевропейских» проектов излечения европейского капитализма. Дальнейшая деятельность «европейской комиссии» ограничилась чисто техническими функциями.

¹ «Europe Nouvelle», 16. I. 1932, p. 70.

² «Europe Nouvelle», 20. VIII. 1932. Тексты доклада экспертов и ответов европейских правительств.

«Панъевропейские» планы французской реакции потерпели полный провал.

Тщетно пытались французские реакционеры сплотить «панъевропейский» блок капиталистических государств, запугивая своих партнеров мифической «большевистской угрозой», «концом Европы» и «концом нашей цивилизации». Французские реакционные правящие круги просчитались, думая, что оплот международной реакции — монополисты Соединенных Штатов признают Францию главной ударной силой агрессии против СССР, что германская буржуазия, метавшаяся в тисках экономического кризиса, в страхе перед назревавшей в Германии революцией пойдет на контрреволюционный и антисоветский сговор с Францией, будучи привлечена обещаниями крупных французских займов и некоторыми отступлениями от Версальского договора, сделанными Францией под давлением США и Англии. Тщетно пытались они спекулировать на англо-американских, германо-американских, англо-германских, итало-американских империалистических противоречиях, домогаясь предоставления империалистической Франции роли организатора «пан-Европы».

Об этих маневрах можно судить по плану, выдвигавшемуся Лавалем. Летом 1931 г. Лаваль в своих беседах с американским послом Эджем неоднократно развивал программу антисоветского сотрудничества Франции и США, предлагая Соединенным Штатам предоставить Франции свободу действий в Европе, устранив Англию от вмешательства в европейские дела, и содействовать франко-германскому соглашению. «Объединить Европу» под главенством Франции, «отбросить Россию в Азию», предоставить Соединенным Штатам главенство в «англо-саксонском мире» — такова была программа Лавалю, пытавшегося играть на англо-американских противоречиях и прежде всего на ненависти американского империализма к СССР¹.

Американские монополисты отвергли претензии французских реакционеров на руководство «объединением Европы» и по-прежнему делали ставку на восстановление германского милитаризма как основной ударной силы для войны против СССР. Опираясь на поддержку аме-

¹ *Edge, Walter, A Jerseyman's Journal, Princeton 1948, p. 207.*

риканских и английских монополий, германская буржуазия отвергла французскую помощь в борьбе с революцией и, наоборот, сделала ставку на самую реваншистскую партию германского империализма — партию гитлеровцев.

Правящие круги Германии вели антисоветский «европейский» торг с французской реакцией, используя его, чтобы порвать последние путы Версальского договора, стягивавшие германский милитаризм, и подготовить почву для реваншистской войны против Франции за «объединение Европы» под эгидой Германии.

Таким образом, политика «объединения Европы», проводившаяся французскими реакционными кругами, носила непоправимый ущерб национальным интересам Франции.

4. Переход инициативы «объединения Европы» к германскому империализму

В 1932 г. план «пацифистской» «пан-Европы» Бриана был уже похоронен в архивах Лиги наций. На смену французской «пан-Европе» все более активно выдвигаются германские проекты «объединения Европы», направленные на пересмотр версальской системы и создание блока европейских государств во главе с Германией.

Франция оказалась бессильной перед Германией, подерживавшейся Соединенными Штатами и Англией. Экономический кризис, уже свирепствовавший во Франции, лишил ее прежних преимуществ в отношении ее империалистических партнеров и прежних возможностей давления на них. Позиции французского империализма в борьбе за версальскую систему непрерывно ослабевали по мере развития кризиса в стране.

Империалистические группировки во Франции все еще делали попытки создать агрессивный блок европейских государств. Так, например, 5 февраля 1932 г. на международной конференции по разоружению Тардье, сменивший Лавала, выдвинул проект «организации безопасности» путем создания некой «международной армии». Этот проект был явно рассчитан на то, что Франция с ее военными союзами будет играть в такой армии руководящую роль. Реакционная сущность проекта «международной армии»

была до конца разоблачена советской делегацией на конференции, и он потерпел провал.

1 марта в своей речи в финансовой комиссии палаты депутатов Тардьё выдвинул другой проект — проект создания «Дунайской федерации», разрекламированный французской буржуазной печатью как «первый шаг» на пути к «объединению Европы». Речь шла о создании блока государств Восточной Европы под руководством Франции, но теперь этот блок проектировался без Германии и против нее.

План «Дунайской федерации» представлял собой видоизмененный «европейский» план, выдвинутый в мае 1931 г. Франсуа — Понсэ: государства Восточной Европы учреждают систему преференций для стимулирования торговли между ними, закрывая доступ германской и итальянской экспансии на юго-восток. Франция, опираясь на Малую Антанту, выступала бы в роли главного кредитора и руководителя «Дунайской федерации».

Этот план, обсуждавшийся на нескольких конференциях весной и летом 1932 г., постигла та же участь, что и план «пан-Европы». Против него выступили Германия и Италия, а также Англия и Соединенные Штаты, поддерживавшие Германию.

По мере того как слабели политические и экономические позиции французского империализма в Европе, ослабевало его влияние на малые государства Восточной Европы. Оно все более вытеснялось германским империализмом, поддерживаемым Соединенными Штатами. Так, например, Соединенные Штаты потребовали участия Германии в проектировавшейся Тардьё «Дунайской федерации». Лозунг образования «среднеевропейской федерации» от Прибалтики до Эгейского моря во главе с Германией служил германскому империализму прикрытием его стремления установить свое господство в Европе¹. В этом направлении все более активизировал свою деятельность «Союз немцев за рубежом», который уже на протяжении нескольких лет вел пангерманскую пропаганду в 24 европейских государствах.

Одновременно происходило дальнейшее обострение франко-германских противоречий. На конференции по

¹ *Wirsing, G., Zwischen Europa und die deutsche Zukunft, Jena 1932, S. 302.*

разоружению в 1932 г. Германия, поощряемая неофициальным согласием Соединенных Штатов и Англии на аннулирование военных статей Версальского договора, вступила в ожесточенную схватку с Францией, требуя «равноправия» в вооружениях. Выборы в прусский ландтаг и президентские выборы весной 1932 г. показали резкий рост гитлеровского реваншизма и антифранцузских настроений в Германии. Летом 1932 г. в Лозанне германский империализм с помощью США и Англии добился отмены репараций. 29 августа германское правительство официально потребовало у Франции согласия на упразднение военных статей Версальского договора. 18 сентября Германия, потребовав «равенства» в вооружениях, демонстративно покинула конференцию по разоружению. Под натиском германского империализма, поддерживаемого Италией и поощряемого Англией и США, версальская система, основа былой мощи французского империализма, трещала и рассыпалась.

Перед французскими правящими кругами все чаще вставал призрак войны с Германией. Эти настроения ярко характеризует документ, распространенный в начале 1932 г. докладчиком военного бюджета Буйю Лафоном в палате депутатов; после перечисления тайных и явных вооружений Германии в нем указывалось на борьбу двух группировок в Европе — «за» и «против» версальской системы. «Хотя этого или нет, Франция, с одной стороны, Германия — с другой, стоят во главе этих двух группировок, и обе позиции... кажутся непримиримыми»¹, — говорилось в докладе.

Уже тогда некоторые французские монополисты стали на путь, по которому в настоящее время идут французские поборники «европейской интеграции». От «духа Бриана», стремившегося соорудить «пан-Европу» во главе с Францией и «канализировать» германскую агрессию на Восток, французские правящие круги начали эволюционизировать к «духу Виши» — духу подчинения Франции германскому милитаризму в рамках гитлеровского «нового порядка».

В Париже и в Берлине развернули деятельность отделения «франко-германского комитета исследований», организованного еще в 1926 г. под германским руководством

¹ «Temps», 24. II. 1932.

при активном содействии люксембургского магната промышленности Майриша. С германской стороны в комитет входили крупнейшие промышленники Рура и Рейнской области, председатель Немецкого банка фон Штаусе, банкиры Мендельсон, Варбург и др., с французской стороны — председатель «Комитэ дез уйер» де Пейеримхоф, глава электроконцерна Мерсье и др. Комитет финансировал фашистские пропагандистские организации во Франции, в которых подвизались будущий гитлеровский посол в Париже Абец, будущий вишист, редактор журнала «Нотр тан» Жан Люшер и др. Лозунг, выдвигавшийся этими организациями, был сформулирован Абецом: «Германия предназначена возглавить Запад против азиатского большевизма»¹.

Инициатива «объединения Европы» перешла к германскому империализму. Это признавал даже оракул французской «пан-Европы» Бриан незадолго до своей смерти в 1932 г. в беседе с журналисткой Женевьевой Табуи: «Боюсь,— говорил он,— что политическая инициатива нами потеряна и что «европейский союз» осуществит когда-либо германская армия»².

Безуспешность попыток «объединения Европы», предпринявшихся правительствами Тардье и Лавала, рост реваншистских настроений в Германии вызывали растущее недовольство французской общественности. Даже многие буржуазные политические деятели Франции все более убеждались, что «локарнская» политика создания антисоветского блока противоречила национальным интересам страны. Проявлением таких настроений было, в частности, выступление радикала Маргэна в палате депутатов 5 июня 1931 г. Анализируя попытки французского правительства воспрепятствовать германской инициативе в «объединении Европы», Маргэн подчеркивал тщетность французских усилий противодействовать германской экспансии и невозможность решать экономические проблемы Европы без участия Советского Союза³.

Во французских правящих кругах постепенно распространялось убеждение в необходимости изменить поли-

¹ *Otto Abetz, Histoire d'une politique franco — allemande, 1932—1950, P. 1953, p. 229.*

² *Tabouis, Geneviève, Ils l'ont appelée Cassandre, N. Y. 1942, p. 109.*

³ «*Journal Officiel*». Débats. Chambre des députés, 1931, p. 2855—2858.

тику в отношении Советского Союза. Самые злейшие враги Советского Союза во Франции вынуждены были признавать рост экономической, политической и военной мощи СССР и его международного авторитета. В условиях углублявшегося экономического кризиса советский рынок все более притягивал французских промышленников. Журнал «Комитэ де Форж» — «Юзин», подсчитав в июле 1931 г. барыши английских, германских и американских промышленников от советских заказов, отмечал: «Очевидно, деловые отношения с Советской Россией достигают такого размаха, которым нельзя пренебрегать и из которого все другие промышленные страны извлекли выгоду». Уже в 1931 г. во французском парламенте образовалась группировка из 160 депутатов различных партий, возглавлявшаяся радикалами де Монзи и Бержери, которая требовала улучшения деловых отношений с Советским Союзом.

Эти настроения во французских правящих кругах, усиливая тенденцию к мирным отношениям с Советским Союзом, вынудили правительство Лаваля предпринять некоторые шаги, способствовавшие ослаблению напряженности в советско-французских отношениях. Летом 1931 г. в Париже начались советско-французские переговоры о заключении пакта о ненападении и торгового соглашения. Французское правительство отменило антисоветский декрет от 3 октября 1930 г. После этого Советское правительство отменило действие постановления от 20 октября 1930 г. в отношении Франции¹.

Переговоры с СССР вызвали живейший интерес в кругах французских промышленников. Нсдаром делегация в составе Дюшемена, Марлио (некогда ратовавших за франко-германскую «пан-Европу») и ряда других крупных промышленников явилась в сентябре 1931 г. к министру торговли Роллену с выражением благодарности за стремление к улучшению отношений с СССР, которое, по их мнению, могло бы «уничтожить» или «уменьшить» дефицит торгового баланса Франции².

Последовательная борьба Советского Союза за мир выбивала из рук проповедников «объединения» империалистов против СССР оружие клеветнических утверждений

¹ «Правда», 17 июля 1931 г.

² «Usine», 11. IX. 1931.

о необходимости «обороны» против Советского Союза. В январе — июле 1932 г. Советский Союз подписал договор о ненападении и конвенции о согласительной процедуре с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей. В это же время СССР вел переговоры о заключении пакта о ненападении с Румынией. На международной конференции по разоружению советская делегация выступила с предложением подлинного всеобщего разоружения. Даже враги Советского Союза вынуждены были признавать его стремление к миру.

По мере роста угрозы германского реваншизма во французских политических кругах усиливалась тенденция к сближению с Советским Союзом. На парламентских выборах 1932 г. реакционеры во главе с Тардье, выступавшие под антисоветскими лозунгами, потерпели поражение. К власти пришло правительство коалиции левых партий во главе с Эррио. В ноябре 1932 г. были завершены советско-французские переговоры о заключении пакта о ненападении.

Призывы реакционеров к «объединению Европы» против СССР под главенством Германии встречали отпор со стороны всех патриотов Франции независимо от их политических убеждений. Так, например, когда на Лозаннской конференции 1932 г. германский рейхсканцлер фон Папен предложил премьер-министру Эррио заключить франко-германский союз против СССР при условии полного упразднения Версальского договора, Эррио решительно отверг этот план.

В беседе с английским министром Самуэлем летом 1932 г. Эррио подчеркнул, что главной опасностью для Франции является опасность со стороны германского милитаризма; отсюда вытекали и задачи французской внешней политики¹.

Логика событий неизбежно вела правящие круги Франции к тому, что на смену идее франко-германского «объединения Европы» против СССР все более выдвигалась идея солидарности с Советским Союзом в его борьбе за создание системы европейской безопасности против агрессивных поползновений германских милитаристов.

¹ Memoirs by Rt. Hon. Viscount Samuel, L. 1945, p. 225.

5. Пропаганда «объединения Европы» на службе гитлеровской агрессии и борьба СССР за европейскую безопасность

Современные апологеты «европейской интеграции», отмечая крах плана «пан-Европы», на этом обычно заканчивают свое исследование попыток «объединения Европы» перед второй мировой войной. Так, самый плодовитый из них, Куденгове-Калерги в своих многочисленных книгах подчеркивает, что после прихода гитлеровцев к власти их враждебность «панъевропейскому движению» обусловила его неудачу. Но тот же Куденгове-Калерги ни словом не упоминает о том, что пропаганда «объединения Европы» широко использовалась гитлеровцами. Недомолвки Куденгове-Калерги и других пропагандистов Соединенных Штатов Европы вполне понятны. Призывая к сплочению замкнутого блока с участием милитаристской Западной Германии, они стараются предать забвению последствия подобной политики «объединения Европы» в 30-х годах. Между тем «панъевропейская» фразеология была широко распространена и в тот период и также служила на благо империалистических сил Германии, готовившихся к новой войне. «Панъевропейские» пропагандисты тогда, как и теперь, призывали к спасению «европейской цивилизации» и «европейского мира» и т. п., маскируя агрессивные замыслы германских милитаристов.

Уже в 1931 г. представители крупнейших германских монополий, например Гуго Стиннес, предлагали Гитлеру использовать лозунг «объединения Европы» в целях присоединения к Германии территорий стран Восточной и Юго-Восточной Европы. В 1932 г. гитлеровцы открыто провозгласили свою программу «объединения Европы», сформулированную Вильгельмом Кубе, впоследствии председателем прусского сейма. Кубе проектировал создание под руководством Германии некой «европейской федерации». В числе необходимых условий осуществления своего проекта он выставлял отмену Версальского договора, присоединение к Германии ряда пограничных областей и соседних стран и даже выплату Францией репараций Германии!

После прихода гитлеровцев к власти была начата широкая кампания за создание «срединной Европы» путем объединения всех территорий от Эльзаса до бассейна

Волги. Эти планы были уже давно известны и санкционированы империалистическими кругами США. Международная реакция вручила знамя «объединения Европы» против Советского Союза и рабочего движения германскому фашизму. В январе 1933 г. Шахт заявил в беседе с Куденгове-Калерги: «Гитлер — единственный человек, способный примирить Германию с западными державами. Вы увидите! Гитлер создаст пан-Европу!».

Проповедники создания «германской Европы» развернули свою деятельность. Идеолог германского империализма Карл Гаусгофер и «панъевропеец» Ялмар Шахт призывали Гитлера создать «европейскую федерацию», возглавляемую Германией. Гаусгофер объявлял это необходимым для «защиты европейской цивилизации» от «угрозы» с Востока. «История двух тысячелетий учит, — писал он в январе 1934 г. в журнале «Цайтшрифт фюр геополитик», — что благодаря усилиям германской нации останавливались движения, шедшие с азиатского востока». Другой идеолог германского империализма — Онкен обосновывал в своей книге «Нация и история», вышедшей в 1935 г., необходимость создания «срединной Европы», с тем чтобы Германия могла взять на себя «естественное руководство Европой».

Геббельсовской пропаганде, подготовлявшей вооруженную агрессию германского империализма, лозунг «объединения Европы» в целях «защиты цивилизации против коммунизма и большевизма» оказался чрезвычайно полезен для прикрытия истинных целей гитлеровцев. Он оправдывал «Дранг нах остен»; он позволил фашистской Германии, проповедовавшей «идею» «крестового похода против большевизма», получить благословение и поддержку ее империалистических конкурентов в восстановлении ее военного потенциала и ее экспансии на Восток, в развязывании гитлеровской агрессии в Европе. Не случайно в день, когда гитлеровская Германия объявила о своем отказе от дальнейших разговоров о разоружении и покинула Лигу наций, рупор нацистов газета «Фелькишер беобахтер» выступила с заявлением о том, что Гитлер — «великий европеец, который желает добра народам больше, чем их собственные политические деятели». А в период заключения англо-германского морского соглашения в июне 1935 г., открывавшего путь военно-морским вооружениям гитлеровцев, Риббентроп ораторствовал в

Лондоне перед журналистами о том, что «Англия, Франция, Германия и другие европейские государства должны быть объединены в усилиях защитить культуру старого мира».

Международная реакция, стремившаяся направить гитлеровскую агрессию против СССР, не раз прибегала к лозунгу «объединения Европы» для маскировки попыток создания антисоветского блока с участием фашистской Германии. Уже в 1933 г., вскоре после прихода к власти гитлеровцев, лозунг «объединения Европы» был выдвинут участниками так называемого «пакта четырех». Этот «пакт согласия и сотрудничества» Великобритании, Германии, Франции и Италии, подписанный 15 июля 1933 г. в Риме и одобренный Соединенными Штатами, был попыткой реакционных правительств четырех великих держав подчинить своей гегемонии Европу и противопоставить Советскому Союзу замкнутый «европейский» блок. Как указывал в своих мемуарах один из членов французской делегации в Риме — Лагардель, целью пакта было «включить Германию в Европу» и «дать ей направление на восток»¹. Не случайно в тексте «пакта четырех» было упомянуто о необходимости предоставить Германии «равенство прав» в области вооружений.

Эти агрессивные замыслы были замаскированы лицемерной фразеологией о стремлении договаривающихся сторон «укрепить веру в мир в Европе» и сотрудничать в целях ее экономического «процветания». Инициатор «пакта» Муссолини провозглашал основной задачей «продолжение и развитие духа сотрудничества между государствами в соответствии с Локарнским пактом».

Вновь была мобилизована «панъевропейская» пропаганда. Летом 1933 г. Куденгове-Калерги снова объезжал европейские столицы, предлагая различным государственным деятелям создать на основе предложений Муссолини некую систему «безопасности», «организовать европейский оборонительный, а может быть и наступательный союз». Непременным условием «объединения Европы» Куденгове-Калерги объявлял предоставление Германии полного «равенства» в вооружениях. «Панъевропейское движение» еще на III «панъевропейском» конгрессе в Базеле в октябре 1932 г. наметило программу

¹ *Lagardelle, H. Mission à Rome, Paris 1955, p. 25, 33.*

создания Соединенных Штатов Европы; ядром этого блока должно было быть «франко-германское сближение», а основной целью — борьба против «коммунистической опасности». В 1933 г. деятельность «панъевропейского движения» была активно направлена на поддержку «пакта четырех». Именно в этот период, летом 1933 г., в Берлине и Париже возникла новая «панъевропейская» организация — «европейский расистский союз», по своему духу вполне соответствовавшая «пакту четырех». Этот союз, возглавлявшийся фашистами фон Ревентловым и Робером де Фабр-Люсом, ставил своей задачей «объединение Европы» «в борьбе против опасности большевизма».

Несмотря на ухищрения реакционной пропаганды, изображавшей «пакт четырех» как орудие мира, его подлинный характер был разгадан общественностью европейских стран. «Нам говорят о «рамках Лиги наций», о безопасности, о «европейской комиссии», как будто бы все эти громкие слова должны повлечь наше восторженное присоединение к итало-германской инициативе», — писала французская радикальная газета «Эр нувель». Газета указывала, что это соглашение «устанавливает над Европой гегемонию итало-германской коалиции»¹. Раскрывая опасность, которой чревато участие Франции в «пакте четырех», французский журналист Пертинакс подчеркивал, что оно означает включение ее в германскую «срединную Европу», о которой всегда мечтали германские милитаристы.

Резкая критика римского соглашения четырех держав в общественных кругах Франции и ряда других европейских стран, с одной стороны, противоречия между участниками соглашения — с другой, помешали ратификации «пакта согласия и сотрудничества».

Однако и в дальнейшем «панъевропейская» фразеология служила для маскировки политики поощрения гитлеровской агрессии против СССР, проводившейся империалистами западных держав. Под флагом «включения» Германии в Европу, в частности, подготавливались и заключались пресловутые мюнхенские соглашения 1938 г. Так, например, во Франции Пьер Лаваль и другие пособники Гитлера проповедовали необходимость уболагодворять Германию за счет Востока во имя спасения Европы от «большевистской опасности». Бывший поборник локарнской

¹ «Ere Nouvelle», 26. V. 1933.

«пан-Европы» Фланден, пославший Гитлеру по случаю заключения мюнхенских соглашений поздравительную телеграмму, обосновывал коллаборационизм тем, что это «необходимо для Европы». А гитлеровский фельдмаршал фон Кейтель на процессе германских военных преступников в Нюрнберге недвусмысленно заявил, что «цель Мюнхена состояла в том, чтобы изолировать Россию от Европы...» Лозунг «объединения Европы» во имя «мира» поджигатели войны противопоставляли предложениям Советского Союза о создании системы коллективной безопасности в Европе.

Неуклонно осуществляя миролюбивую политику, советская дипломатия в 30-х годах провела ряд важных внешнеполитических мер, направленных на объединение усилий всех европейских государств в интересах обеспечения мира и безопасности в Европе.

В 1933 г. на международной конференции по разоружению Советский Союз выдвинул проект декларации об определении нападающей стороны. Это определение агрессии было включено в проект европейского договора о безопасности, разработанный на конференции комитетом по безопасности. Хотя западные державы помешали принятию этих предложений конференцией, Советский Союз всемерно стремился провести их в жизнь, подписав в 1933 г. с пограничными с ним государствами конвенцию об определении агрессии.

В 1934 г. на конференции по разоружению Советский Союз выдвинул предложение о заключении региональных пактов о взаимной помощи, открытых для присоединения всех заинтересованных государств. Это предложение о создании системы коллективной безопасности было впоследствии развито в последующих выступлениях советской делегации в Лиге наций в 1935 и 1936 гг. Оно имело особое значение в связи с нарастанием угрозы агрессии со стороны германского империализма. Советский Союз, отстаивая принцип мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем, активно разоблачал поджигателей войны, пытавшихся противопоставить СССР «объединенную» капиталистическую Европу. Так, выступая в Совете Лиги наций 17 марта 1936 г., советский делегат М. М. Литвинов показал, что за «миролюбивыми» декларациями гитлеровской дипломатии кроется стремление Германии к установлению своей геге-

монии на всем европейском континенте. Он разоблачил стремление Гитлера противопоставить одну часть Европы другой с тем, чтобы, гарантировав ненападение на одну часть, получить свободу рук для расправы с другой частью Европы. Советский делегат призывал к созданию подлинной безопасности в Европе, подчеркивая, что «нельзя бороться за коллективную организацию безопасности, не принимая коллективных мер против нарушения международных обязательств»¹.

Советский Союз прилагал энергичные усилия для организации через посредство Лиги наций коллективного отпора любой агрессии в Европе.

СССР внес ряд предложений, направленных на ускорение разрешения в органах Лиги вопросов об определении фактов агрессии, государства-агрессора и о решении этих вопросов Советом Лиги не единогласно, как это было принято в Уставе, а большинством в три четверти голосов. Применение военных санкций в этом случае было бы обязательно для государств — участников договоров о взаимопомощи и для государств, которые пожелали бы согласовать свои действия с резолюцией Совета. Применение других санкций (дипломатических, экономических и пр.) было бы обязательно для всех членов Лиги, если Совет примет об этом решение большинством в три четверти голосов. Однако представители западных держав в Лиге наций срывали принятие советских предложений.

Наряду с усилиями, предпринимавшимися в рамках Лиги наций, Советский Союз стремился к заключению пактов о взаимопомощи против агрессоров со всеми западными неагрессивными государствами. Когда Франция выдвинула в 1934 г. идею восточного регионального пакта о взаимопомощи в составе СССР, Германии, Чехословакии, Польши и всех прибалтийских государств, с участием Франции в качестве гаранта пакта, Советский Союз активно поддержал это предложение. Когда проект восточного пакта потерпел неудачу вследствие сопротивления гитлеровской Германии и буржуазно-помещичьей Польши, Советский Союз заключил в 1935 г. договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Однако осуществление этих договоров было сорвано по вине реакционных французских, английских и чехословацких политиков.

¹ «Внешняя политика СССР», т. IV, М. 1946, стр. 108.

Реакционные круги западных держав и прежде всего Англии и Франции, поощряемые монополистами США, отказывались от сотрудничества с Советским Союзом, призывавшим обуздать германских милитаристов и предотвратить развязывание второй мировой войны. Стремясь натравить Германию на Советский Союз, они предали Гитлеру Австрию и Чехословакию, строя свои расчеты на перспективах близкой войны Германии с Советским Союзом.

Советское правительство, продолжая свою борьбу за мир в Европе, весной 1939 г. начало с правительствами Англии и Франции переговоры относительно заключения пакта о взаимной помощи. Международная обстановка в 1939 г. настоятельно требовала скорейшего заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи, ибо это было единственное средство, способное остановить дальнейшее развязывание фашистской агрессии.

Советское правительство предлагало немедленное «заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны; заключение конкретного военного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров»¹.

Между тем английское и французское правительства преследовали совершенно иные цели, цели провокации германо-советского конфликта. Даже в официальных документах не упоминается о намерении правительств Великобритании и Франции заключить какой-либо договор с СССР. Так, в английской ноте французскому правительству от 24 апреля 1939 г. указывается: «Политика, которую преследует правительство Его Величества в переговорах с Советским правительством, имеет целью попытаться согласовать следующие положения: а) не упускать возможность получения помощи Советского Союза в случае войны; б) не компрометировать общий фронт, проходя мимо возражений со стороны Польши и Румынии; в) не отвращать симпатии всего мира, давая предлог для анти-

¹ «Фальсификаторы истории». Историческая справка, стр. 39.

коминтерновской пропаганды Германии; г) не компрометировать дело мира, вызывая со стороны Германии какие-либо насильственные действия»¹.

Этот официальный документ свидетельствует, что английское правительство не намеревалось преградить путь фашистскому агрессору, опасаясь вызвать его неудовольствие. Оно не имело намерения защищать малые страны путем создания подлинного фронта коллективной безопасности, а, наоборот, поощряло антисоветскую политику профашистских правящих кругов в этих странах.

Замысел англо-французской дипломатии заключался в том, чтобы, бесконечно затягивая переговоры с СССР то путем выдвижения совершенно неприемлемых для Советского Союза условий, то путем посылки в Москву второстепенных и не имеющих необходимых полномочий лиц, обвинить в затягивании переговоров Советский Союз и, вызвав разочарование широкой общественности в отношении СССР, попытаться заключить с Гитлером новую сделку за счет Советского Союза.

В своих публичных выступлениях и в тайных переговорах их представителей с гитлеровскими уполномоченными Чемберлен и Галифакс не раз намекали на желательность соглашения с Гитлером. Подобную позицию занимали и французские правящие круги. Министр иностранных дел Боннэ неоднократно высказывался за прекращение всякой активной дипломатической деятельности в странах Восточной Европы и за разрыв существовавших с ними союзных соглашений.

В то же время в английской и французской реакционной печати велась разнузданная антисоветская кампания и раздавались призывы к соглашению с Германией. Было очевидно, что лицемерные заявления английского и французского правительств о стремлении сотрудничать с СССР в целях укрепления мира были только маскировкой их подлинных замыслов. Английские и французские империалисты явно поощряли гитлеровскую агрессию против Советского Союза.

В таких условиях Советское правительство вынуждено было принять предложение Германии о заключении пакта о ненападении. Сделав все возможное для организации

¹ Цит. [по книге] *Gafenco, G. Derniers jours de l'Europe*, Paris 1946, p. 203—204.

системы коллективной безопасности, Советский Союз стремился создать наилучшие условия для подготовки к борьбе с фашистской агрессией. Эта подготовка была необходима для последующего разгрома Советской Армией гитлеровских полчищ и освобождения поработанных гитлеровцами народов Европы.

Попытки империалистических кругов западных держав накануне второй мировой войны противопоставить капиталистические государства Европы Советскому Союзу, используя в этих целях лозунг «объединения Европы», потерпели провал.

Результаты империалистической политики «объединения Европы», «включения» германских милитаристов в «Европу» хорошо известны. Предсмертное пророчество «отца» «пан-Европы» Бриана сбылось. Инициатива «объединения Европы» в конечном итоге перешла к гитлеровскому вермахту.

В 1940 г. под фашистским господством оказалась почти вся Западная Европа. После вступления германских войск в Париж в июне 1940 г. гитлеровцы вплотную занялись сколачиванием проповедовавшейся ими «европейской семьи наций»¹. Они провозгласили программу «экономического, политического и духовного создания Европы». Теоретически эта программа была обоснована еще в 1939 г. идеологом «гитлеровской Европы» Карлом Шмиттом в его пронизанной реваншистским духом брошюре «Теория больших пространств с государством-диктатором». Предвосхищая современных идеологов «объединения Европы», Шмитт писал, что непрерывно возрастающий уровень техники и «закон экономической концентрации» требовали более крупных сообществ и более обширных пространств, чем существующие национальные государства. Отсюда он выводил необходимость экономического и политического «объединения Европы», которое «образует вокруг его естественного ядра, Германии, единое целое с площадью около 6 млн. кв. км и с населением в 450 млн. жителей».

На практике это «объединение Европы» означало систематический организованный грабёж народов Европы германскими монополиями. Под предлогом экономического

¹ *Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee, 'Hitler's Europe', London 1954, p. 52.*

«объединения» стран Западной Европы германские монополии под видом «участия» в их промышленных объединениях фактически устанавливали свой контроль над народным хозяйством этих стран. Так, например, во вновь образованном объединении «Сосьете франколор», в которое вошли четыре завода крупнейшего французского химического треста «Кюльман», 51% акций принадлежал «ИГ Фарбениндустри». Характерно, что в числе членов административного совета «Франколор» фигурировала фамилия видного «панъевропейца» 20-х годов Дюшемена. Под видом создания наднационального «европейского рабочего» производилась ссылка рабочих Франции и других стран на каторжные работы в Германию. Под флагом «борьбы Европы за ее свободу», «защиты западной цивилизации», создания «условий для обеспечения мира» (!) и даже строительства «социализма» (!!) в Европе гитлеровцы набирали фашистский сброд во всех странах для ведения войны против Советского Союза.

Политическое «объединение Европы», производившееся гитлеровским вермахтом, сопровождалось истреблением миллионов европейцев. Недаром гитлеровский генерал Гудериан писал, что «европейская идея была впервые воплощена в войсках СС и что благодаря СС между нациями установились связи, которые было бы предпочтительно не разрывать». Фашистский разбой рекламировался гитлеровским идеологом Розенбергом на конгрессе «европейского союза» летом 1943 г. как «объединение Европы под знаком культуры против степного варварства».

Гитлеровский «новый порядок» во зрелую вторую мировую войну ярко продемонстрировал народам Европы сущность империалистического «объединения Европы» во имя «мира» и экономического «процветания». Ужасы гитлеровской «объединенной Европы» с ее лагерями смерти никогда не изгладятся из памяти народов.

* *
*

Французские реакционеры просчитались, думая создать «общность интересов» французских и германских монополий через международные картели. Соотношение сил в европейских картелях быстро изменялось в пользу германских монополий, тесно связанных с американским финансовым капиталом и опиравшихся на его поддержку.

По мере своего усиления германские монополисты все настойчивее стремились к перераспределению рынков, вторгаясь в сферы влияния своих французских партнеров. В результате этого европейские картели распались, раздираемые борьбой их участников за максимальные прибыли. Точно так же непримиримые противоречия между капиталистическими государствами привели к краху и другие попытки экономического «объединения Европы» (создания таможенных союзов и т. п.).

Попытки французских реакционеров осуществить политическое «объединение Европы», добиваясь «франко-германского примирения» на основе версальского статус-кво, также потерпели неудачу. Политика франко-германского антисоветского сговора использовалась германскими империалистами, опиравшимися на поддержку Соединенных Штатов и Англии, в целях ликвидации ограничений Версальского договора и подготовки реваншистской войны.

Французские империалисты тщетно надеялись преодолеть сопротивление своих германских, английских, американских и итальянских конкурентов в борьбе за рынки и сферы влияния в Европе, используя действие антисоветской интервенционистской тенденции во всем капиталистическом мире. Они просчитались, полагая, что подрывная деятельность контрреволюционных группировок внутри СССР и организация экономической блокады Советского Союза извне ослабят его оборонную мощь и облегчат, таким образом, создание агрессивного блока империалистов Европы, направленного против Советского государства. Следуя генеральной линии Коммунистической партии и под ее руководством, советский народ успешно строил социализм, сметая со своего пути агентов международной реакции. Экономическая, политическая и военная мощь и международный авторитет Советского Союза неуклонно возрастали. Советская внешняя политика мира и сотрудничества между всеми государствами активно способствовала победе в капиталистических странах тенденции к мирным отношениям с Советским государством. В своей борьбе за мирное сосуществование и сотрудничество со всеми странами Советский Союз опирался на поддержку рабочего класса, трудящихся масс во всем мире. Попытки международной реакции поставить Советский

Союз перед лицом объединенного фронта капиталистических государств окончили полным крахом.

В конечном итоге от выдвижения планов «объединения Европы» выиграли только империалистические силы Германии, самой развитой в экономическом отношении капиталистической страны европейского континента. По мере усиления Германии, в котором важную роль сыграла политика восстановления германского милитаризма как основной ударной силы для войны против СССР, проводившаяся правящими кругами США и Англии, германские империалисты все настойчивее противопоставляли проектам «пан-Европы» французских реакционеров свои планы «объединения Европы» вокруг Германии. После провала плана «пан-Европы» инициатива в «объединении Европы» окончательно перешла к германскому империализму.

В дальнейшем пропаганда «объединения» капиталистических государств Европы широко использовалась гитлеровцами. Она преследовала цели ослабления бдительности народов Европы в отношении агрессивных замыслов германских милитаристов. «Панъевропейская» пропаганда служила реакционным кругам западных держав для противодействия борьбе Советского Союза за организацию системы коллективной безопасности в Европе. С помощью призывов к «объединению» капиталистической Европы они стремились направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза. Однако жертвами этой политики раскола Европы стали в первую очередь сами западные государства.

Империалистические планы «объединения Европы» потерпели провал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение планов «объединения Европы», выдвигавшихся империалистами между первой и второй мировыми войнами, показывает полную несостоятельность попыток и современных идеологов «европейской интеграции» изобразить эти планы как средство обеспечения мира и экономического процветания в Европе. Как было показано, эти планы отражали прежде всего стремление империалистов разрешить противоречия, связанные с развитием и углублением общего кризиса капитализма, путем борьбы против первого в мире социалистического государства и за счет народных масс капиталистических стран Европы. Инициаторы этих планов преследовали сугубо империалистические цели, ничего общего не имевшие с жизненными интересами европейских народов.

Исторические факты свидетельствуют, что пропаганда «объединения Европы» в тот период велась империалистическими кругами западных держав в целях маскировки их политики порабощения народов и подготовки агрессивной войны. За планами экономического «объединения Европы» скрывались экспансионистские замыслы американских, германских, французских монополий, боровшихся за установление своего господства на рынках европейских стран. Планы политического «объединения Европы» были призваны прикрыть стремление империалистических держав создать агрессивный блок и их борьбу за господство в этом блоке. Острые планы «объединения Европы» было направлено против Советского Союза, являвшегося глав-

ным препятствием на пути империалистической политики порабощения народов и развязывания новой войны.

Реакционная сущность планов «объединения Европы» ярко проявилась при выдвижении наиболее значительного из них — проекта «пан-Европы». План «пан-Европы» был выдвинут в 1929—1930 гг., в момент вступления капиталистического мира в полосу экономического кризиса. С развитием кризиса резко обострились все противоречия капиталистической системы и активизировались попытки империалистов разрешить эти противоречия за счет Советского государства, успешно строившего социализм. В этой связи в ряде капиталистических стран усилилась тенденция к агрессии против СССР. Выразителями этой тенденции были и реакционные круги Франции — инициаторы плана «пан-Европы».

Реальным содержанием политики французских империалистов, маскировавшейся «панъевропейской» пропагандой, была попытка создать агрессивный блок европейских государств, ядром которого должен был быть союз французских и германских монополистов.

В качестве экономической основы этого блока его инициаторы рассматривали международные картели, объединявшие ряд отраслей промышленности преимущественно европейских государств. Главную роль в этих картелях играли французские и германские монополии. Посредством этих картелей предполагалось создать «общность интересов» французских и германских монополистов путем раздела между ними европейских рынков и даже противопоставить эту «общность» американской экспансии и английской конкуренции на европейском континенте.

Политической основой этого блока должен был стать сговор между французскими реакционерами и германскими милитаристами о совместной войне против Советского Союза, происходивший под вывеской «франко-германского сближения».

Таким образом, французские реакционные правящие круги рассчитывали направить на Восток реваншистские устремления германского милитаризма, усиливавшегося с помощью американских монополий и пытавшегося порвать путы Версальского мира. Главенство Франции в проектировавшемся антисоветском блоке французские империалисты надеялись обеспечить, используя преимущества Франции как державы — победительницы в первой миро-

вой войне. Свое главенство в «панъевропейском» блоке его инициаторы надеялись использовать в целях подчинения более слабых участников этого блока и установления своего господства в Европе.

Идеологическому обоснованию проектировавшегося блока служила «теория», согласно которой создание тесного экономического и политического объединения капиталистических стран Европы обеспечило бы европейским народам мир и экономическое процветание. С помощью такого рода аргументации «панъевропейская» пропаганда пыталась убедить общественное мнение европейских стран в необходимости поступиться их национальными интересами. Объявляя создание «пан-Европы» средством спасения от большевистской «угрозы», инициаторы этого блока рассчитывали использовать в своих интересах ненависть реакционных кругов западных государств к социализму.

Усилия по организации «панъевропейского» блока предпринимались французскими империалистическими кругами во многих направлениях. Переговоры о создании «пан-Европы» велись и через обычные дипломатические каналы, и в Лиге наций, и на собраниях всякого рода пропагандистских организаций «панъевропейского движения», и на совещаниях участников международных европейских картелей, католических деятелей и т. д. Однако после двух лет настойчивых и бесплодных попыток инициаторам «пан-Европы» пришлось признать несостоятельность своих усилий.

Вопрос о причинах провала плана «пан-Европы» привлекает пристальное внимание современных идеологов «объединения Европы». Большинство из них объясняет этот провал прежде всего «запозданием» инициативы Бриана, якобы пропустившего благоприятный момент для осуществления своего проекта (умер Штреземан, выступавший за «франко-германское сближение», начался мировой экономический кризис и т. п.)¹. Некоторые из теоретиков «объединения Европы», как например Оливье Филипп в его книге «Проблема европейского союза», одной из самых главных причин краха «пан-Европы» считают существование «священного принципа национальной неза-

¹ *André Philip*, *L'Europe Unie et sa place dans l'économie mondiale*, Paris 1953, p. 302; *R. Coudenhove-Kalergi*, *An Idea conquers the World*, London 1953, p. 158, etc.

висимости»¹. Яростно нападая на «национальный миф», они бичуют «национализм» европейских государств, отказавшихся пойти на взаимные уступки во имя «обеспечения мира» в Европе.

Суровой критике идеологов «европейской интеграции» подвергается прежде всего Франция, виновная, по их мнению, в первую очередь в том, что она препятствовала освобождению Германии от ограничений Версальского договора. Если бы Франция не подрывала попыток «франко-германского примирения» своей «неуступчивостью», утверждают они, а сразу согласилась бы на «равенство» Германии в вооружениях, на совместную, франко-германскую эксплуатацию французских колоний и т. д., не произошло бы взрыва германского «национализма», гитлеровцы не пришли бы к власти и «франко-германское сближение» стало бы возможным.

В числе причин краха плана «пан-Европы» некоторые буржуазные исследователи упоминают и сомнения других государств в отношении подлинных намерений его инициаторов². Но противодействие капиталистических держав Европы этому плану объясняется ими в значительной мере ошибками французской внешней политики и особой сложностью международной обстановки в период мирового экономического кризиса. Что касается антисоветской направленности проекта «Европейского федерального союза», то она категорически отрицается, а позиция Советского Союза в отношении плана «пан-Европы» обходится в большинстве случаев полным молчанием.

Однако подлинные причины провала «пан-Европы» вызваны отнюдь не случайными, «субъективными» факторами, на которые указывают большинство буржуазных исследователей. Эти причины закономерно обусловлены самим характером проекта «Европейского федерального союза», теми империалистическими целями, которые преследовали его инициаторы.

Крах «пан-Европы» был предопределен в значительной мере беспочвенностью расчетов французских монополистов на возможность сговора с более мощными германскими монополиями на основе главенства французского

¹ *Olivier Philip*, *Le problème de l'Union Européenne*, Paris 1950, p. 166.

² *Andrew and Frances Boyd*, *Western Union. A Study of the Trend toward European Union*, Washington 1949, p. 43—44.

финансового капитала. Во всяком союзе монополистов роль его участников определяется их мощью. А мощь германских монополий в отношении их французских партнеров непрерывно возрастала. Этому в немалой степени способствовала поддержка, которую оказывали германскому империализму монополисты США, делавшие на него ставку, как на главный оплот европейского капитализма и главную ударную силу в борьбе против социализма в Европе. Попытка французской реакции создать «панъевропейский» блок с участием Германии при сохранении версальского статус-кво, т. е. ее подчиненного положения побежденной державы, была авантюрой.

Стремление французских империалистов использовать «Европейский федеральный союз» для установления своей гегемонии на европейском континенте встретило отпор со стороны их германских, английских, американских и других империалистических конкурентов. К тому же плану «пан-Европы» французских реакционеров было противопоставлено стремление германских империалистов, связанных с монополистическими кругами США и Англии, использовать идею «объединения Европы» для установления своего господства на европейском континенте.

Хотя инициаторы «пан-Европы» и провозглашали неприкосновенность национального суверенитета ее участников, экспансионистские замыслы французских монополистов не были секретом для правящих кругов малых стран Европы, которые также фактически не поддержали патетических призывов Бриана к «объединению».

Попытки поборников «европейской федерации» использовать в целях организации давления на правительства и парламенты европейских стран так называемое «панъевропейское движение» были безуспешны. «Панъевропейская» пропаганда не получила распространения в сколь-нибудь значительных слоях населения капиталистической Европы. Ее подлинные реакционные цели неустанно разоблачались коммунистами и другими представителями прогрессивной общественности.

Империалистические прожектеры «пан-Европы» надеялись преодолеть противоречия, связанные с осуществлением их замыслов, используя ненависть международной реакции к Советскому Союзу, разрешить эти противоречия за счет первого социалистического государства. Однако эти планы были сорваны внешней политикой Совет-

ского Союза, поддержанной миролюбивыми силами во всем мире. Опираясь на экономическую и политическую мощь страны социализма, на непоколебимое единство советского народа, сплоченного вокруг Коммунистической партии, на поддержку трудящихся капиталистических стран, советская дипломатия расстроила происки врагов мира в Европе. В ходе борьбы Советского Союза против попыток империалистической реакции сколотить под флагом «пан-Европы» замкнутый блок европейских капиталистических государств была полностью раскрыта неосуществимость «пацифистских» целей, лицемерно деклариовавшихся «панъевропейцами», и разоблачены их подлинные намерения. В борьбе за мир советская дипломатия умело использовала заинтересованность определенных кругов европейской буржуазии в развитии нормальных экономических связей с социалистическим государством, а также противоречия в империалистическом лагере. Советская внешняя политика мирного сосуществования и равноправного сотрудничества всех государств одержала верх над империалистической политикой сколачивания агрессивного «панъевропейского» блока.

Таковы в общих чертах подлинные причины провала «пан-Европы», которые буржуазные исследователи этого вопроса, естественно, предпочитают замалчивать. Их рассуждения о «франко-германском сближении», о вреде «национального мифа» и т. д. в 30-х годах призваны оправдать сегодняшнюю империалистическую политику западных держав. Усилия псевдоученых наемников современных вдохновителей «европейской интеграции» направлены на то, чтобы замаскировать реакционную сущность планов «объединения Европы» и скрыть пагубные последствия деятельности инициаторов этих планов между первой и второй мировыми войнами на судьбы европейских народов.

Империалистическая политика «объединения Европы» против СССР способствовала усилению германских милитаристов, готовивших агрессивную войну. Деятельность французских и иных западных «панъевропеистов», разглагольствовавших о «франко-германском примирении», нанесла тяжелый ущерб национальным интересам Франции и других европейских стран. Усилившийся германский империализм обратил свою военно-экономическую мощь против тех стран, правители которых мечтали использо-

вать ее только для борьбы против социализма. Разгром Франции в 1940 г. и установление гитлеровского «нового порядка» в Европе, а также гибель многих тысяч французов, англичан и американцев были лишь логическим завершением империалистической политики «объединения Европы» против СССР под лицемерными лозунгами обеспечения «мира» и экономического «процветания» на европейском континенте.

Изучение истории попыток империалистического «объединения Европы» приводит к выводу о том, что важнейшим препятствием на пути развязывания агрессии в Европе являлась политика мира и сотрудничества между всеми народами, проводимая Советским Союзом, его неустанная борьба за европейскую безопасность.

Казалось бы, «теории» разрешения всех проблем капиталистической Европы путем ее экономического и политического «объединения» подверглись достаточному испытанию временем, чтобы обнаружилась их полная несостоятельность. Однако буржуазные идеологи вновь поднимая эти «теории» на щит. При содействии американских монополистов планы «европейской интеграции» получили широкое распространение в правящих кругах некоторых западноевропейских стран. Пропаганда «объединения Европы» призвана служить социальному обману народных масс, создавать у них иллюзии относительно возможности лучшего будущего при капитализме. Она маскирует империалистическую политику сколачивания военных блоков и подготовки новой войны, прикрывает попытки сговора империалистов о совместной борьбе против СССР и европейских стран народной демократии, против рабочего и национально-освободительного движения.

Однако ужасы гитлеровского «нового порядка» еще слишком свежи в памяти европейских народов, чтобы они дали себя убаюкать баснями апологетов «европейской интеграции» о том, что «объединение Европы» с участием возрождаемого германского милитаризма будет способствовать обеспечению мира и безопасности на европейском континенте.

Империалистическая реакция и ее идеологи тщетно пытаются отвлечь внимание народов от передовых идей, обмануть народные массы. Самый ход событий обнажает подлинные мотивы и замыслы поборников «европейской интеграции», лицемерно вздыхающих о «раздробленно-

сти» Европы и одновременно проводящих политику ее раскола. Для народов Европы, да и не только Европы, все более очевидной становится угроза, которой чревата империалистическая политика «европейской интеграции», особенно в связи с перспективой использования «общего рынка» и «Евратома» западногерманским империализмом для укрепления его военно-экономического потенциала.

Рост опасности со стороны усиливающейся милитаристской и реваншистской Западной Германии, перспектива ликвидации национального суверенитета западноевропейских государств в рамках «наднациональной» «малой Европы» и полного их подчинения диктату американских монополистов вызывают возрастающее сплочение всех патриотических сил западноевропейских стран в борьбе за национальные интересы. Борьбу против империалистической политики «объединения Европы» возглавляют коммунистические партии и прогрессивные профсоюзы западноевропейских стран и прежде всего шести стран «малой Европы». Они подчеркивают необходимость такого сотрудничества европейских стран, которое проводилось бы в интересах народов, а не монополий, в интересах мира, а не подготовки войны.

Огромное значение для дела борьбы против империалистической политики подготовки войны под флагом «объединения Европы» имеют предложения Советского Союза по вопросам создания общеевропейской системы коллективной безопасности и развития всестороннего сотрудничества между всеми европейскими государствами. В этих целях Советский Союз предлагает либо использовать уже существующие организации общеевропейского характера, либо создать новые организации на условиях, приемлемых для всех европейских государств, независимо от их социального строя. Предложения Советского Союза об общеевропейском сотрудничестве, отражающие генеральную линию советской внешней политики на мирное сосуществование государств с различными общественными системами, представляют приемлемую для всех европейских народов альтернативу империалистическим планам «объединения Европы».

Мир и безопасность в Европе Советский Союз предлагает достигнуть путем согласованных усилий всех европейских государств. Советский Союз исходит из того, что

хотя разные европейские страны живут различной жизнью, и люди, населяющие их, придерживаются неодинаковых политических убеждений, все они в равной мере заинтересованы в сохранении и укреплении мира.

Что же касается планов «объединения Европы», то в них европейские государства с одним политическим строем противопоставляются европейским государствам с другим политическим строем. Даже официально декларируемой целью этих планов является «обеспечение безопасности» лишь нескольких западноевропейских стран — участниц военной группировки, направленной против ряда стран Восточной Европы.

Советский Союз выступает за ликвидацию военных группировок одних европейских государств против других и создание системы коллективной безопасности с участием всех европейских государств, к которым могут присоединиться и Соединенные Штаты Америки. Государства — участники этой системы разрешали бы мирными средствами все споры, которые могут возникнуть между ними, и принимали бы совместно эффективные меры для устранения угрозы вооруженного нападения на любого из них и для поддержания безопасности в Европе. Таким образом были бы созданы условия для предотвращения агрессии против какого-либо государства в Европе, что отвечает интересам всех европейских народов.

Планы «объединения Европы» предусматривают сохранение и укрепление замкнутых военных блоков, политика создания которых уже не раз ввергала европейские народы в пучину войны, приносившей им неисчислимые жертвы и материальные разрушения.

СССР исходит из признания необходимости укрепления международного сотрудничества в соответствии с принципами уважения независимости и суверенитета государств, а также невмешательства в их внутренние дела. Советский Союз глубоко убежден в том, что подлинное решение проблем, затрагивающих интересы каждой европейской страны, нельзя найти на основе создания новых замкнутых организаций той или иной группы стран, противопоставляемой другим странам Европы. Он выступает, в частности, за развитие широкого сотрудничества в области экономики и в области мирного использования атомной энергии между всеми государствами в Европе и вне

ее, за устранение всякого рода дискриминаций и барьеров, препятствующих такому сотрудничеству.

Проповедники «объединения Европы» предлагают странам — участницам такого «объединения» отказаться от их государственного суверенитета и независимости их внутренней и внешней политики и превратиться в бесправные штаты некой «европейской федерации». Они выступают против общеевропейского сотрудничества, ограничивая все виды сотрудничества («общий рынок», «Евратом» и т. д.) рамками нескольких государств Западной Европы и углубляя тем самым раскол Европы.

Советские предложения об общеевропейском сотрудничестве направлены на скорейшее решение германского вопроса путем объединения Германии на миролюбивой и демократической основе. В них учитывается создавшееся положение, когда на территории Германии существуют два самостоятельных германских государства с различными общественными и экономическими укладами. Поэтому они предусматривают участие в системе европейской коллективной безопасности и других общеевропейских организациях и Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики, что способствовало бы устранению недоверия между государствами и создавало бы тем самым предпосылки для окончательного урегулирования германской проблемы. Эта проблема была бы постепенно разрешена самими немцами из обеих частей Германии, сблизившимися на почве совместной работы по укреплению мира в Европе.

Пропаганда «объединения Европы», игнорируя волю немецкого народа, призывает уничтожить завоевания немецких рабочих, крестьян и интеллигенции в ГДР, ставших на путь социалистического строительства, и насильственно распространить на них власть правящих кругов Федеративной Республики Германии. Согласно плану «объединения Европы», воссоединенная таким образом Германия должна быть ремилитаризована и включена в военные группировки западных держав. Вполне понятно, что объединение Германии на такой основе чревато серьезными осложнениями в международных отношениях.

Выдвигая свою программу, открывающую мирный путь к решению европейских проблем и отвечающую интересам народных масс, Советский Союз в то же время неуклонно разоблачает подлинную реакционную сущность

мероприятий империалистической политики, проводимых под вывеской «европейской интеграции». В выступлениях Советского правительства неоднократно подчеркивалось, что эти мероприятия призваны еще более углубить нынешний раскол Европы на военные группировки, закрепить обособление группы западноевропейских государств — участников НАТО и таким образом создать новые барьеры на пути к достижению общеевропейского сотрудничества.

В своей борьбе за мир и международное сотрудничество в Европе Советский Союз выступает единым фронтом с европейскими странами народной демократии и с прогрессивными силами всего мира.

Империалистической политике «европейской интеграции», политике насилия и принуждения, неравенства и порабощения противостоит социалистическая политика равноправного сотрудничества на началах добровольности и взаимной помощи, ведущая к сближению народов, к экономическому расцвету, укреплению политической самостоятельности и национальной независимости всех стран. Социалистическая политика открывает путь к подлинному объединению Европы в интересах всех европейских народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин, В. И.* Социализм и война (Отношение РСДРП к войне). Соч. Т. 21, стр. 267—307.
- Ленин, В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы. Соч. Т. 21, стр. 308—311.
- Ленин, В. И.* Крах II Интернационала. Соч. Т. 21, стр. 181—232.
- Ленин, В. И.* Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. Соч. Т. 21, стр. 1—4.
- Ленин, В. И.* Война и российская социал-демократия. Соч. Т. 21, стр. 9—18.
- Ленин, В. И.* Конференция заграничных секций РСДРП. Соч. Т. 21, стр. 137—142.
- Ленин, В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. Соч. Т. 22, стр. 173—290.
- Ленин, В. И.* Предложение Центрального Комитета РСДРП 2-ой социалистической конференции. Соч. Т. 22, стр. 157—167.
- Ленин, В. И.* Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». Соч. Т. 22, стр. 90—95.
- Ленин, В. И.* Империализм и раскол социализма. Соч. Т. 23, стр. 94—109.
- Ленин, В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч. Т. 23, стр. 16—64.
- Ленин, В. И.* К пересмотру партийной программы. Соч. Т. 26, стр. 123—150.
- Ленин, В. И.* IX съезд РКП(б). 29 марта — 5 апреля 1920 г. Соч. Т. 30, стр. 409—456.
- Ленин, В. И.* Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. Соч. Т. 31, стр. 107—112.
- Ленин, В. И.* Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Соч. Т. 31, стр. 293—308.
- Ленин, В. И.* VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. Соч. Т. 31, стр. 431—500.

- Ленин, В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Соч. Т. 30, стр. 130—141.
- Ленин, В. И.* Речь на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. Соч. Т. 31, стр. 410—429.
- Ленин, В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля—7 августа 1920 г. Соч. Т. 31, стр. 189—238.
- Ленин, В. И.* О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии. Соч. Т. 33, стр. 106—112.
- Ленин, В. И.* IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г. Соч. Т. 33, стр. 115—156.
- Ленин, В. И.* XI съезд РКП(б) 27 марта—2 апреля 1922 г. Соч. Т. 33, стр. 231—291.
- Ленин, В. И.* Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге. Соч. Т. 33, стр. 409—413.
- Ленин, В. И.* Тетради по империализму. М. 1939.

* *
*

- Ворошилов, К. Е.* Статьи и речи. М. 1937.
- Калинин, М. И.* Статьи и речи 1919—1935. М. 1936.
- Сталин, И. В.* К международному положению. Соч. Т. 6, стр. 280—301.
- Сталин, И. В.* Международный характер Октябрьской революции. К десятилетию Октября. Соч. Т. 10, стр. 239—250.
- Сталин, И. В.* Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б). Доклад на собрании актива ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 г. Соч. Т. 11, стр. 197—218.
- Торез, М.* Сын народа, ИЛ. М. 1950.
- Thorez, M.* Oeuvres. Livre II, t. 1—4.
- Хрущев, Н. С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат, М. 1956.

Документы, официальные публикации, справочники. Парламентские дебаты

а) Архивные документы

Историко-дипломатический архив. Ф. 581. «Панъевропейский союз». Оп. I. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 18, 165, 166, 167, 168, 299, 326, 327.

б) Изданные в СССР

- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК». Изд. 7. М. 1954.
- XIII съезд Российской коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1924.
- XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.—Л. 1926.
- XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1928.

- XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1930.
- XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. Партиздат. 1934.
- XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. Госполитиздат. 1939.
- XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М. Госполитиздат. 1956.
- Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М. 1933.
- XI пленум ИККИ. Стенографический отчет. Вып. 1. Партиздат. 1932.
- XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. Партиздат. 1933.
- XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. Партиздат. 1934.
- «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. I—IV. М. 1944—1946.
- Документы и материалы кануна второй мировой войны (из архива германского МИД). М. 1948. Т. 2. Архив Дирксена (1938—1939 гг.).
- Международная политика в 1929 году. М. НКИД. 1931.
- Международная политика в 1930 году. М. НКИД. 1932.
- Международная торговля и внешняя торговля СССР. М. 1941.
- Мировые экономические кризисы 1848—1935. Т. I, III. М. 1937, 1939.
- Новые материалы к работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». М. 1935.
- «Репарационный вопрос и военные долги». Сборник документов. Под ред. А. Ерусалимского и Л. Иванова. М. 1933.
- «Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях». Сборник документов, М. 1939.
- «Фальсификаторы истории». (Историческая справка). Госполитиздат. 1952.
- Материалы процесса «промпартии» взяты из «Правды» за ноябрь—декабрь 1930 г.
- Материалы процесса «Союзного бюро меньшевиков» взяты из «Правды» за март 1931 г.

в) Изданные за рубежом

- Annuaire européen. European Year Book. La Haye—The Hague. V. 1. 1955; v. 11. 1956.
- Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Second Series. V. 1, 11. L. 1946—1947.
- «La France économique en 1929». P. 1930.
- «La France économique en 1930». P. 1931.
- «La France économique en 1931». P. 1932.
- Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1929, 1930, 1931.
- League of Nations. Official Journal. 1930. № 84, 85, 86. Records of the 11-th ordinary session of the Assembly.
- Le Livre Jaune français. Documents diplomatiques 1938—1939. Paris. 1939.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1930. V. 111. W. 1945; 1931. V. 1. W. 1946.
- Parliamentary debates. House of Commons. 1930.
- United States Congress. Congressional record. 1930.

- Société des Nations. Commission d'Etude pour l'Union européenne. Procès-verbal de la Deuxième session (16—21. Janvier 1931). Genève. 1931.
- Société des Nations. Commission d'Etude pour l'Union européenne. Procès-verbal de la Troisième session (15—21 mai 1931). Genève. 1931.
- Значительное количество официальных документов, в том числе меморандум Бриана от 1. V. 1930 г. и ответы на него европейских правительств, взяты из «Temps» и «Europe Nouvelle».
- «Le procès Flandin devant la Haute Cour de Justice 23—26 Juillet 1946». Paris. 1947.
- The Trial of German Major War Criminals. L. 1946., parts 12, 13, 14

Мемуары и дневники

- Abetz, Otto.* Histoire d'une politique franco-allemande 1930—1950. P. 1953.
- Amerly, L. S.* My Political Life. V. 11, 111. London. 1953—1955.
- Beck, Colonel Joseph.* Dernier rapport. Politique polonaise 1926—1939. P. 1951.
- Bonnet, George.* Fin d'une Europe. Genève 1948.
- Brinon, Fernand de.* France — Allemagne 1918—1934. P. 1934.
- Coudenhove-Kalergi, R. N.* Crusade for Pan Europe. N. Y. 1943.
- Coudenhove-Kalergi, R. N.* An Idea Conquers the World. London. 1953.
- Curtius, Julius.* Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik. Heidelberg 1948.
- Curtius, Julius.* Der Young Plan. Entstellung und Wahrheit. Stuttgart. 1950.
- Dalton, Hugh.* Call Back Yesterday. Memoirs 1887—1931. L. 1953.
- Dawes, Charles.* Journal as Ambassador to Great Britain. N. Y. 1939.
- Dirksen, Herbert.* Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu Jahren deutscher Aussenpolitik 1919—1939. Stuttgart. 1949.
- Edge, Walter.* A Jerseyman's Journal. Princeton. New Jersey. 1948.
- Flondin, Pierre-Etienne.* Une politique française 1919—1940. P. 1947.
- François-Poncet, André.* Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Septembre 1931—Octobre 1938. P. 1946.
- *Gafenco, G.* Derniers jours de l'Europe. Un voyage diplomatique en 1939. Paris 1946.
- Herriot, Edouard.* Jadis. P. 1952.
- Hoover, H.* The Memoirs of Herbert Hoover. V. 11 (1920—1933). N. Y. 1951.
- Hoover, H.* The Memoirs of Herbert Hoover. V. III. The Great Depression (1929—1941). N. Y. 1952.
- Lagardelle, Hubert.* Mission à Rome. Paris 1955.
- Noel, Léon.* L'agression allemande contre la Pologne. Paris 1946.
- Paul-Boncourt, J.* Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. P. 1945—46.
- Papen, Franz von.* Memoirs. L. 1952.
- Requin, Général.* D'une guerre à l'autre (1919—1939). P. 1949.
- Reynaud, Paul.* La France a sauvé l'Europe. P. 1947. V. 1.
- Reynaud, Paul.* Au coeur de la mêlée. P. 1951.
- Rauschnig, H.* Men of Chaos. N. Y. 1942.
- *Schmidt, Paul.* Statist auf diplomatischer Bühne, 1923—1945. Bonn. 1949.

Stresemann, Gustav. Vermächtnis. Berlin 1932—1933.
Stimson, H. L. and Bundy, M. On active service in peace and war. N. Y. 1948.
Samuel. Memoirs by the Rt. Hon. Viscount Samuel. L. 1945.
Tabouis, Geneviève. Ils l'ont appelée Cassandre. N. Y. 1942.
Welles, Sumner. The Time for Decision. N. Y. 1945.
Wilson, Hugh R. Diplomat between Wars. N. Y. 1941

Выступления иностранных политических деятелей

Briand, Aristide. Discours prononcé à Genève le 5 septembre 1929 par Aristide Briand. P. 1929.
Blum, Léon. A l'échelle humaine. Lausanne 1945.
Blum, Léon. Les problèmes de la paix. P. 1931.
Churchill, W. Europe Unite. Speeches 1947 and 1948. L. 1950.
Coudenhove-Kalergi, R. N. Kampf um Paneuropa. Leipzig—Wien 1925.
Coudenhove-Kalergi, R. N. Europe must unite. Clarus, Switzerland 1939.
Coudenhove-Kalergi, R. N. Die Europäische Nation. Stuttgart 1953.
Eccard, Frédéric. La menace soviétique. P. 1931.
François-Poncet, André. De Versailles à Potsdam. P. 1948.
Germain-Martin. Le problème financier 1930—1936. P. 1936.
Herriot, Edouard. Europe. P. 1930.
Hervé, Gustave. France—Allemagne. La reconciliation où la guerre. P. 1931.
Lemery, H. De la paix de Briand à la guerre de Hitler. P. 1949.
Monnet, Jean. Les Etats-Unis d'Europe ont commencé. Paris 1955.
Ormesson, Wladimir, d'. Qu'est ce qu'un Français. P. 1934.
Painlevé, Paul. Paroles et Ecrits. P. 1936.
Pomaret, Charles. L'Amérique à la conquête de l'Europe. P. 1931.
Schacht, Hjalmar. Das Ende der Reparationen. Oldenburg 1931.
Seeckt, von. Deutschland zwischen West und Ost. Hamburg 1940.

Общая и специальная литература

а) Работы советских авторов

Беглов, С. Европейское сообщество — угроза миру и безопасности народов. Госполитиздат. 1954.
Бошковиц, Б. Малая Антанга. М.—Л. 1934.
Григорьев, Л.; Оленев, С. Борьба СССР за мир и безопасность в Европе (1925—1933 гг.). Госполитиздат. 1956.
Дипломатический словарь. Т. I, II. М. 1949—1950.
Иванов, Л. Н. Морское соперничество империалистических держав. М. 1936.
Иноземцев, Н. Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). Госполитиздат. 1954.
История дипломатии. Т. III. М.—Л. 1945.
Кульбакин, В. Д. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. Госполитиздат, М. 1954.
Липпай, З. Борьба империалистов в дунайском бассейне. М. 1939.
Молчанов, Н. Парижские соглашения — угроза миру. Госполитиздат, 1955.
Постников, В. В. США и дауэсизация Германии (1924—1929). М. 1957.
Романский, А. Экономика современной Франции. М. 1931.
Турок, В. М. Локарно. М.—Л. 1949.

Цвылев, Р. И. Объединение угольных и стальных королей Западной Европы («план Шумана»). Госполитиздат. 1956.

Шнеерсон, А. И. Финансовый капитал во Франции. М. 1937.

б) Работы иностранных авторов

Аллен, Дж. Международные монополии и мир. М., 1948.

Бердж, У. Международные картели. М. 1947.

Беттельхейм, Шарль. Экономика Франции 1919—1952. М. 1953.

Джордан, В. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М. 1945.

Бомье, Ж. Спустя четыре года. М. 1950.

Бомье, Ж. От Гитлера до Трумэна. М. 1951.

Денни, Л. Америка завоевывает Британию. М. 1931.

Гофман, К. Нефтяная политика и англосаксонский империализм. Л. 1930.

Кучинский, Ю. История условий труда во Франции. М. 1950.

Кайо, Ж. Куда идет Франция? Куда идет Европа? М.—П. 1923.

Мартин, Дж. Братство бизнеса. М. 1951.

Моультон и Льюис. Финансы и экономика современной Франции. М. 1927.

Нитти, Ф. Европа над бездной. Петроград. 1923.

Норден, А. Уроки германской истории. М. 1948.

Норден, А. Во имя нации. М. 1953.

Норден, А. Так делаются войны. М. 1951.

Сейерс М. и А. Кан. Тайная война против Советской России. М. 1947.

Сэсюли, Р. И. Г. Фарбениндустри. М. 1948.

Терсен, Э.; Дотри, Ж.; Виллар, К.; Шамбаз, Ж. Европа (от Наполеона до наших дней). Мифы и действительность. ИЛ. 1955.

Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию. М. 1953.

Эдвардс, К. Международные картели в экономике и политике. ИЛ. 1947.

Экономическое положение и торговая политика Франции. Берлин. 1932.

Albert-Sorel, J. Histoire de France et d'Angleterre. Amsterdam — Paris 1950.

Ambruster, H. W. Treason's Peace, German Dyes and American Dupes. N. Y. 1947.

Baumont, M. La faillite de la paix. P. 1946.

Beloff, M. The Foreign Policy of Soviet Russia 1929—1941. V. 1. N. Y. 1947.

Berger, Gaston; Chevalliers, J. J.; Durand, Charles; Duverger, Maurice; Fabre, Michel; Marc, Alexandre; Mathiot, André; Pelloux, Robert; Reuter, Paul; Sigmann, Jean; Ténékidès, Georges; Vedel, Georges. Le Fédéralisme. V. 1. Paris 1956.

Berl, E. La politique et les partis. P. 1932.

Billotte, Pierre. L'Europe est née. Paris 1955.

Bonnefous, E. L'idée européenne et sa réalisation. P. 1950.

Bonnefous, E. L'Europe en face de son destin. P. 1952.

Boyd, Andrew and Francis. Western Union. Wash. 1949.

Britain in Western Europe. WEU and the Atlantic Alliance. A Report by a Study Group of the Royal Institute of International Affairs. London. 1956.

Carr, Ed. H. German-Soviet Relations between the two wars. Baltimore 1951.

- Chastenet, Jacques.* Raymond Poincaré. P. 1948.
- Chastenet, J.* Vingt ans d'histoire diplomatique (1919—1939). Genève 1945.
- Clerget, Pierre et Clerget, Marcel.* La France dans le monde. P. 1938.
- Coates, W. P. and Coates, Z. K.* A History of Anglo-Soviet Relations. L. 1945.
- Cowan, L. G.* France and the Saar 1680—1948. N. Y. 1950.
- Cristiani L.* La Fin d'un régime. Tableau de la vie politique française de 1919 à 1939. P. 1946.
- Crivelli, D.* La Fin de la crise. P. 1932.
- Curtis, L.* The Open Road to Freedom. Oxford. 1950.
- David, R.* La Troisième République (1871—1934). P. 1934.
- Debu-Bridel, J.* L'agonie de la Troisième République (1929—1939). P. 1948.
- Delaisi, F.* Les deux Europes. P. 1929.
- Delaisi, F.* La Banque de France aux mains de 200 familles. P. 1936.
- Delaisi, F.* Les Sovièts et la dette Russe en France. P. 1930.
- Delperèe, Albert.* Politique sociale et intégration européenne. Paris 1956.
- Dollet, R.* Souvenirs diplomatiques. P. 1951.
- Einzig, P.* Behind the Scenes of International Finance. L. 1932.
- Einzig, P.* Finance and Politics. L. 1932.
- Einzig, P.* Montagu Norman. L. 1932.
- Einzig, P.* France's Crisis. L. 1934.
- Emery, L.* La Troisième République. P. 1943.
- European Movement and the Council of Europe. L. 1949.
- Fabre-Luce, A.* Le projet Churchill. (Les Etats — Unis d'Europe). P. 1947.
- Feis, H.* The Diplomacy of the Dollar. Baltimore 1950.
- Fisher, L.* Les Sovièts dans les affaires mondiales. P. 1933.
- Fisher, L.* Why recognize Russia, N. Y. 1931.
- Folchi, Alberto.* Europa Unita. I trattati per l'Euratom ed il mercato comune. Roma 1957.
- Fouchet, J.* La politique commerciale en France depuis 1930. P. 1938.
- Germain, A.* Hitler ou Moscou. P. 1933.
- Goguel, F.* La politique des partis sous la III République. P. 1946.
- Gunther, J.* Inside Europe. L. 1936.
- Hamon, Augustin et X. Y. Z.* Les maitres de la France. Paris. 1936.
- Harcourt, Robert d'; Hellwege, Heinrich; Rougemont, Denis de; Tessier, Jacques.* Dix ans d'efforts pour unir l'Europe 1945—1955. Paris 1955.
- Hexner, E.* The International Steel Cartel. Chapel Hill 1943.
- Henri, Ernest.* Hitler over Europe? London 1934.
- Hexner, E.* International Cartels. Chapel Hill 1946.
- Hoeltzsch, O.* Le caractère et la situation internationale de l'Union Soviétique. Genève 1932.
- Howard, J. E.* Parliament and Foreign Policy in France. L. 1948.
- Hutchinson, Paul.* The United States of Europe. New York. 1929.
- L'Intégration économique de l'Europe. Paris 1953.
- The International Debt Problem (1929—1932). L. 1948.
- Jouvenel, Bertrand de.* Vers les Etats — Unis d'Europe. Paris 1930.
- Jouvenel, Bertrand de.* D'une guerre à l'autre. V. II. La décomposition de l'Europe liberale, (1925—1932). P. 1948.

- Jouvenel, Renaud de.* Vingt ans d'erreurs politiques. P. 1947.
- Klein, F.* Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932. Berlin 1952.
- Kuczynsky, Jürgen; Wittkowsky, Grete.* Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren. B. 1947.
- Lachapelle, G.* Les batailles du franc. P. 1928.
- Lavergne, B.* Le plan Schuman. P. 1951.
- Lavergne, B.* La chimère de l'Europe Unie. P. 1952.
- Lavergne, B.* L'armée dite européenne. P. 1952.
- Léger, B. M. E.* Les opinions politiques des provinces françaises. P. 1934.
- Léonard, Raymond.* Vers une organisation politique et juridique de l'Europe. Paris 1935.
- Lippmann, W.* The United States in World Affairs. N. Y. 1932.
- Lüthy, Herbert.* A l'heure de son clôcher. Essai sur la France. Paris 1955.
- Mackay, D.* The United States and France. Cambridge — Massachusetts. 1951.
- Mackey, European Unity.* Oxford 1951.
- Machray, Robert.* The Struggle for the Danube and the little Entente. 1919—1938. London 1938.
- Malpas, J.* Les mouvements internationaux des capitaux. P. 1934.
- Martel, R.* La France et la Pologne. P. 1931.
- Maginot, M. J.* He might have saved France. The biography of André Maginot. N. Y. 1941.
- Meyer, Henry Cord.* Mitteleuropa in German Thought and Action 1815—1945. The Hague 1955.
- Meynial, P.* Creances et dettes internationales. P. 1926.
- Moltke, Kai.* Krämer des Krieges. Berlin 1953.
- Moulton, H.* The French Debt Problem. L. 1926.
- Myers, W.* The foreign policies of Herbert Hoover (1929—1933). N. Y. 1940.
- Nord, Pierre.* L'Eurafrique notre dernière chance. Paris 1955.
- Pordea, G.* Aspects et problèmes de l'intégration européenne. P. 1951.
- Padover, S. and Larry Leonard, L.* Europe's Quest for Unity. N. Y. 1953.
- Philip, André.* L'Europe Unie et sa place dans l'économie internationale. Paris 1953.
- Philip, Olivier.* Le problème de l'Union Européenne. Paris 1950.
- Rivaud, A.* Le relèvement de l'Allemagne 1918—1938. P. 1938.
- Royal Institute of International Affairs. L. 1932. Collected Papers.
- Rechberg, A.* Was kostet der Friedensvertrag die Entente? München 1922.
- Rosenblum, M.* Peace through Strength. Bernard Baruch and a Blueprint for Security. Wash. 1953.
- Slovès, H.* Les relations commerciales entre la France et l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes. P. 1935.
- Slovès, H.* La France et l'Union Soviétique. P. 1935.
- Strausz-Hupé, Robert.* The Zone of Indifference. New York 1952.
- Suarez, G. Briand, L'artisan de la paix. V. VI.* P. 1953.
- Survey of American Foreign Relations. New Heaven 1930.
- Tremont, Jacques.* L'Unification de l'Europe. Conditions et limites. Bruxelles 1955.
- Trente ans d'histoire. De Clemenceau à de Gaulle. P. 1948.
- Toynbee, A.* Survey of International Affairs. 1929. L. 1930.
- Toynbee, A.* Survey of International Affairs. 1930. L. 1931.

- Toynbee, A.* Survey of International Affairs. 1931. L. 1932.
Toynbee, Arnold and Toynbee, Veronica M. Hitler's Europe. London 1954.
Vaucher, P. Postwar France. L. 1934.
Weill-Raynal, E. Les Réparations allemandes et la France, V. 3. P. 1947.
Wyler, Albert. L'Allemagne et le problème de la paix européenne.
Paris 1955.
Wirsing, G. Zwischen Europa und die deutsche Zukunft. Jena 1932.

Периодическая печать

- «Правда».
«Известия».
«Красная Звезда».
«Экономическая жизнь».
«Большевик» и «Коммунист».
«В защиту мира».
«Внешняя торговля».
«Вопросы истории».
«Вопросы внешней торговли».
«Вопросы экономики».
«Коммунистический Интернационал».
«Международная жизнь».
«Мировое хозяйство и мировая политика».
«Советская торговля».
«Daily Worker». London.
«Daily Worker». N. Y.
«Humanité».
«Die Rote Fahne».
«Cahiers du bolchévisme», «Cahiers du communisme».
«Cahiers Internationaux».
«Démocratie Nouvelle».
«Economie et politique».
«Année politique française et étrangère».
«Current History».
«Daily Herald».
«Economist».
«Economiste européen».
«Foreign Affairs».
«Foreign Policy Reports».
«Ere Nouvelle».
«Europe Nouvelle».
«New Republic».
«New York Times».
«Manchester Gardian».
«Perspectives».
«Revue d'économie politique».
«Revue politique et parlementaire».
«Revue des deux mondes».
«Revue des vivants».
«Times».
«La tribune des Nations».
«Temps». «Monde».
«Usine». «Usine Nouvelle».
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ «ПАНЪЕВРОПЕЙСКОЙ» ПРОПАГАНДЫ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ</i>	18
1. Выдвижение лозунга «объединения Европы» в послеверсальский период	—
2. Империалистические монополии — организаторы и вдохновители «панъевропейского движения»	33
3. «Локарнская» политика подготовки агрессии и ее «панъевропейская» маскировка	45
<i>Глава II. ПЛАН «ПАН-ЕВРОПЫ» — ОРУДИЕ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ</i>	56
1. Подготовка антисоветской интервенции под флагом «объединения Европы» в 1929—1930 гг.	—
2. Реакционная сущность проекта «Европейского федерального союза»	74
<i>Глава III. ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕРЖАВАМИ В ВОПРОСЕ «ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ»</i>	86
1. Германский милитаризм против французской «пан-Европы»	—
2. Англия и планы «объединения Европы»	96
3. Меморандум Бриана и франко-итальянские противоречия	106
4. Позиция американского империализма в вопросе «объединения Европы»	109
5. Крах плана политического «объединения Европы»	117
<i>Глава IV. ОТ ЛОКАРНСКОЙ «ПАН-ЕВРОПЫ» К ГИТЛЕРОВСКОМУ «НОВОМУ ПОРЯДКУ»</i>	124
1. Организация антисоветской блокады под лозунгом экономического «объединения Европы»	—
2. Борьба Советского Союза за мир и международное сотрудничество	141
3. Провал «панъевропейских» планов французских реакционеров	154
4. Переход инициативы «объединения Европы» к германскому империализму	174
5. Пропаганда «объединения Европы» на службе гитлеровской агрессии и борьба СССР за европейскую безопасность	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
БИБЛИОГРАФИЯ	203

4 руб.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1958

95

ПРОВАЛ ПЛАНОВ, ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ